

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)
Министерства образования и науки РФ в перечне ведущих научных журналов
и изданий для публикации научных результатов диссертационных исследований

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

№ 1 (17) 2016

Выходит 4 раза в год

ISSN 2223-6880

**Москва
2016**

Системная психология и социология: Всероссийское периодическое издание научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2016. № 1 (17).

ISSN 2223-6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора),
Абушкин Борис Михайлович, Арзуманов Юрий Леонидович,
Бершедова Людмила Ивановна, Гостев Александр Николаевич,
Дубровина Ирина Владимировна, Казаренков Вячеслав Ильич,
Карпова Наталья Львовна

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Ананишнев Владимир Максимович (зам. председателя, Москва),
Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург),
Забродин Юрий Михайлович (Москва), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэлевич (Москва),
Леньков Сергей Леонидович (Тверь), Романова Евгения Сергеевна (Москва),
Рычихина Элина Николаевна (Москва), Тюков Анатолий Александрович (Москва),
Урываев Юрий Викторович (Москва), Шейнов Виктор Павлович (Республика Беларусь, Минск)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77-37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России №22/49 от 25.05.2012 г.
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания: 41421

Зав. редакцией: О. В. Чибискова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел. +7 495 612 6716

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ЭИ № АС77-37715 от 29.09.2009 г.
<http://www.systempsychology.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Львова С. В. Сравнительный анализ характерных особенностей самооценки младших школьников и подростков.....	5
Кулагина И. Ю., Константинова Н. И. Родители и дети: тенденции становления мотивации.....	11
Коган Б. М., Ахмедова М. М. Особенности эмоциональной и когнитивной сфер детей, больных аутизмом и шизофренией.....	23
Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Пространственные представления в структуре смыслового восприятия речи младших школьников	30
Сенкевич Л. В. Особенности мотивационного профиля аддиктивно развивающейся личности: опыт эмпирического исследования в рамках системной теории мотивации	39
Бонкало Т. И., Ананикова В. В. Когерентно-синергетический подход к исследованию трансгрессии наркозависимой личности.....	51
Шейнов В. П. Модели психологических воздействий, приводящих к конфликтам.....	59

История психологии и психология истории

Иванов Д. В. Психологическая мысль в России начала XIX века. Д. В. Веневитинов.....	66
Рыжов Б. Н. Психологический возраст цивилизации (конец XI–XII вв.) <i>(продолжение)</i>	79

Социологические исследования

Романова Е. С., Ткаченко А. В., Татаринцев Е. А. Социальная эффективность среднего общеобразовательного учреждения	85
Никипорец-Такигава Г. Ю. О границах наций и национальных идентичностей в эпоху киберкоммуникации и киберинформации.....	96
Ананишнев В. М., Иванова О. А., Машкова Л. А. Студенческая среда московского мегаполиса: социологический анализ.....	102
Пряхин В. Ф. Русский космизм и мировоззренческие основы демократической политической глобализации	107

Информация

Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2016, № 1 (17).....	116
--	-----

CONTENTS

Psychological Researches

Lvova S. V. Comparative Analysis of the Self-esteem Features in Junior Schoolchildren and Teenagers	5
Kulagina I. Ju., Konstantinova N. I. Parents and Children: Tendencies of the Motivational Development	11
Kogan B. M., Akhmedova M. M. The Peculiarities of Emotional and Cognitive Spheres of Children with Autism and Schizophrenia.....	23
Valyavko S. M., Shulekina Ju. A. Spatial Representation in the Structure of Semantic Speech Perception in Younger Students	30
Senkevich L. V. The Peculiarities of Motivational Profile of Addictive Developing Personality Experience of Empirical Research within Systems Theory of Motivation	39
Bonkalo T. I., Ananikova V. V. Coherent and Synergetic Approach to the Study of Drug-addicted Personality Transgression.....	51
Sheinov V. P. Psychological Influence Models that Cause Conflicts.....	59

History of Psychology and Psychology of History

Ivanov D. V. Psychological Idea in Russia Beginning of XIX Century. D. V. Venevitinov	66
Ryzhov B. N. Psychological Age of Civilization (End of the XI–XII Centuries) (<i>Continued</i>)	79

Sociological Researches

Romanova E. S., Tkachenko A. V., Tatarintsev E. A. Social Efficiency of a Secondary Educational Institution	85
Nikiporets-Takigawa G. On the Borders of Nations and National Identities in the Era of Cyber Communication and Cyber Information	96
Ananishnev V. M., Ivanova O. A., Mashkova L. A. Student Diversity of Moscow Megapolis: Sociological Analysis.....	102
Pryakhin V. F. Russian Cosmism's World View as Contribution to the Democratic Political Globalization.....	107

Information

Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2016, № 1 (17)	116
---	-----

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ САМООЦЕНКИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ПОДРОСТКОВ

С. В. Львова,
МГПУ, Москва

В статье рассматривается современное состояние исследований самооценки школьников. Представлены результаты эмпирического исследования самооценки двух групп испытуемых: младших школьников и подростков. Выявлены характерные особенности самооценки респондентов в каждой из групп. Сделаны выводы о практической значимости исследования.

Ключевые слова: самооценка, самосознание, младший школьник, подросток, виды самооценки, особенности самооценки.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SELF-ESTEEM FEATURES IN JUNIOR SCHOOLCHILDREN AND TEENAGERS

S. V. Lvova,
MCU, Moscow

The article discusses the current status of studies of the students' self-esteem in two groups of subjects: younger students and adolescents. The features of the respondents' self-esteem is done in each group. The practical study relevance is written.

Keywords: self-esteem, self-awareness, Junior high school student, a teenager, forms of self-esteem, self-esteem features.

Введение

Проблема исследования характерных особенностей самооценки младших школьников и подростков является весьма актуальной. Она занимает одно из центральных мест в структуре проблем развития сознания и самосознания школьников, формирования гармонично развитой, эффективной личности.

Практическое значение исследования самооценки школьников состоит в том, что научно-обоснованное знание особенностей, показателей и характеристик самооценки является необходимым условием для организации успешного, результативного обучения, воспитания и самовоспитания школьников.

Степень проработанности проблемы самооценки личности и, в частности, вопросов самооценки школьников можно оценить к настоящему времени как достаточно высокую. Вместе с тем остается еще достаточно много вопросов, требующих более детально-

го изучения. К ним можно отнести и сравнительные характеристики самооценки младших школьников и подростков.

Особенности развития младших школьников и подростков отражаются в широком спектре мнений отечественных психологов. Разработке разнообразных аспектов развития посвящены работы таких отечественных ученых, как Л. И. Божович [1], Е. С. Романова [7], Б. Н. Рыжов [5; 8], Б. М. Абушкин [7], А. В. Иванов [9], С. В. Львова [2; 3], Ю. В. Чельшева [9; 11], Т. А. Шилова [12], А. А. Тюков [10], Л. Ю. Овчаренко [4] и других.

Современное состояние проблемы

Считая самооценку наиболее сложным продуктом сознательной деятельности ребенка, Б. Г. Ананьев указывал, что ее исходные формы являются прямым отражением оценок взрослых, а подлинная самооценка появляет-

ся тогда, когда она наполняется новым содержанием благодаря «личному» участию ребенка в ее производстве. На социальный характер формирования самооценки школьника также указывала Л. И. Божович [1].

Одним из выражений этого является механизм двустороннего сравнения. С одной стороны, такое сравнение происходит по классической схеме, предложенной У. Джемсом, рассматривающим самоуважение как функцию, зависящую от отношения степени успешности к уровню притязаний субъекта. С другой стороны, самооценка формируется под влиянием сравнения себя с другими людьми (см.: <http://privetstudent.com/diplomnyye/psikhologiiadiplomnyye-raboty/1562-diplom-strukturnosoderzhatelnye-osobennosti-samootnosheniya-podrostkov-iz-nepolnyh-semey.html>).

К концу дошкольного возраста в процессе развития самосознания ребенка происходит заметный скачок, но всё же основными свойствами самооценки большинства младших школьников остаются относительная неадекватность (выражается в завышенной самооценке по сравнению с оценкой учителя или группы); недифференцированность; неустойчивость; слабая обоснованность с опорой на субъективные, второстепенные признаки; недостаточная степень рефлексивности; отсутствие необходимой критичности по отношению к себе, своим возможностям, качествам и способностям. В младшем школьном возрасте учитель и его оценка, а также опыт собственной учебной деятельности (ее успешность или же неуспешность) являются важнейшими факторами развития самооценки. Это вполне объяснимо, так как в младшем школьном возрасте учебная деятельность является ведущей.

При смене ведущей деятельности закономерным образом происходит смена доминирующих факторов развития самооценки. Так, в средних классах школы ведущей деятельностью становится общение и поэтому на этом возрастном этапе в процессе формирования самооценки важнейшую роль играют уже не оценки учителя, а особенности взаимоотношений и общение подростка со сверстниками и взрослыми.

В процессе общения, межличностного взаимодействия подростка в школе и в неформальных группах происходит форми-

вание его самооценки как важнейшего регулятора поведения и деятельности, в значительной степени определяющего адаптацию школьника.

Центральным психическим процессом в подростковом возрасте является развитие самосознания. У подростка формируется новый уровень самосознания, при этом он осознает и оценивает себя, свои качества и способности, достоинства и недостатки в сравнении с окружающими сверстниками и взрослыми, ориентируясь на социально принятые эталоны и критерии.

Оценка подростком себя, своих возможностей и способностей осуществляется на фоне пристального внимания к другим людям, причем он осознает не только себя, но и других через их отношение к себе [3].

Особенности самооценки в значительной степени определяют поведение и деятельность подростка. Например, при завышенной самооценке подросток часто конфликтует с окружающими. Заниженная самооценка (часто сочетающаяся с неуверенностью в себе) оказывает негативное влияние на достижение подростком успеха в той или иной деятельности, что в свою очередь приводит к дальнейшему ее снижению или «закреплению» ее «заниженности».

Таким образом, подростковый возраст считается сензитивным для формирования самооценки. Это связано с ростом познавательных возможностей подростка, усилением интереса к себе и склонности к самонаблюдению.

Организация исследования

Объектом исследования в данной работе являлась самооценка младших школьников (ученики третьих классов) и подростков (ученики седьмых классов) СОШ № 950 г. Москвы.

Предмет исследования — уровень и особенности самооценки, характерной для младших школьников и подростков.

Были использованы следующие методики:

- «Реальная и идеальная самооценка»;
- «Исследование самооценки личности подростка»;
- методика Дембо – Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан.

Методика «Реальная и идеальная самооценка», или исследование самооценки с помощью процедуры ранжирования, позволяет определять адекватность самооценки, её заниженность или завышенность. В работе Т. В. Галкиной описан вариант этой методики, модернизированный для детей младшего школьного и подросткового возраста. При этом состав качеств личности, предназначенный для ранжирования испытуемым, сокращен с двадцати до десяти, и исследователем в данном случае выбираются качества личности, более понятные для детей конкретного возраста.

Испытуемым школьникам будет предложено проранжировать перечисленные в стандартизированной программе качества личности относительно двух критериев — «Идеал» и «Я» — по шкале от 1 до 10 по мере убыва-

характер и т. д. Обследуемым предлагается на вертикальных линиях отметить определенными знаками уровень развития у них этих качеств (показатель самооценки) и уровень притязаний, т. е. уровень развития этих же качеств, который бы удовлетворял их [6].

Результаты исследования и их обсуждение

Было проведено эмпирическое исследование самооценки младших школьников в 3 «а» и 3 «б» классах, 43 человека по каждой методике, и подростков в 7 «а» и 7 «б» классах, 37 человек по каждой методике.

Общие сводные данные опроса младших школьников и подростков по методике

Таблица 1

Сравнение уровня самооценки младших школьников и подростков (по методике «Реальная и идеальная самооценка»)

Уровень самооценки школьников	Сравнение показателей	
	Младшие школьники	Подростки
Завышенный ($r = 0,6 - 1,0$)	59,5 %	50,0 %
Адекватный ($r = 0,4 - 0,6$)	11,9 %	20,6 %
Заниженный ($r = 0 - 0,4$)	28,6 %	29,4 %

ния привлекательности для испытуемых этих качеств личности [6].

Методика «Исследование самооценки личности подростка» позволяет получить достаточно точные данные об уровне и степени адекватности самооценки личности подростка и ее самопринятии. Данная методика также относится к прямым методам исследования самооценки.

Методику можно применять как индивидуально, так и в группе (в классе) на широком возрастном контингенте испытуемых, начиная с девяти лет (т. е. для учеников-второклассников) и до подросткового возраста — 14 лет (т. е. для учеников-семиклассников).

Методика исследования самооценки Дембо – Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан основана на непосредственном оценивании (шкалировании) человеком ряда личных качеств, таких как здоровье, способности,

«Реальная и идеальная самооценка» представлены в таблице 1.

Результат по методике «Реальная и идеальная самооценка», анализ по U -критерию Манна – Уитни: $U_{\text{эмп}} = 696.5$. Критические значения при $p \leq 0.01$ — 490, при $p \leq 0.05$ — 556. Таким образом, полученное эмпирическое значение $U_{\text{эмп}}$ (696.5) находится в зоне незначимости.

Сравнительный анализ данных показывает, что доля школьников с завышенной самооценкой среди учеников младших классов существенно выше, чем среди подростков — соответственно почти 60 % по сравнению с 50 %. В то же время доля учеников с адекватным уровнем самооценки среди третьеклассников (11,9 %) почти в два раза ниже, чем среди семиклассников (20,6 %). При этом доля учеников с заниженным уровнем самооценки среди подростков несколько выше, чем у школьников младших классов — соответственно 29,4 % по сравнению с 28,6 %.

Общие сводные данные исследования самооценки младших школьников и подростков представлены в таблице 2.

Сравнительный анализ значений коэффициента по «отрицательному» множеству подтверждает выявленную нами тенденцию:

Таблица 2

**Сравнение уровня самооценки младших школьников и подростков
(по методике «Исследование самооценки личности подростка»)**

Уровень самооценки	Процент школьников с СО +		Процент школьников с СО –	
	Младшие школьники	Подростки	Младшие школьники	Подростки
Неадекватная завышенная	18,2 %	16,7 %	0	20,0 %
Адекватная, с тенденцией к завышению	6,1 %	10,0 %	0	10,0 %
Адекватная	6,1 %	6,7 %	3,0 %	0
Адекватная, с тенденцией к занижению	12,2 %	16,6 %	24,4 %	16,7 %
Неадекватная, заниженная	57,4 %	50,0 %	72,6 %	53,3 %

Условные обозначения: СО + — коэффициент самооценки по «положительному» множеству; СО – — коэффициент самооценки по «отрицательному» множеству. «Положительное» множество — самооценка положительных качеств личности; «отрицательное» множество — самооценка отрицательных качеств личности.

В этом случае различие сравниваемых показателей как по «отрицательному», так и по «положительному» множествам оказалось статистически незначимым. При этом сравнительный анализ значений коэффициента самооценки по «положительному» множеству у учеников младших классов и подростков показывает, что доля школьников с неадекватно завышенной самооценкой примерно одинакова — соответственно 18,2 % и 16,7 %, а доля учащихся с адекватным уровнем самооценки и тенденцией к ее завышению несколько выше среди подростков по сравнению с младшими школьниками — соответственно 10,0 % и 6,1 %.

Анализ показывает, что доля младших школьников с адекватным уровнем самооценки (при рассмотрении коэффициента самооценки по «положительному» множеству) примерно равна такой же доле среди подростков — соответственно 6,1 % и 6,7 %.

Если мы сравним долю школьников с адекватным, но имеющим тенденцию к занижению, уровнем самооценки по «положительному» множеству среди младших школьников с соответствующим показателем среди подростков, то наглядно увидим, что у последних эта доля выше, т. е. для подростков характерна тенденция к занижению своей самооценки, что полностью подтверждает гипотезу нашего исследования.

так, среди младших школьников с адекватной, но имеющей тенденцию к занижению самооценкой эта доля существенно выше, чем среди подростков — соответственно 24,4 % и 16,7 %, т. е. среди младших школьников значительно меньше тех, кто себя оценивает негативно.

Еще более выражена эта зависимость в подгруппе школьников с неадекватно заниженной самооценкой: так, среди младших школьников их 72,7 %, а среди подростков 53,3 %.

Такая же зависимость зеркально проявляется в подгруппе учеников с неадекватно завышенной самооценкой (на «отрицательном» множестве, т. е. при самооценке школьниками отрицательных черт своей личности): так, численность названной доли среди младших школьников равна нулю, а среди подростков — 20,0 %.

Общие сводные данные опроса младших школьников и подростков по методике Дембо – Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан представлены в таблице 3.

Различие сравниваемых показателей (по уровню притязаний и по уровню самооценки) здесь также оказалось статистически незначимым. При этом сравнительный анализ значений уровня притязаний среди младших школьников и подростков показывает, что у первых выше доля с завышенным уровнем притязаний — соответственно 38,5 % и 35,5 %.

Сравнение уровня притязаний и самооценки младших школьников и подростков по методике Дембо – Рубинштейн

Уровень притязаний и самооценки	Уровень притязаний		Самооценка	
	Младшие школьники	Подростки	Младшие школьники	Подростки
Завышенный	38,5 %	35,5 %	26,9 %	45,2 %
Реалистичный, адекватный	61,5 %	54,8 %	73,1 %	32,3 %
Заниженный	0	9,7 %	0	22,6 %

При этом среди младших школьников существенно выше доля учеников с реалистичным уровнем притязаний, чем у подростков, соответственно 54,8 % и 42,3 %.

В то же время среди подростков более значима доля учеников с заниженным уровнем притязаний — 9,7 %, у младших школьников такая доля равна 0.

Сравнительный анализ значений уровня самооценки показывает, что у младших школьников этот показатель значительно превышает соответствующее значение показателя у подростков — 45,2 % и 26,9 %. При этом среди подростков значительно больше учеников с адекватной самооценкой по сравнению с младшими школьниками — соответственно 73,1 % и 32,3 %.

Выводы

Поставленная в исследовании цель — выявление характерных особенностей самооценки у двух групп школьников — учеников младших классов и подростков — была достигнута.

Получены конкретные иллюстрации к известному теоретическому положению о том, что

самооценку можно определить как важнейшее личностное образование, центральный компонент структуры личности, являющейся результатом перенесения извне во внутрь представлений и оценок о ней других, а также ее собственной активности.

Полученные в результате проведенного эмпирического исследования данные позволили выявить ряд частных взаимосвязей и особенностей. Так, сравнительный анализ значений уровня притязаний среди младших школьников и подростков показал, что у первых больше доля тех, кто имеет реалистичный уровень притязаний.

В то же время доля учеников с заниженным уровнем притязаний среди подростков несколько выше, чем у школьников младших классов. Видимо, в этом нашло подтверждение наше предположение о некотором снижении устойчивости образа своего «Я» в подростковом возрасте.

Результаты проведенного исследования могут получить применение в практике учебно-воспитательной работы классных руководителей и в деятельности школьных психологов при организации учебного процесса и внеклассной работы.

Литература

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009. 400 с.
2. Львова С. В. Взаимосвязь успеваемости и тревожности в младшем школьном возрасте // Социальное воспитание: системный подход: сб. научных статей / под ред. А. В. Иванова. М., 2016. С. 65–72.
3. Львова С. В. Учебно-методическое пособие по возрастной психологии / Департамент образования г. Москвы; Гос. образоват. учреждение Моск. гор. пед. ун-т, фак. психологии. М.: МГПУ; Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2006. 79 с.
4. Овчаренко Л. Ю. Проблемы успешности социально-психологической адаптации подростков в современной среде // Системная психология и социология. 2015. № 1 (13). С. 44–56.

5. Поляков Е. А., Рыжов Б. Н., Сенкевич Л. В. Системные особенности развития личности социально депривированных подростков // Социальное воспитание: системный подход: сб. научных статей / под ред. А. В. Иванова. М., 2016. С. 23–34.
6. Практикум по возрастной психологии: учебное пособие. 2 изд., доп. и переработ. / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2005. 694 с.
7. Романова Е. С., Абушкин Б. М. Психологическое здоровье как фактор системной социализации школьников // Системная психология и социология. 2015. № 1 (13). С. 5–13.
8. Рыжов Б. Н. Системная периодизация развития // Системная психология и социология. 2012. № 5 (1). С. 5–25.
9. Социальная педагогика: учебное пособие / А. В. Иванов, С. В. Алиева, А. Б. Белинская, М. В. Вольфман, С. В. Жундрикова, М. И. Макаров, Л. С. Подымова, Е. М. Таболова, Ю. В. Чельшева, О. А. Щанкина. М.: Дашков и Ко, 2013. 424 с.
10. Тюков А. А. Пространство развития поступков как предмет психологии развития личности и психологии воспитания // Социальное воспитание: системный подход: сб. научных статей / под ред. А. В. Иванова. М., 2016. С. 14–22.
11. Чельшева Ю. В. Учащиеся асоциального поведения: педагогический опыт социализации // Социальное воспитание: системный подход: сб. научных статей / под ред. А. В. Иванова. М., 2016. С. 42–50.
12. Шилова Т. А. Волевая активность как фактор усиленной самореализации // Самореализация личности в межкультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2012. С. 113–119.

References

1. **Bozhovich L. I.** Personality and its Formation in Childhood. SPb.: Peter, 2009. 400 p.
2. **Lvova S. V.** The Relationship between Academic Performance and Anxiety in Elementary School Age // Social Education: a Systematic Approach: Collection of Scientific Articles / edited by V. A. Ivanov. M., 2016. P. 65–72.
3. **Lvova S. V.** The Textbook on Developmental Psychology / The Department of Education of Moscow, MCU. M.: MCU; Publishing House of Modern Humanities University, 2006. 79 с.
4. **Ovcharenko L. J.** Socio-Psychological Adaptation Problems in Teenagers in the Modern Environment // Systems Psychology and Sociology. 2015. № 1 (13). P. 44–56.
5. **Polyakov E. A., Ryzhov B. N., Senkevich, L. V.** System Features of Socially Disadvantaged Adolescents' Personal Development // Social Education: a Systematic Approach: Collection of Scientific Articles / edited by V. A. Ivanov. M., 2016. P. 23–34.
6. Workshop on Developmental Psychology. Training Manual. 2nd edition, revised and supplemented / under the editorship of the Head of L. A. Golovey, E. F. Rybalko. SPb.: Speech, 2005. 694 p.
7. **Romanova E. S., Abashkin B. M.** Psychological Health System as a Factor of Socialization of Students // Systems Psychology and Sociology. 2015. № 1 (13). P. 5–13.
8. **Ryzhov B. N.** System Development Periodization // Systems Psychology and Sociology. 2012. № 5 (1). P. 5–25.
9. Social Pedagogy. Textbook / A. V. Ivanov, S. V. Alieva, B. A. Belinskaya, M. V. Wolfman, S. V. Gendrikova, M. I. Makarov, L. S. Podymova, E. M. Tabolova, Y. V. Chelysheva, O. A. Manciny. M.: Dashkov and C, 2013. 424 p.
10. **Bales A. A.** The Development of Actions as the Subject of Psychology of Personality Development and Educational Psychology // Social Education: a Systematic Approach: Collection of Scientific Articles / edited by V. A. Ivanov. M., 2016, P. 14–22.
11. **Chelysheva Y. V.** Students Antisocial Behavior: Teaching Experience of Socialization // Social Education: a Systematic Approach: Collection of Scientific Articles / edited by V. A. Ivanov. M., 2016. P. 42–50.
12. **Shilova T. A.** Volitional Activity as a Factor in the Enhanced-Realization // Self-Actualization in Intercultural Space. Materials of the International Scientifically-Practical Conference. M., 2012. P. 113–119.

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ: ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ МОТИВАЦИИ

*И. Ю. Кулагина,
Н. И. Константинова,
МГППУ, Москва*

Статья посвящена исследованию мотивации родителей (матерей) и их детей младшего школьного возраста. Показаны общее сходство их мотивационных профилей и различия в выраженности мотивации разного типа; взаимосвязи родительских и детских мотивационных систем с преобладанием духовно-нравственной мотивации и отсутствием дифференциации мотивов; более тесные ценностно-смысловые связи между матерями и дочерьми, по сравнению с матерями и сыновьями.

Ключевые слова: духовно-нравственная мотивация, эгоцентрическая мотивация, гедонистическая мотивация, мать, ребенок, младший школьный возраст.

PARENTS AND CHILDREN: TENDENCIES OF THE MOTIVATIONAL DEVELOPMENT

*I. Ju. Kulagina,
N. I. Konstantinova,
MSPPU, Moscow*

The article is devoted to the study of the motivation of parents (mothers) and children of early school age. The total similarity of their motivational profiles and differences in the significance of different types of motivation; the relationship of parent and child's motivational systems with predominance of moral motivation and lack of motive's differentiation; closer semantic-value links between mothers and daughters, compared with mothers and sons, are shown.

Keywords: moral motivation, egocentric motivation, hedonistic motivation, mother, child, early school age.

Введение

Проблемы, возникающие при рассмотрении линий развития и взаимодействия родителей и детей, многообразны. Это соотношение генотипа и среды, создаваемой родителями для своих детей; межпоколенные различия; специфика семейного взаимодействия и детского развития при разных стилях воспитания, разных типах привязанности, в гармоничных и дисфункциональных семьях; субъективное восприятие членов семьи и семьи в целом и т. д. В обширной психологической литературе, посвященной этим вопросам, отражены как общие возрастные закономерности личностного развития, так и индивидуально-типические особенности развития, определяющие различие и сходство родителей (главным образом матерей) и детей по определенным параметрам. В то же время эмпирических данных, иллюстрирующих и уточняющих ряд теоретических положений, явно недостаточно. В связи с этим представляется целесообраз-

ным изучение мотивации родителей и их детей, находящихся на последнем этапе эпохи детства, — мотивации не конкретных видов деятельности, практически не совпадающих у представителей разных возрастов, а мотивации надситуативного уровня.

Мотивация надситуативного уровня

В контексте деятельностного подхода рассматриваются два уровня мотивации — уровень деятельности и надситуативный уровень (И. Ю. Кулагина [8]). Мотивация надситуативного уровня, или доминирующая мотивация, представляет собой мотивационные тенденции, определяющие основные линии поведения в различных ситуациях и при включении в различные виды деятельности; соответствующие отношению личности к миру (людям и делу) и себе; на онтогенетическом этапе личностной стабилизации обуславливающие направленность личности. Актуализация

мотивов надситуативного уровня происходит на фоне реализации в разных видах деятельности разнообразных мотивов и не исключает «зонального» [2] характера структурного строения и механизмов мотивации.

Мотивация этого уровня соотносима с системой ценностей. Ценности — это «категория значимости, а не категория знания» (Г. Оллпорт [15: с. 133]). С одной стороны, ценности определяются культурой того общества, в котором живет человек, в котором на определенном этапе его исторического развития разворачивается процесс становления личности. С другой стороны, ценности усваиваются или, точнее, присваиваются (в терминологии А. Н. Леонтьева), образуя индивидуальную ценностно-смысловую сферу, неразрывно связанную со сферой мотивационно-потребностной. При этом «ценности больше, чем мотивы, подвержены влиянию социальных норм, а также социальных и институциональных требований» (Д. Макклелланд [11: с. 133]).

В современном обществе при наличии разнообразных ценностно-нормативных конструктов отсутствуют единые ориентиры [22]. Сохраняются общечеловеческие ценности, связанные с тем, что в традициях экзистенциально-гуманистической психологии обозначается как «самотрансценденция», «экзистенциальная исполненность», «смысл жизни». По В. Франклу, «быть человеком — значит выходить за пределы самого себя... Сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции. Быть человеком — значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или Богу, которому он служит» [19: с. 51]. Соответственно, смысл жизни находится в действии (созидании), любви и переживании. В моменты «высших переживаний» перед человеком открываются те стороны мира, которые «совпадают с тем, что принято называть вечными ценностями или вечными истинами. Мы увидим царство старого доброго триединства — правды, красоты и добродетели» (А. Маслоу [12: с. 120]). А. Маслоу отмечает совпадение характеристик мира (постигаемых человеком благодаря интеллектуальному озарению, глубоким эстетическим или некоторым религиозным переживаниям, любви), высших

ценностей и явлений, заслуживающих звания высшего смысла жизни.

В то же время современное общество — это «общество изобилия» (В. Франкл), «галолирующего потребления» (Г. Оллпорт) и «массовой», т. е. примитивной, культуры. Масс-медиа заливают молодежь и представителей других возрастов потоками рекламной информации, стимулируя покупательский спрос. В результате большинство молодых людей (три четверти по приводимым Г. Оллпортом данным) центрированы на себе и имеют максимально индивидуалистичные ценности, ориентированы на собственную богатую жизнь, оставаясь равнодушными к национальному благосостоянию и судьбам человечества. «...Неудержимая гонка за производством и потреблением привела к нивелированию остальных ценностей. <...> Посредством приобретения новых товаров достигаются самоуважение, статус и комфорт» [15: с. 130].

Соотнося разного типа ценности и мотивационные тенденции, отраженные в психологической литературе, можно выделить три группы ориентаций: на ценности любви и служения (людям, делу, Богу); ценности богатой жизни, высокого социального статуса; а также на ценности получения удовольствий, без которых не достигается комфорт. В мотивационной сфере на надситуативном уровне будут значимы, соответственно, духовно-нравственные, эгоцентрические и гедонистические мотивы (И. Ю. Кулагина [8]). Если в молодости и зрелости одна из этих мотивационных тенденций является ярко выраженной и наиболее значимой, она проявляется в основных сферах жизни взрослого человека — в профессиональной деятельности и семейных отношениях (табл. 1).

Следует отметить, что возможны различные мотивационные профили: мотивационная система на этом уровне может быть не «одновершинной», при максимально выраженном одном виде мотивации, а «двухвершинной», при ярко выраженных двух мотивационных тенденциях, и недифференцированной, когда разные виды мотивации представлены примерно в равной мере.

Проявление выраженных мотивационных тенденций в основных сферах жизни в молодости и зрелости

Преобладающая мотивация	Профессиональная деятельность	Семейные отношения
Духовно-нравственная	Поиски призвания, интерес к выbranному делу	Стремление к браку по любви и гармоничным отношениям в семье
Эгоцентрическая	Отношение к профессии как к средству достижения определенных целей (карьера, деньги, власть и т. д.), продуктивность	Может быть брак по любви, но часто — по расчету (престиж, материальный достаток и т. д.)
Гедонистическая	Отсутствие серьезного отношения к работе, могут быть случайные заработки, мелкий криминал	Установка на паразитическое существование (за счет родителей или супруга), отсутствие ответственности за семью

Духовно-нравственная мотивация

«Духовно-нравственное развитие», «духовно-нравственная культура» и «духовно-нравственные ценности» — понятия, довольно часто используемые в последние годы и применительно к развитию и воспитанию детей и подростков, включенные в российское законодательство об образовании (федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 2012 г., редакция 2015 г., статьи 2, 12, 87). Обычно они в той или иной мере оказываются связанными с религией, но в психологии и психотерапии религиозный компонент не рассматривается как обязательный. Так, например, Р. Ассаджиоли пишет: «Я употребляю термин “духовный” в самом широком смысле, и всегда по отношению к эмпирически обозримому человеческому опыту. В этом контексте слово “духовный” относится не только к переживаниям, традиционно рассматриваемым как религиозные, но ко всем состояниям осознания, всем человеческим функциям и проявлениям, общей чертой которых является отношение к ценностям, более высоким, чем обычные, — к таким, как этические, эстетические, героические, гуманистические или альтруистические» [3: с. 451–452].

Не будем останавливаться на мотивах, связанных с религиозными чувствами, как одном из видов духовно-нравственных мотивов. Они требуют отдельного анализа и особого подхода к эмпирическому исследованию. В наших условиях трудности изучения обусловлены дополнительным фактором — широкой распространенностью после длительного

периода воспитания атеистических взглядов религиозности как модного течения с акцентом на обрядность, а не истинную веру. Впрочем, в западной психологии этот феномен тоже учитывается, поэтому, в частности, в опроснике Г. Оллпорта представлены как внутренняя, так и внешняя религиозная ориентация [15].

К категории духовно-нравственной мотивации отнесем мотивы, за которыми стоят высшие потребности — потребности в любви, уважении, принадлежности к группе, познавательная и эстетическая потребности, потребность в самоактуализации (А. Маслоу [13]). Самоактуализация предполагает увлеченность делом, стремление работать по призванию или служение семье, детям и т. п. и не может быть самоцелью, как отмечал В. Франкл. Реализуя себя, свои способности и отношение к миру (людям и делу), человек как бы забывает о себе, проявляя заложенные в нем возможности самотрансценденции.

Духовно-нравственная мотивация не подчиняется закону насыщения потребностей, в соответствии с которым потребность по мере ее удовлетворения ослабляется. Реализация духовно-нравственных мотивов в деятельности, отношениях и чувствах (переживаниях) не ослабляет их, сохраняя или даже увеличивая их силу и значимость. Духовно-нравственная мотивация не подчиняется принципу гомеостаза, согласно которому человек сохраняет или восстанавливает внутреннее равновесие и нуждается в редукации напряжения, удовлетворяя свои потребности, и принципу удовольствия, сформулированному З. Фрейдом. Удовольствие (так же, как и самореализация) не может быть особой це-

лю. Удовольствие, радость, счастье становятся «побочным эффектом» при достижении иных, истинно человеческих, целей и возникают спонтанно. К удовольствию нельзя стремиться, абстрагируясь от того, чем это состояние будет вызвано. «Если духовные основания подменяются химическими причинами, то следствия оказываются лишь артефактами. Прямой путь кончается тупиком» (В. Франкл [19: с. 60]).

Исходя из этого, можно считать, что мотивацией, противоположной духовно-нравственной, реализуемой на основе других психологических механизмов, является гедонистическая мотивация. Духовно-нравственная мотивация кардинально отличается от гедонистической и сопровождающие ее высшие переживания отличаются от удовольствия, характерного для гедонистической мотивационной тенденции. Если удовольствие связано с удовлетворением потребности, обусловленной биологической программой или достаточно примитивными социальными стереотипами, с достижением гомеостатического равновесия, то радость как высшее переживание — с выходом за пределы привычных схем действия, новизной, продуктивностью. Радость, в отличие от удовольствия, способствует личностному росту.

Появление и развитие радости в продуктивной деятельности, побуждаемой познавательной или другой высшей потребностью, отражено в позитивной психологии — теории потока М. Чиксентмихайи. Первоначальными условиями являются посильность решаемой задачи, возможность четко сформулировать цели и немедленно получить обратную связь, что обеспечивает концентрацию внимания. В процессе деятельности увлеченность повышается настолько, что человек забывает о повседневных проблемах и тревогах. Занятие, приносящее радость, позволяет ощущать контроль над своими действиями. Осознание своего Я в момент совершения действия как будто исчезает, становясь сильнее, чем раньше, после завершения этого действия. Изменяется восприятие времени: время, проведенное за занятием, доставляющим радость, имеет высокую субъективную скорость, но при этом отдельные значимые эпизоды могут «растягиваться» во времени [21].

При сравнении духовно-нравственной мотивации с видами мотивации и ценностей, представленными в теории Б. Н. Рыжова, обращают на себя внимание познавательная мотивация, мотивация нравственности, альтруизма, самоактуализации. Мотивационные профили с выраженной духовно-нравственной мотивацией могут соответствовать двум типам, описанным в системной психологии. Это ностраорд с доминирующей мотивацией нравственности и альтруизма (примерами служат Махатма Ганди и мать Тереза), и социоген с доминирующей познавательной мотивацией и мотивацией самоактуализации (примеры — Христофор Колумб и Фауст) (Б. Н. Рыжов [17]).

В контексте представлений о жизненном мире (Ф. Е. Василюк [5]) выраженную духовно-нравственную мотивацию можно соотнести со сложным внутренним миром и как бы легким внешним миром, основным жизненным принципом здесь становится принцип ценности.

Эгоцентрическая мотивация

Эгоцентрическая мотивация связана со стремлением к самоутверждению, личным достижениям; это ориентация на высокий социальный статус, признание окружающих, авторитет, престиж, карьеру, власть, славу, богатство и т. д. Название данного вида мотивации отражает обращенность человека на себя, сфокусированность на своих узколичных интересах. Оно перекликается с понятием «личный эгоцентризм», введенным Д. Элкиндром для объяснения ряда феноменов подросткового возраста и позже противопоставленным «социоцентрическим интересам» (Р. Энрайт). Напомним, что Л. С. Выготский тоже использовал понятие эгоцентризма, анализируя развитие личности в онтогенезе, а в современной отечественной психологии приняты термины «эгоцентрическая направленность личности» (Т. И. Пашукова), «эгоцентрический уровень смысловой сферы» (Б. С. Братусь) и др.

Б. С. Братусь, характеризуя эгоцентрический уровень как низший уровень смысловой сферы и поэтому противостоящий высшему духовно-

му, писал: «Он обусловлен преимущественным стремлением лишь к собственному удобству, выгоде, престижу. Отношение к себе здесь как к единице, самооценности, а отношение к другим сугубо потребительское» [4: с. 292]. Не давая этической оценки эгоцентрической мотивации, подчеркнем два момента. Во-первых, ярко выраженные эгоцентрические мотивы могут сочетаться на надситуативном уровне значимости с духовно-нравственными, хотя при этом постановка отдаленных целей, формирование жизненных планов будут обусловлены более сильной эгоцентрической мотивацией и трудностями ее реализации. Во-вторых, эгоцентрическая мотивация способствует построению и реализации жизненного замысла, обычно обеспечивая высокую целеустремленность в достижении поставленных целей и продуктивность значимой для человека деятельности. Проблема заключается в возможной неоднозначности содержательной стороны мотивации, в характере ставящихся целей.

Жизненный путь или вариант жизни, обусловленный исключительно эгоцентрической мотивацией (не просто преобладающей, но подавляющей все другие мотивационные тенденции), В. Н. Дружинин обозначил как «погоню за горизонтом», или «жизнь как достижение». Человек действия, стремящийся к внешнему успеху, достижениям, живет внешней жизнью, поскольку любая цель находится вне его. «Достижение цели обесценивает ее, и на горизонте маячит новая, еще более привлекательная цель. <...> “Люди действия” становятся архитекторами и строителями своей и нашей общей жизни, но они же ее разрушают... Все зависит от содержания целей, которые они перед собой и перед другими поставили. Карнавалы и войны, стадионы и концлагеря... воплощены “людьми действия”» [7: с. 59, 65].

Обращаясь к системной психологии Б. Н. Рыжова, человека с преобладающей эгоцентрической мотивацией можно сравнить с эгоистом, проявляющим себя в доминировании мотивации самосохранения и витальной мотивации (примером служит Дориан Грей), и эгоордом с доминирующей мотивацией самосохранения и защиты Я (пример — Гобсек) [17].

Используя типологию жизненных миров, созданную Ф. Е. Василюком, в данном случае

можно рассматривать внутренне сложный и внешне трудный жизненный мир, которому соответствуют истовость в поведении и принцип реальности (механизмы произвольности), как главный жизненный принцип [5].

Гедонистическая мотивация

Гедонистическая мотивация (греч. *hedone* — наслаждение) подчиняется принципу удовольствия. По З. Фрейду, в соответствии с этим принципом человек стремится к удовольствию и достигает его при удовлетворении инстинктивных влечений и спаде психологического напряжения; наслаждение особенно сильно, когда спад напряжения происходит сразу после его резкого роста. Но, сталкиваясь с трудностями, социальными требованиями и запретами, человек может ориентироваться на отсроченное удовольствие. «В душе имеется сильная тенденция к господству принципа удовольствия, которой, однако, противостоят различные другие силы и условия... Принцип удовольствия присущ первичному способу работы психического аппарата, и... для самосохранения организма среди трудностей внешнего мира он с самого начала оказывается непригодным и даже в значительной степени опасным. Под влиянием стремления организма к самосохранению этот принцип сменяется “принципом реальности”, который, не оставляя конечной цели — достижения удовольствия, откладывает возможности удовлетворения и временно терпит неудовольствие на длинном окольном пути к удовольствию» (З. Фрейд [20: с. 384]).

Привлекательность существования по принципу удовольствия отражена в философской позиции гедонизма. Как считает В. Виллонас [6], доктрина гедонизма — этическая, а не психологическая. В его интерпретации эта позиция не ограничивается констатацией наличия у человека определенных потребностей, удовлетворение которых вызывает приятные переживания, а неудовлетворение — неприятные. В рамках данной доктрины человек живет не этими потребностями, а для того, чтобы испытывать удовольствие и стремиться к этому наиболее легким и прямым путем. Поведение, «способ жизни» определяется не потребно-

стями с помощью эмоций, а самим человеком, манипулирующим процессами удовлетворения потребностей (как правило, низкого порядка), чтобы доставить себе удовольствие.

Гедонистическая мотивация играет особую роль в детерминации поведения. В мультирегуляторной модели Д. А. Леонтьева действие раскладывается на 6 векторов, соответствующих логике удовлетворения потребностей, логике реагирования на стимул, логике предрасположенности, логике социальной нормативности, логике смысла или жизненной необходимости, и, наконец, логике свободного выбора. Эти регуляторные системы интегрируются, но в выраженности каждой системы существуют значительные индивидуальные различия [10]. При сильной гедонистической мотивации должна преобладать логика удовлетворения потребностей (как пишет Д. А. Леонтьев, есть люди, в большей или меньшей степени влекомые своими актуальными потребностями). Но в то же время должен быть ярко выражен и второй вектор — логика реагирования на стимул. Он отражен в модели гедониста (модели самодетерминации субъекта, стремящегося к наслаждению), разработанной В. А. Петровским [16]: при наличии влечения и предвосхищения под воздействием «провокативного стимула» появляется «драйв» (т. е. импульс, побуждение), что определяет готовность к соответствующему поведению.

В этой модели провокативный стимул — то, что обладает для человека потенциальной значимостью и способно на него воздействовать извне — вещь, человек, текст, изображение, событие и т. п. Провокативный стимул, в отличие от других стимулов, со стопроцентной вероятностью обуславливает определенную реакцию, если у человека нет сильных ограничителей нравственного, религиозного, правового, медицинского порядка, т. е. отсутствуют силы противодействия провокации.

Провокативный стимул вызывает драйв — возбуждение, непосредственный физиологический отклик. В. А. Петровский подчеркивает, что драйв и провокативный стимул — явления одного порядка, уровня физико-химических взаимодействий. Но если провокативный стимул является внешним условием возникновения драйва, то должны существовать и внутренние

условия — влечение (неосознанная устремленность к провокативному стимулу, искушение) и предвосхищение (воображаемая реализация влечения, переживаемый и создаваемый образ). В результате появляется установка как бессознательная психическая сила («сила соблазна») или готовность действовать определенным образом. «...Субъект, находящийся в поле действия провокативного стимула, шаг за шагом, виток за витком рефлектирует свою готовность поддаться соблазну. Саморефлексия субъекта повышает привлекательность провокативного стимула, поддерживая соблазн... перед нами феномен рефлексивной возгонки влечения» (В. А. Петровский [16: с. 165, 167]).

Гедонистические мотивы имеют ту же природу, что и мотивы, связанные с витальными потребностями, поэтому при их преобладании мотивационная система проста и примитивна. Гедонистические мотивы могут представлять собой и выраженную мотивационную тенденцию при наличии смыслообразующих мотивов другого типа. На последних возрастных этапах это, обычно, стремление к покою, эмоциональному комфорту. На начальных этапах онтогенеза — прежде всего, стремление к развлечениям. В любом возрастном периоде гедонистическая мотивация может приводить к переяданию или неумеренности в потреблении сладкого; начиная с подросткового возраста — к алкоголизации, наркомании, беспорядочным сексуальным связям. Для человека с выраженной гедонистической мотивацией провокативными стимулами могут стать запах съестного, исходящий из ларька на улице (если он склонен к переяданию), вид прохожего в измененном состоянии сознания (если он наркоман) и т. п. Быстрое изменение первоначальных намерений и поведения, действия, «запущенные» провокативным стимулом, кажутся немотивированными и случайными. Но они мгновенно разворачиваются в благоприятной ситуации благодаря наличию гедонистической мотивации на надситуативном уровне.

Очевидно, что аналогом гедонистической мотивации в системной психологии Б. Н. Рыжова является витальная мотивация. Человек с ярко выраженной гедонистической мотивацией — это биотен, проявляющий себя в домини-

нировании витальной и репродуктивной мотивации (пример — Стива Облонский) [17].

В рамках типологии жизненных миров Ф. Е. Василюка [5] преобладание гедонистической мотивации возможно при внутренне простом и внешне легком жизненном мире, именно здесь получение удовольствия окажется главным жизненным принципом. Внутренне простой и внешне легкий жизненный мир встречается крайне редко, если легкость внешнего мира, обеспечивающая полное удовлетворение потребностей, вообще достижима в современных условиях. Преобладание гедонистической мотивации возможно и при внутренне простом и внешне трудном жизненном мире, в этом случае главной жизненной установкой становится принцип реальности как отложенный принцип удовольствия (механизм терпения).

Методика

Целью проведенного эмпирического исследования явилось сравнение мотивации надситуативного уровня (духовно-нравственной, эгоцентрической и гедонистической мотивации) родителей и их детей. Решались следующие задачи:

- 1) определить общие мотивационные профили, характерные для родителей (матерей) и их детей;
- 2) установить взаимосвязи мотивационных показателей родителей (матерей) и их детей;
- 3) сравнить особенности взаимосвязей мотивационных показателей матерей и их сыновей; матерей и их дочерей.

Исследование проведено в 2014–2015 гг. в московской гимназии и средней общеобразовательной школе г. Подольска Московской области. В нем приняли участие семьи со средним социально-экономическим статусом; дети младшего школьного возраста (7–10 лет): 100 учащихся первого класса (49 мальчиков, 51 девочка), 90 учащихся четвертого класса (41 мальчик, 49 девочек) — и их родители (матери): 100 родителей учащихся первого класса, 90 родителей учащихся четвертого класса. Средний возраст родителей — 30 лет, что соответствует возрастному периоду «молодость» (в частности, в пе-

риодизации Б. Н. Рыжова возрастные границы молодости — 25–36 лет [18]).

Использовалась методика «Доминирующая мотивация» В. Н. Коллюцкого, И. Ю. Кулагинной — вариант для взрослых [1] и детей [14]. При сравнении полученных данных, определяющих общие мотивационные профили, применялся коэффициент ($k = 1,33$ для показателей младших школьников). Различия между показателями, представленными в процентах, устанавливались с помощью многофункционального непараметрического критерия ϕ^* (угловое преобразование Фишера). Проведен корреляционный анализ.

Результаты

Полученные данные позволяют судить о сходстве общих мотивационных профилей родителей (матерей) и их детей младшего школьного возраста (см. рис. 1). В наибольшей степени в мотивационном профиле представлена духовно-нравственная мотивация, связанная с привязанностями и интересами, в наименьшей степени — гедонистическая мотивация, отвечающая принципу удовольствия. Эгоцентрическая мотивация близка по степени выраженности к гедонистической. Отметим, что в младшем школьном возрасте эгоцентрическая мотивация, связанная со стремлением к личным достижениям и самоутверждению, в основном ориентирует ребенка на высокую успеваемость или успехи в отдельных видах деятельности, важных для семьи или школы.

При сравнении мотивационных профилей прослеживаются возрастные различия в степени выраженности мотивации надситуативного уровня: в молодости мотивация в целом более выражена, чем в детстве.

Эти данные уточняются при различении мотивационных систем с максимально выраженными одной или двумя мотивационными тенденциями (см. табл. 2–3).

Для детей характерно явное преобладание духовно-нравственной мотивации или сочетание выраженных духовно-нравственной и эгоцентрической мотиваций. Причем дети, входя в период младшего школьного возраста

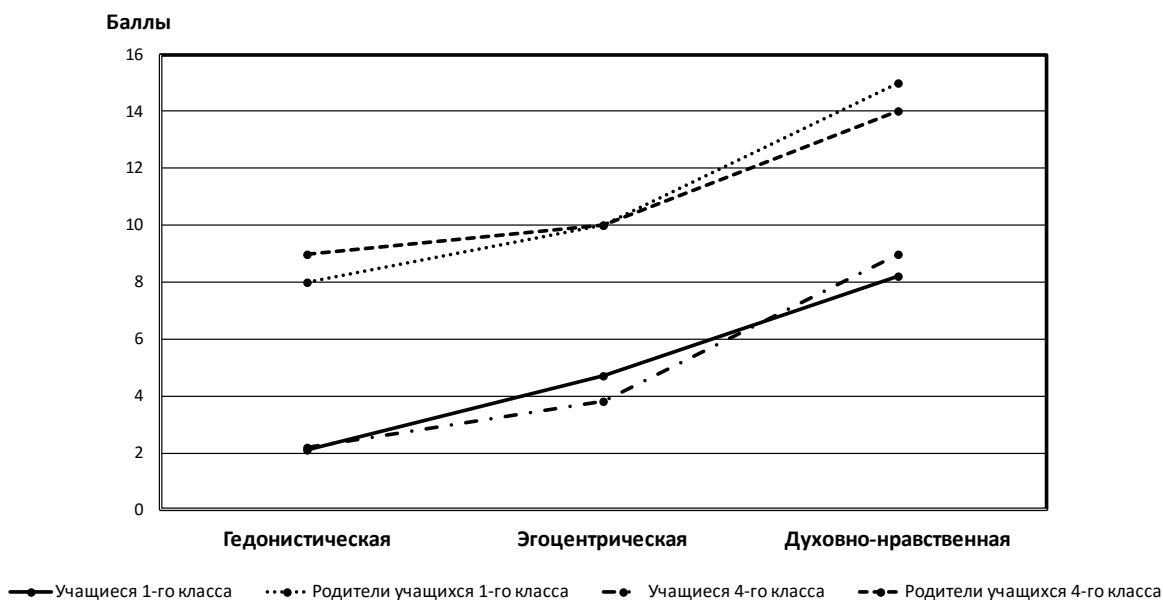

Рис. 1. Мотивационные профили младших школьников и их родителей (в баллах)

(обучаясь в первом классе), часто проявляют две эти ориентации (36,4 %), а к окончанию возрастного периода (в четвертом классе) — значительно реже (16,7 %). Различия между первоклассниками и четвероклассниками значимы при $p < 0,001$. Соответственно, в конце младшего школьного возраста увеличивается число детей с одной ярко выраженной мотивационной тенденцией, духовно-нравственной мотивацией (до 68,2 %). Вероятно, на границе с подростковым возрастом снижается значимость старых ориентиров на достижения в учебе и начинается перестройка содержательной стороны эгоцентрической мотивации: в младшем подростковом возрасте дети будут самоутверждаться в первую очередь в системе межличностных отношений со сверстниками. У девочек, более быстро развивающихся в это время по сравнению с мальчиками, видимо, быстрее происходят содержательные изменения в мотивации, в четвертом классе у них значительно реже проявляется эгоцентрическая тенденция, сочетающаяся с духовно-нравственной (различия между девочками и мальчиками значимы при $p \leq 0,05$).

В начале школьного обучения у некоторых детей преобладает эгоцентрическая мотивация (всего 4,5 %), явно связанная с учебными достижениями. Гедонистическая мотива-

ция не развивается на протяжении младшего школьного возраста ни как самостоятельная мотивационная тенденция, ни в сочетании с духовно-нравственной. Выраженная гедонистическая мотивация появится в подростковом возрасте [8]. У 15–20 % младших школьников мотивационная система оказывается недифференцированной: у них в равной мере представлены разные виды мотивации и ценностные приоритеты отсутствуют. Выявленные в настоящее время особенности мотивации младших школьников в целом соответствуют тому, что наблюдалось в конце «нулевых» годов [9].

У родителей (матерей) младших школьников установлены сходные тенденции (см. табл. 3, рис. 2). Большинство или, по крайней мере, половина матерей имеют выраженную духовно-нравственную мотивацию, редко — в сочетании с эгоцентрической; нечасто встречаются также недифференцированные мотивационные системы и в ряде случаев — преобладание эгоцентрической мотивации. Главное отличие от мотивации детей — выраженная гедонистическая мотивация, проявляющаяся в сочетании с духовно-нравственной. Сочетание редкое, но тем не менее свидетельствующее о возможности сохранения в молодости тех особенностей, которые характерны для подросткового возраста. Возможно, эти матери в большей мере,

Таблица 2

Мотивационные тенденции, максимально выраженные у младших школьников (в %)

Группа	Мотивация					Недифференцированная мотивационная система
	Гедонистическая	Эгоцентрическая	Духовно-нравственная	Духовно-нравственная и эгоцентрическая	Духовно-нравственная и гедонистическая	
Девочки, 1 класс	–	3	45,5	30,3	–	21,2
Мальчики, 1 класс	–	6,1	33,3	42,4	–	18,2
Уч-ся 1-го класса	–	4,5	39,4	36,4	–	19,7
Девочки, 4 класс	–	–	79	9	–	12
Мальчики, 4 класс	–	–	57,6	24,2	–	18,2
Уч-ся 4-го класса	–	–	68,2	16,7	–	15,1

Таблица 3

Мотивационные тенденции, максимально выраженные у родителей младших школьников (в %)

Группа	Мотивация					Недифференцированная мотивационная система
	Гедонистическая	Эгоцентрическая	Духовно-нравственная	Духовно-нравственная и эгоцентрическая	Духовно-нравственная и гедонистическая	
Родители девочек, 1 класс	–	3	72,7	15,2	–	9,1
Родители мальчиков, 1 класс	–	–	72,7	15,2	–	12,1
Родители уч-ся 1-го класса	–	1,5	72,7	15,2	–	10,6
Родители девочек, 4 класс	–	6,1	42,4	12,1	18,2	21,2
Родители мальчиков, 4 класс	–	3	57,6	3	21,2	15,2
Родители уч-ся 4-го класса	–	4,5	50	7,6	19,7	18,2

чем их ровесники, ориентированы на молодежную субкультуру с ее «соблазнами» и «провокативными стимулами».

Как показал корреляционный анализ, существуют взаимосвязи мотивационных показателей родителей и их детей, причем показателей полярных: с одной стороны, это преобладающая духовно-нравственная мотивация,

с другой — недифференцированная мотивационная система, не определяющая приоритеты в ценностных ориентациях.

Выявлены связи по параметру «Выраженная духовно-нравственная мотивация» в первом классе (значимая положительная корреляция, $r = 0,337$; $p \leq 0,01$), причем взаимосвязь достигается благодаря сходству мотивации матерей

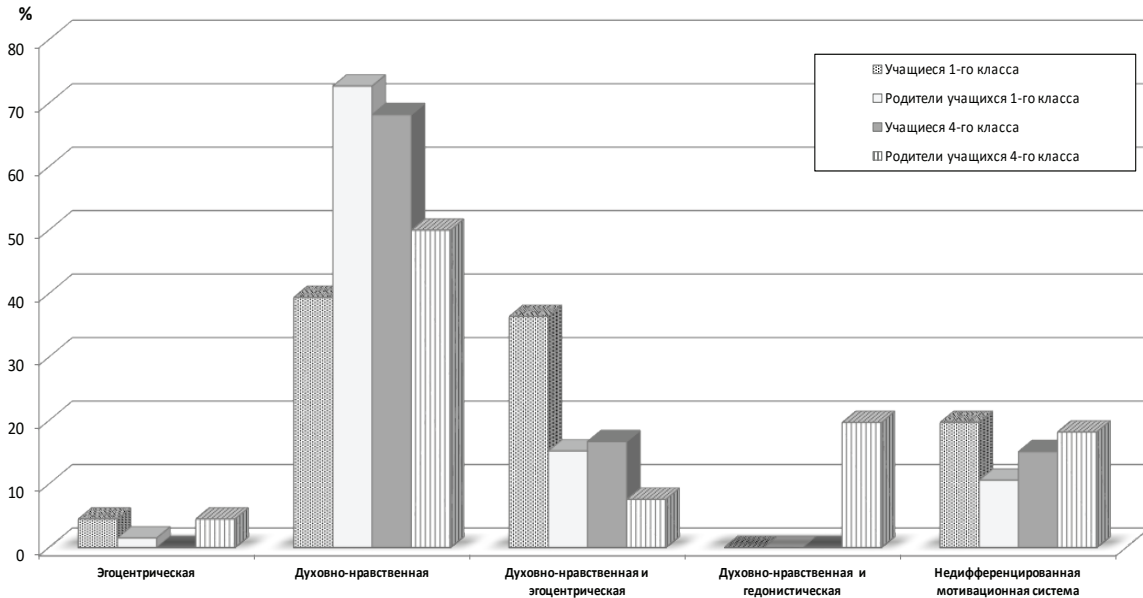

Рис. 2. Преобладающие мотивационные тенденции у младших школьников и их родителей (в %)

и их дочерей (значимая положительная корреляция, $r = 0,411$; $p = 0,05$). Эти данные подтверждают представления о младшем школьном возрасте, особенно начальном его этапе, как о возрастном периоде, в котором ребенок легко воспринимает от значимых взрослых (родителей и учителей) социально желательные ценности и мотивы. При этом можно предположить, что более тесные ценностно-смысловые связи существуют у матерей и их дочерей младшего школьного возраста. Вероятно, сыновья в этом возрастном периоде либо больше ориентированы на отцов, либо в меньшей мере, чем девочки, восприимчивы к социально желательным ценностям и мотивам.

Установлены связи по параметру «Недифференцированная мотивационная система»: значимые положительные корреляции по первым классам ($r = 0,302$; $p \leq 0,05$) и по четвертым классам ($r = 0,383$; $p < 0,01$). Взаимосвязи мотивационных показателей матерей и детей в первом классе достигаются благодаря девочкам ($r = 0,559$; $p < 0,001$), в четвертом классе выявлена значимая положительная корреляция показателей матерей и дочерей ($r = 0,349$; $p = 0,05$), матерей и сыновей ($r = 0,458$; $p < 0,01$). Следовательно, если у молодой матери недостаточно сформирована система ценностей и иерархия мотивов, велика вероятность того, что у ее ребенка к подростко-

вому возрасту тоже не будет определенности в мотивационных тенденциях.

Выводы

1. Надситуативная мотивация является более выраженной у родителей (матерей), чем у их детей, т. е. в молодости (около 30 лет) по сравнению с детством (в младшем школьном возрасте, в 7–10 лет).

2. Мотивационные профили матерей и их детей сходны: в большей мере представлена духовно-нравственная мотивация, в меньшей мере — гедонистическая.

3. В индивидуальных мотивационных системах матерей и их детей чаще всего преобладают духовно-нравственная мотивация или духовно-нравственная мотивация в сочетании с эгоцентрической. Только у матерей наблюдается сочетание выраженной духовно-нравственной и гедонистической мотивации как следствие усвоенной молодежной субкультуры; для младших школьников гедонистическая мотивация не характерна. На последнем этапе детства у части детей (15–19 %) индивидуальная мотивационная система недифференцирована; в то же время у части молодых матерей (10–18 %) отсутствуют приоритеты в мотивационно-ценностном плане.

4. У матерей и их детей младшего школьного возраста взаимосвязаны неопределенная мотивация (при отсутствии сформированной мотивационной иерархии) в обеих обследованных группах и духовно-нравственная мотивация в одной группе — первоклассников и их родителей. При этом в большей степени мотивация матерей связана (положительно коррелирует) с мотивацией дочерей.

Литература

1. **Апасова Е. В.** Личностные особенности офицеров специальных подразделений (в молодости и зрелости): дис. ... канд. психолог. наук. М., 2014. 255 с.
2. **Асеев В. Г.** Феномен неоднозначности воздействий: мотивационные механизмы // Мотивация в современном мире. М.: МГПУ, 2011. С. 20–24
3. **Ассаджиоли Р.** Кризисы духовного развития // Психология личности: хрестоматия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. М.: АСТ, Астрель, 2009. С. 451–463.
4. **Братусь Б. С.** Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А. Н. Леонтьева / под ред. А. Е. Войсунского и др. М.: Смысл, 1999. С. 284–298.
5. **Василюк Ф. Е.** Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психология личности: хрестоматия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. М.: АСТ, Астрель, 2009. С. 437–450.
6. **Виллюнас В.** Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 458 с.
7. **Дружинин В. Н.** Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000. 135 с.
8. **Кулагина И. Ю.** Доминирующая мотивация школьников: возрастные тенденции и условия развития // Культурно-историческая психология. 2015. № 3. С. 100–109.
9. **Кулагина И. Ю., Гани С. В.** Развитие мотивации в младшем школьном возрасте // Психологическая наука и образование. 2011. № 2. С. 102–109.
10. **Леонтьев Д. А.** Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.
11. **Макклелланд Д.** Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
12. **Маслоу А.** Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.
13. **Маслоу А.** Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
14. Методики оценки уровня психологического здоровья у детей школьного возраста / под ред. Т. В. Волосовец, Е. Н. Кутеповой. М.: РУДН, 2007. 126 с.
15. **Оллпорт Г.** Личность в психологии. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1998. 345 с.
16. **Петровский В. А.** Логика «Я». М.; Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. 271 с.
17. **Рыжов Б. Н.** Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. № 1. С. 6–43.
18. **Рыжов Б. Н.** Системная периодизация развития // Системная психология и социология. 2012. № 5. С. 5–24.
19. **Франкл В.** Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
20. **Фрейд З.** По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С. 382–424.
21. **Чиксентмихайи М.** Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл, Альпина нон-фикшн, 2011. 461 с.
22. **Шелина С. Л., Митина О. В.** Нормативно-ценностные представления современных родителей, учителей, воспитателей (анализ содержания моральных суждений) // Психологическая наука и образование. 2015. № 1. С. 49–58.

References

1. **Apasova E. V.** Personality Characteristics of Officers of Special Units (in Adolescence and Maturity): dis. ... the candidate of psychological sciences. M., 2014. 255 p.
2. **Aseev V. G.** The Phenomenon of Mixed Impact: Motivational Mechanisms // Motivation in the Modern World. M.: MGPU, 2011. P. 20–24.

3. **Assadgioly R.** Spiritual Development's Crises // Gippenreiter Yu. B. (eds.) Psychology of Personality. Anthology. M.: AST, Astrel', 2009. P. 451–463.
4. **Bratus B. S.** Personal Sense of Leontiev and the Problem of Vertical Consciousness // Traditions and Perspectives of the Activity Approach in Psychology. Leontiev's School. M.: Smysl, 1999. P. 284–289.
5. **Vasilyuk F. E.** Life the World and the Crisis: a Typological Analysis of the Crisis Situations // Gippenreiter Yu. B. (eds.) Psychology of Personality. Anthology. M.: AST, Astrel', 2009. P. 437–450.
6. **Vilyunas V. K.** Psychology of Motivation's Development. SPb.: Rech, 2006. 458 p.
7. **Druzhinin V. N.** Life Versions. Essay of Existential Psychology. M.: PER SE; SPb.: IMATON-M, 2000. 135 p.
8. **Kulagina I. Yu.** Dominant Motivation in Schoolchildren: Age Trends and Conditions of Development // Cultural Historical Psychology. 2015. № 3. P. 100–109.
9. **Kulagina I. Yu., Gani S. V.** Development of Motivation in Primary School Age // Psychological Science and Education. 2011. № 2. P. 102–109.
10. **Leontjev D. A.** Essay on Psychology of Personality. M.: Smysl, 1993.
11. **McClelland D.** Human Motivation. SPb.: Piter, 2007. 672 p.
12. **Maslow A.** The Farther Reaches of Human Nature. SPb.: Evrazija, 1997. 430 p.
13. **Maslow A.** Motivation and Personality. SPb.: Evrazija, 1999. 478 p.
14. Valuation Techniques Level of Psychological Health of School Age Children / Volosovets T. V. (eds.). M.: RUDN, 2007. 126 p.
15. **Allport G.** The Person in Psychology. M.: KSP+; SPb.: Yuventa, 1998. 345 p.
16. **Petrovskii V. A.** The Logic of the "I". M.; Tula: TGPU, 2008. 271 p.
17. **Ryzhov B. N.** System Foundations of Psychology // Systems Psychology and Sociology. 2010. № 1. P. 6–43.
18. **Ryzhov B. N.** System Periodization of Development // Systems Psychology and Sociology. 2012. № 5. P. 5–24.
19. **Frankl V.** Man's Search for Meaning. M.: Progress, 1990. 368 p.
20. **Freid Z.** Beyond the Pleasure Principle // Psychology of the Unconscious. M.: Prosveshchenie, 1989. P. 382–424.
21. **Csikszentmihalyi M.** Flow: the Psychology of Optimal Experience. M.: Smysl; Alpina non-fiction. 2011. 461 p.
22. **Shelina S. L., Mitina O. V.** Regulatory and Value Ideas of Modern Parents, Teachers, Tutors (Content Analysis of Moral Reasoning) // Psychological Science and Education. 2015. № 1. P. 49–58.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ И КОГНИТИВНОЙ СФЕР ДЕТЕЙ, БОЛЬНЫХ АУТИЗМОМ И ШИЗОФРЕНИЕЙ

*Б. М. Коган,
М. М. Ахмедова,
МГПУ, Москва*

Проведено сравнительное исследование эмоциональной и когнитивной сфер детей в возрасте 8–11 лет, больных аутизмом и шизофренией. У всех обследованных выявлена недостаточность сформированности эмоциональной сферы. Особенности эмоциональной и когнитивной сфер могут быть использованы как критерии диагностики ранних проявлений этих расстройств.

Ключевые слова: эмоциональная и когнитивная сфера, аутизм, шизофрения.

THE PECULIARITIES OF EMOTIONAL AND COGNITIVE SPHERES OF CHILDREN WITH AUTISM AND SCHIZOPHRENIA

*B. M. Kogan,
M. M. Akhmedova,
MCU, Moscow*

A comparative study of emotional and cognitive sphere of children aged 8–11 years with autism and schizophrenia. All surveyed identified insufficient formation of the emotional sphere. Features of emotional and cognitive spheres can be used as criteria for the diagnosis of early symptoms of these disorders.

Keywords: emotional and cognitive sphere, autism, schizophrenia

Введение

В последние годы возрос интерес к изучению высших когнитивных функций при шизофрении и аутизме у детей и подростков [1; 5; 11; 14]. Имеются данные о том, что нарушение когнитивных функций является одной из основных характеристик шизофрении в сочетании с позитивными и негативными расстройствами и не рассматривается исключительно как вторичный эффект госпитализации или лечения больных [14]. Известно, что в структуре шизофренического дефекта преобладают нарушения когнитивной сферы, поэтому дополнительное исследование и осмысление их становится актуальным для уточнения и совершенствования диагностических подходов, разработки эффективных методов лечения и последующей реабилитации пациентов. Имеются отдельные данные о взаимосвязи когнитивных дефектов при шизофрении с личностными характеристиками пациентов, а также с уровнем социальной адаптации и качества жизни больных [11; 14].

Характерное для аутизма неравномерное или поврежденное становление отдельных психических функций в сочетании с общим

психическим недоразвитием, существенным искажением психического формирования ребенка создает определенные сложности психологической диагностики и психокоррекционной работы с аутичными детьми [2; 6].

Результатами многочисленных исследований [4; 6] доказано, что у большинства детей, страдающих аутизмом, отмечается низкий уровень интеллекта, однако, по мнению некоторых отечественных и зарубежных авторов [7; 8], выявляемые нарушения имеют лишь качественные отличия в интеллектуальных характеристиках у детей с аутизмом по сравнению с их здоровыми сверстниками, проявляющиеся преимущественно недостаточностью сформированности практических навыков на фоне нормального или гипертрофированного развития абстрактно-вербальных операций.

Нарушения высших когнитивных функций (мышления, внимания, памяти) при шизофрении и аутизме являются предметом активных исследований в патопсихологии и психиатрии, однако сравнительное изучение познавательной и эмоциональной сферы представляется актуальным для уточнения

патогенетических механизмов формирования и развития этих нозологий, а также для дифференциальной диагностики на раннем этапе расстройства [5; 11–13].

Целью проведенного исследования было сравнительное изучение некоторых характеристик эмоциональной и когнитивной сферы детей, страдающих шизофренией и аутизмом.

Методы исследования

В работе были использованы клинико-психологический (клинико-биографический, метод включенного наблюдения), экспериментально-психологический, статистический методы. Клинико-биографический метод предполагал изучение медицинской документации и данных анамнеза пациента. Экспериментально-психологический метод включал в себя психологические опросники и методики для изучения показателей состояния эмоциональной и когнитивной сферы.

Результаты исследования

Проведено обследование 30-ти детей, больных шизофренией (1-я группа), и 30-ти детей, больных аутизмом (2-я группа), в возрасте 8–11 лет. Контрольную группу составили 20 детей сопоставимого пола и возраста с легкими проявлениями гиперактивности (3-я группа).

Среди пациентов преобладали мальчики (76,7 %, 86,6 % и 80,0 % в группах соответственно).

В анамнезе детей 1-й группы отмечались приступы тревожного плача, общее беспокойство, нарушения сна в ночное время, двигательное возбуждение или вялость.

В анамнезе детей, больных аутизмом, до трех лет были качественные коммуникативные расстройства, нарушения социального поведения, проявления гетеро- и аутоагрессии, нарушения сна, стереотипии, страхи. В младшем школьном возрасте, как правило, интенсивность этих проявлений снижалась.

У детей с гиперактивностью отмечались беспокойный сон, плаксивость, чрезмерная подвижность и возбуждение во время бодрствования,

повышенная чувствительность ко всем внешним раздражителям.

Для определения особенностей зрительного восприятия предлагалось опознавать изображения предметов в условиях неполноты стимульной информации, которая в каждом случае создавалась с помощью разных приемов: расфокусировки изображения, оптического искажения стимула, ограничения времени предъявления стимула, тахистоскопического предъявления изображений. Степень расфокусированности изображения определялась по шкале, пороговым значением считалось значение, при котором производилось опознание. Предъявлялись высоковероятные (часто встречающиеся, представленные в привычном ракурсе предметы) и маловероятные изображения с необычными свойствами: положением, ракурсом и т. п. Проводилось две серии экспериментов с разным набором изображений и временем экспозиции. С целью установления порога опознания каждое предъявление изображения проходило через весь диапазон. Время экспозиции варьировалось от 0,01 до 10 секунд, порог опознания определялся временем экспозиции.

При оценке средних порогов опознания были выявлены отличия в восприятии изображений больными шизофренией и аутизмом: повышение и понижение порогов восприятия коррелировали с характером изображений. Так, порог опознания хорошо известных изображений у больных шизофренией был выше, чем у детей с аутизмом (0,45 с и 0,31 с соответственно), а идентификация малоизвестных изображений проводилась значительно легче, чем это делали дети с аутизмом (0,23 с и 0,51 с соответственно).

Во второй серии экспериментов хорошо известные и малоизвестные изображения предъявлялись с помощью тахистоскопа в условиях ограничения времени. Были показаны пять изображений: три высоковероятных — «цветок», «мяч», «кошка» — и два маловероятных — «лампочка в вазе с фруктами» и «змея на дереве», — которые в условиях дефицита времени опознавались как «груша» и «ветка» соответственно.

Результаты данного фрагмента исследования демонстрируют, что пороги опознания у де-

тей 1-й и 2-й групп статистически достоверно выше, чем у детей 3-й группы. Порог опознания обычного изображения у больных аутизмом на 30 % превышает порог опознания у больных шизофренией и в два раза — порог у детей с гиперактивностью. Пороги маловероятных изображений соответственно на 5,4 % и 10,1 % выше, чем у детей 1-й группы, на 57,0 % и 28,2 % выше, чем у детей 3-й группы. Можно утверждать, что имеется прямая корреляция между скоростью опознания объекта и частотой его употребления в прошлом. Если в предшествующем опыте предъявляемый на изображении предмет встречался редко, больные шизофренией опознают его быстрее, чем больные аутизмом; если же часто, то больные шизофренией и аутизмом определяют его примерно с одинаковой скоростью.

Нарушение «перцептивной точности» в восприятии больных шизофренией можно рассматривать как следствие нарушения регулирующего влияния предшествующего опыта на мыслительную деятельность.

Для оценки познавательной деятельности детям предлагалось решение ряда мыслительных задач: сравнение предметов, классификация «Четвертый лишний» и конструирование объекта. Использовался набор из семи карточек, на каждой из которых были изображены четыре предмета, подобранные таким образом, что условия их обобщения в каждом конкретном случае различались по степени сложности.

Карточки предъявлялись по одной в строгой последовательности с инструкцией «Что здесь лишнее?», не содержащей указания на основания для обобщения и не ограничивающей число создаваемых группировок.

В зависимости от частоты актуализации все названные признаки были разделены на «стандартные» и «нестандартные». Стандартными условно было принято считать те

признаки, использование которых превышало среднюю частоту их упоминания.

Для характеристики содержательной стороны мыслительной деятельности для каждого пациента определялся коэффициент стандартности, вычисляемый по количеству названных стандартных свойств указанных предметов.

Результаты этого этапа исследования выявили, что для больных шизофренией детей характерно более частое использование малозначимых, нестандартных свойств предметов и уменьшение частоты определения стандартных, более значимых признаков по сравнению как с аутичными, так и гиперактивными сверстниками.

В предложенной пациентам свободной классификации 24 геометрических фигур на основании цвета, формы и размеров предметов актуализация признаков основывалась не на предшествующем опыте, а на оценке конкретных условий. Анализ результатов этого теста не выявил значимых различий между группами. Таким образом, можно предположить, что характерные особенности мышления у больных шизофренией проявляются лишь в тех ситуациях, которые требуют использования предшествующего опыта.

Для оценки основных характеристик внимания был использован тест Струпа [10], состоящий из двух серий испытаний. В первой серии необходимо было назвать цвета предложенных 50-ти прямоугольников разного цвета, во второй — указать названия краски, которой были напечатаны 30 названий цветов. Результат оценивался по числу ошибок (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, объем внимания у больных шизофренией несколько выше, чем у больных аутизмом, однако статистической достоверности различий получено не было. У детей 2-й группы объем внимания досто-

Таблица 1

Результаты выполнения теста Струпа

Группы	Результаты испытаний (% ошибок)	
	1 серия	2 серия
1-я группа	8,3 ± 1,3	15,0 ± 2,8
2-я группа	8,5 ± 1,1	21,4 ± 2,2
3-я группа	6,6 ± 1,1	13,7 ± 1,3

верно ниже, чем у детей 3-й группы, о чем свидетельствует большее число ошибок, сделанных детьми 2-й группы.

Для изучения запоминания, воспроизведения и сохранения информации была использована методика заучивания десяти слов [10]. Обследуемым предлагался набор из десяти простых односложных и двухсложных слов, не связанных между собой. После прослушивания этого набора необходимо было назвать слова, которые испытуемый запомнил.

Опыт повторяли пять раз, через 30 минут просили повторить слова без напоминания их. По результатам исследования строили кривую запоминания, по форме которой делали выводы об особенностях запоминания. Зигзагообразная кривая свидетельствует о неустойчивости внимания. Колебания внимания выражаются в его переключении с одного слова на другое при всей сосредоточенности на данной деятельности и через некоторый промежуток времени возврате к первому.

Полученная кривая запоминания для больных шизофренией свидетельствует о снижении их объема памяти: к третьему повторению дети воспроизводят в среднем шесть слов, отмечено появление «лишних» слов и «застревание» на них. Для запоминания десяти слов требуется семь повторений набора слов, тогда как дети с гиперактивностью запоминают предложенный набор слов к 3–4 повторению. Объем кратковременной слуховой памяти составляет в среднем пять слов, что приближается к нижней границе нормы. В то же время объем долговременной слуховой памяти значительно снижен: через один час после проведения исследования дети воспроизводят в среднем два слова.

Кривая запоминания детей, больных аутизмом, свидетельствует о некотором снижении у них объема памяти: к третьему повторению дети воспроизводят в среднем семь слов. Зигзагообразный характер кривой говорит о неустойчивости и наличии колебаний внимания. Для запоминания десяти слов необходимо 6–7 повторений. Объем кратковременной слуховой памяти приближается к нижней границе нормы: в среднем дети удерживают и воспроизводят в первой серии шесть слов. Объем долговременной слуховой памяти несколько

снижен и составляет при воспроизведении через один час после проведения исследования четыре слова.

Для оценки особенностей эмоциональной сферы проводилось исследование дифференциации эмоциональных состояний с использованием реалистичных и схематичных изображений различных эмоций: печали, радости, гнева, удовольствия и страха.

У всех детей проявляется зависимость уровня дифференциации эмоций от характера изображения, но по реалистичным изображениям уровень определения эмоционального состояния ниже, чем по схематичным.

Анализ результатов исследования показал, что дети, страдающие шизофренией, правильно опознают четыре эмоциональных состояния, преимущественно выделяя и наиболее точно описывая эмоции печали и удовольствия. Дети с аутизмом также определяют четыре эмоции, наиболее точно описывая состояние гнева. Дети с гиперактивностью идентифицируют пять эмоциональных состояний: радость, печаль, удовольствие, гнев, страх, — но отдают предпочтение эмоциям радости, печали и гнева.

Для высокого уровня дифференциации эмоций характерно точное описание их по модальности, специфике переживаний, использование для описания различных слов и выражений. Средний уровень характеризуется определением только модальности эмоций, использованием однообразных выражений для описания различных состояний. Для низкого уровня характерно определение модальности эмоциональных состояний и характеристика их на уровне «хорошее – плохое». Характеристика уровня дифференциации эмоций отражена на рисунке 1.

Из рисунка 1 видно, что дети из 1-й группы (больные шизофренией) демонстрируют средний и низкий уровни дифференциации эмоциональных состояний. Дети из 2-й группы (больные аутизмом) по реалистичным и схематичным изображениям имеют высокий (1,5 % и 2,0 % ответов соответственно), средний (6,7 % и 15,0 % ответов) и низкий (91,8 % и 85,0 % ответов) уровни дифференциации. Дети 3-й группы имеют высокий (25,2 % по реалистичным изображениям, 26,4 % по схематичным), сред-

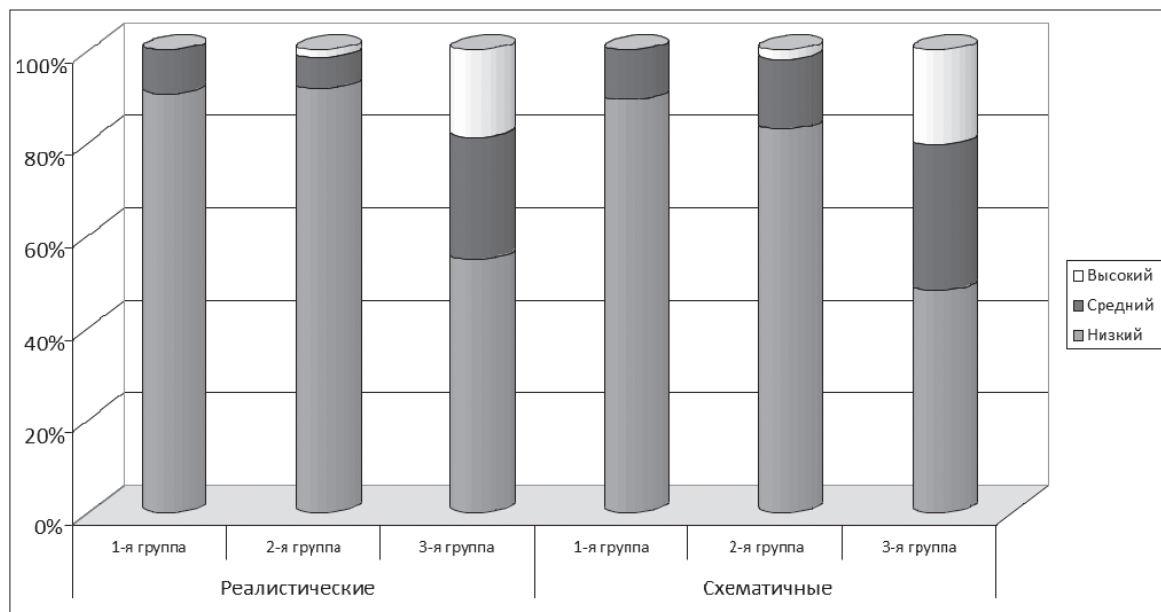

Рис. 1. Распределение ответов по уровню дифференциации эмоций

ний (27,5 % и 31,1 % ответов), низкий (47,3 % и 42,5 %) уровни дифференциации.

Аутичные дети затрудняются в описании положительных эмоций, у детей с шизофренией имеются сложности при характеристике сильных отрицательных эмоций.

Результаты исследования, изложенные в статье, подтверждают представления ряда ученых [3; 4; 8] о том, что при шизофрении болезненным изменениям подвергается не только мышление, но и восприятие, начиная с непосредственного чувственного отражения действительности.

Выводы

1. Уровень восприятия и опознания предметов у детей, больных шизофренией, ниже, чем у детей, больных аутизмом, что может быть связано с низкой устойчивостью эталонов образов у больных шизофренией и снижением у них социальной опосредованности познавательной деятельности.

2. Вероятность опознания простых изображений и увеличение числа образов-гипотез связаны с предшествующим опытом. Маловероятные в предшествующем опыте изображения больные шизофренией опознают легче, чем изображения предметов, часто встречающиеся-

ся в предшествующем опыте. Актуализация свойств предметов, определяемая конкретными условиями задачи и анализом данных условий, а не предшествующим опытом, у больных шизофренией выше, чем у больных аутизмом.

3. Объем внимания у больных шизофренией несколько больше, а объем памяти меньше, чем у детей, больных аутизмом, у которых отмечается также неустойчивость внимания. Основные показатели внимания и памяти при шизофрении и аутизме существенно снижены по сравнению с показателями детей с легкой степенью гиперактивности.

4. Полученные данные свидетельствуют о том, что в возрасте 8–9 лет у детей как при шизофрении, так и при аутизме, выявляется недостаточная сформированность эмоциональной сферы, в то время как при легкой степени гиперактивности отмечается соответствующее возрасту развитие эмоциональной сферы.

Заключение

Основные нарушения когнитивной и эмоциональной сферы детей, больных шизофренией, и детей, больных аутизмом, связаны с психологическими особенностями личности пациента. При использовании данных

об изменении когнитивной и эмоциональной сферы применение в лечении и реабилитации больных шизофренией и аутизмом методов психотерапевтических и деятельностных методов психологической коррекции может быть более эффективным.

Дальнейшее изучение особенностей эмоциональной и когнитивной сферы у детей,

больных аутизмом, и у детей, больных шизофренией, могут быть направлены на выявление дифференциально-диагностических критериев ранних проявлений этих тяжелых расстройств, а также поиска новых методов помощи больным в их социальной адаптации.

Литература

1. **Аведисова А. С., Файзуллоев А. Ф.** Когнитивные функции и методы их изучения // Российский психиатрический журнал. 2003. № 1. С. 16–20.
2. **Бардышевская М. К.** Аутистическое развитие: проблемы диагноза и прогноза // Клиническая психология. Материалы Первой международной конференции памяти Б. В. Зейгарник. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. 12–13 октября 2001 г.: сб. тезисов / отв. ред. А. Ш. Тхостов. М.: МГУ, 2001. С. 33–37.
3. **Вид В. Д.** Психотерапия шизофрении. СПб.: Питер. 432 с.
4. **Гилберт К.** Аутизм. Медицинское и педагогическое воздействие: книга для педагогов-дефектологов / пер. с англ. О. В. Деряевой; под науч. ред. Л. М. Шипицыной; Д. Н. Исаева. М.: ВЛАДОС, 2005. 144 с.
5. **Зверева Н. В., Коваль-Зайцев А. А.** Диагностика когнитивного дизонтогенеза при расстройствах шизофренического спектра в детском возрасте // Мир психологии. 2010. № 1. С. 145–156.
6. **Иванов Е. С., Никифорова В. М.** Особенности эмоциональных состояний детей со сложным дефектом (аутизм с умственной отсталостью) // Вестник развития науки и образования. 2006. № 6. С. 164–170.
7. **Каннер Л.** Аутистические нарушения аффективного контакта // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2010. № 1. С. 85–97.
8. **Микиртумов Б. Е., Кошавцев А. Г., Гречаный С. В.** Ранний детский аутизм // Клиническая психиатрия раннего детского возраста. СПб.: Питер, 2001. С. 121–136.
9. **Рубинштейн С. Я.** Экспериментальные методики патопсихологии. М.: Эксмо-Пресс, 1999.
10. **Холодная М. А.** Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2 изд. СПб.: Питер, 2004.
11. **Barch D. M.** The cognitive neuroscience of schizophrenia // Annual review of clinical psychology. 2005. P. 321–353.
12. **Davalos D. B., Kisley M. A., Ross R. G.** Deficits in auditory and visual temporal perception in schizophrenia // Cognitive Neuropsychiatry. Volume 7. Number 4. 1 November 2002. P. 273–282 (10).
13. **Kurylo D., Pasternak R., Silipo G., Javitt D., Butler P.** Perceptual organization by proximity and similarity in schizophrenia // Schizophrenia Research 95 (2007). P. 205–214.
14. **Penn D., Ritchie M., Francis J., Combs D., Martin J.** Social perception in schizophrenia: the role of context // Psychiatry Research. Volume 109. Number 2. 15 March 2002. P. 149–159 (11).

References

1. **Avedisova A. S., Faizulloev A. F.** Cognitive Functions and Methods of Their Study // Russian Journal of Psychiatry. 2003. № 1. P. 16–20.
2. **Bardyshevskaya M. K.** Autistic Development: Problems of Diagnosis and Prognosis // Clinical Psychology. Proceedings of the First International Conference B. V. Zeygarnik Memory. M.: Moscow State University, 2001. P. 33–37.
3. **Vid V. D.** Psychotherapy of Schizophrenia. SPb: Piter. 432 p.
4. **Gilbert K.** Autism. Medical and Pedagogical Action: a Book for Teachers, Speech Pathologists / per. from English O. V. Deryaeva; under the scientific. ed. L. M. Shipitsyna; D. N. Isayeva. M.: VLADOS, 2005. 144 p.
5. **Zvereva N. V., Koval-Zaitsev A. A.** Diagnosis of Cognitive Dizontogeneza When Schizophrenia Spectrum Disorders in Childhood // World of Psychology. 2010. № 1. P. 145–156.
6. **Ivanov E. S., Nikiforov V. M.** Features of the Emotional States of Cchildren with Complex Defects (Autism with Mental Retardation) // Bulletin of the Development of Science and Education. 2006. № 6. P. 164–170.

7. **Kanner L.** Autism Spectrum Disorders Affective Contact // *Mental Health of Children and Adolescents*. 2010. № 1. P. 85–97.
8. **Mikirtumov B. E., Koschavtsev A. G., Greceanii C. B.** Infantile Autism // *Clinical Psychiatry Early Childhood*. SPb.: Peter, 2001. P. 121–136.
9. **Rubinstein S. J.** *Experimental Methods Psychopathology*. М.: Eksmo-Press, 1999.
10. **Holodnaya M. A.** *Cognitive Styles. On the Nature of the Individual Mind*. 2nd ed. SPb.: Peter, 2004.
11. **Barch D. M.** The Cognitive Neuroscience of Schizophrenia // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2005. P. 321–353.
12. **Davalos D. B., Kisley M. A., Ross R. G.** Deficits in Auditory and Visual Temporal Perception in Schizophrenia // *Cognitive Neuropsychiatry*. Volume 7. Number 4. 1 November 2002. P. 273–282 (10).
13. **Kurylo D., Pasternak R., Silipo G., Javitt D., Butler P.** Perceptual Organization by Proximity and Similarity in Schizophrenia // *Schizophrenia Research* 95 (2007). P. 205–214.
14. **Penn D., Ritchie M., Francis J., Combs D., Martin J.** Social Perception in Schizophrenia: the Role of Context // *Psychiatry Research*. Volume 109. Number 2. 15 March 2002. P. 149–159 (11).

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
В СТРУКТУРЕ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

*С. М. Валявко,
Ю. А. Шулекина,
МГПУ, Москва*

Целью настоящей публикации является обзор психологических, нейропсихологических и психолингвистических закономерностей формирования смыслового восприятия в норме и изучение сформированности пространственных представлений у младших школьников. Анализируются психологические причины, обуславливающие ограничение возможностей смысловой обработки языковых конструкций, содержащих пространственные и квазипространственные отношения младшими школьниками в норме и с недоразвитием речи.

Ключевые слова: смысловое восприятие устной речи, декодирование речи, пространственные представления, логико-грамматические конструкции языка, младшие школьники, общее недоразвитие речи.

**SPATIAL REPRESENTATION
IN THE STRUCTURE OF SEMANTIC SPEECH PERCEPTION
IN YOUNGER STUDENTS**

*S. M. Valyavko,
Ju. A. Shulekina,
MCU, Moscow*

The aim of this issue is a review of psychological, neuropsychological and psycholinguistic regularities of speech comprehension in norm and study of formation of spatial representations in younger students. Analyzes the psychological reasons for the limited possibilities of the semantic processing of language constructs that contain spatial and quasispatial relations for primary school children in norm and with general speech underdevelopment.

Keywords: spatial representations, oral speech comprehension, decoding of speech, logical-grammatical structures of language, younger students, general speech underdevelopment.

Введение

Речевое восприятие, являясь по сути смысловым, во всех научных областях (психолингвистика, психология речи и др.) объединяется с процессом понимания речи. Чаще всего, в таком виде оно встречается под названием *смысловое восприятие речи*. В концепции деятельностного подхода к изучению речи данный термин получил широкую распространенность, что доказывают исследования Н. И. Жинкина, А. А. Залевской, И. А. Зимней [8], А. А. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др.

Согласно мнению некоторых ведущих психолингвистов (А. А. Залевская, А. Н. Соколов, Е. Д. Хомская), психологический базис механизмов смыслового восприятия речи составляет аналитико-синтетическая деятельность,

поскольку для смысловой переработки любых стимулов речевого характера человеку требуется активная мыслительная деятельность. Она позволяет определять содержание речевых стимулов посредством поэтапного преобразования значений языка в смысл на иерархически выстроенных уровнях речевосприятия [19]. В психолингвистической традиции изучения процесса восприятия речи данные механизмы интерпретируются как сложные интеллектуальные умения (смысловой анализ, смысловой синтез).

Понимание речи всегда осуществляется в процессе разворачивания смыслов в пространстве и времени. Пространство и время, бесспорно, являются одними из основополагающих когнитивных категорий. Исследователи во многих отраслях знания отмечают,

что изучение представленности в языке различных аспектов пространства и времени по-прежнему актуально [13]. Неоспоримым также считается, что базу смыслообразующей фазы речи составляют пространственно-понятийные схемы.

Ориентировка в пространстве складывается как специфическая целостная сенсорно-перцептивная способность, которая базируется на овладении способами восприятия, моделирования и преобразования пространственных отношений в процессе активной жизнедеятельности. На этапе раннего детства ее формирование связано с появлением у ребенка ощущения собственного тела, развитием движений, а также предметно-практической деятельности и зрительно-моторной координации. Несмотря на наличие различных схем расположения объектов и ощущения эгоцентризма пространства, свойственного всем нам, у него начинают формироваться представления о взаимоотношении внешних объектов на основе эгоцентрической организации пространства, с позиции наблюдателя. В итоге в раннем детском возрасте складывается целостная картина мира в восприятии пространственных взаимоотношений между объектами и своим телом, так называемые структурно-топологические представления. Это происходит при нормальном онтогенезе. По данным О. В. Бурачевской, для старших дошкольников с общим недоразвитием речи свойственны трудности в ориентировке в «схеме собственного тела» (в 40 % случаев), а 95 % детей испытывают трудности ориентировки в «схеме тела» человека, стоящего напротив. Ошибки ориентировки в окружающем пространстве наблюдаются у 85 % детей с недоразвитием речи. Практически все дошкольники с ОНР (95 % случаев) испытывают трудности в ориентировке на плоскости, что свидетельствует о несформированности у них этой деятельности [2]. Специфика пространственного поведения лиц с дизонтогенезом сохраняется и в подростковом возрасте [17], а также у взрослых.

Следующая важная ступень заключается в овладении сигнификативной базой (жестовой, вербальной, графической), которая служит основой формирования обобщений для моделирования пространства, его преобразования

в умственном плане. Имеющиеся исследования дошкольников и младших школьников с ОНР и другими видами дизонтогенеза говорят о значительных затруднениях в овладении ими знаковой системой (А. А. Гостар [6], Н. Ю. Киселева [10], О. А. Науменко [16], Е. Н. Моргачева [15] и др.)

Апогеем усвоения пространственных и временных представлений являются логико-грамматические конструкции (далее по тексту — ЛГК). Они включают все падежно-предложные конструкции нашего языка, сравнительные категории и т. д. Этот уровень формируется в онтогенезе позже других, так как является наиболее сложным и развивается непосредственно в рамках речевой деятельности как один из основных компонентов речемыслительной деятельности. Общепринято, что предлоги (в отличие от других неизменяемых частей речи) в наиболее полном виде выражают пространственные и временные отношения, поэтому трудности в понимании предлогов и предложно-падежных конструкций, обозначающих эти отношения, присущи большинству (90 % случаев) старших дошкольников с ОНР, а у 95 % таких детей отмечаются ошибки в их употреблении [2]. Эти недостатки импрессивной и экспрессивной речи, свойственные детям со всеми типами нарушенного развития, отмечали В. Г. Петрова, О. П. Гаврилушкина, Т. Н. Головина, Л. В. Яссман [24] и др.).

Изучение смыслового восприятия ЛГК у младших школьников с ОНР показало, что речевые ошибки возникают у них преимущественно в тех случаях, когда предпосылки понимания высказывания оказываются недостаточно сформированными. Более того, если диагностический материал предъявляется в виде печатного текста, что предполагает его чтение, число ошибок резко возрастает [19]. Наличие ЛГК в языковой ткани сообщения, несомненно, влияет как на понимание плана содержания, так и общего смысла текста: если в структуре высказывания имеются сложные ЛГК, содержащие предлоги, союзы, указательные слова и т. д., то ошибки, допускаемые детьми с ОНР в понимании сообщения, оказываются прямо пропорциональными степени грамматической сложности предложенного текста. Согласно Т. А. Алту-

хой, нельзя ограничиваться только сферой языковой компетенции в объяснении причин, по которым у детей с ОНР возникают трудности понимания речи. Надо учитывать уровень их владения навыками перцептивно-смыслового анализа сообщения, который непосредственно связан со сформированностью пространственных и квазипространственных схем [1]. Под последними будем понимать способность ребенка выразить в словесной форме (устно и/или письменно) реальные пространственные координаты и логические связи, существующие в языковом пространстве сообщения.

В новейших исследованиях по проблеме смыслового восприятия речи у детей младшего школьного возраста показано, что оценка уровня сформированности смыслового восприятия ЛГК может проводиться посредством учета сформированности его психологических предпосылок [1; 2; 4; 5; 21 и др.]. К ним относятся, прежде всего, симультанные процессы, обеспечивающие когнитивно-семантическую гибкость механизма смысловой обработки разных по сложности языковых конструкций. Можно утверждать, что указанные процессы участвуют в пространственной и квазипространственной организации речевого высказывания. Сформированность симультанных процессов отражается на возможности/невозможности детей системно расшифровывать связи, заложенные в языковой конструкции. Это в свою очередь определяет возрастные особенности применяемых младшими школьниками способов и приемов речемыслительной деятельности по осмыслению семантических структур, реализующихся в языковой форме [19].

Исследование пространственных представлений в структуре восприятия логико-грамматических конструкций

Экспериментальное изучение смыслового восприятия логико-грамматических конструкций языка проводилось в период 2014–2015 гг. с участием 53 младших школьников с общим недоразвитием речи III уровня. Они составили

экспериментальную группу (ЭГ). Базами исследования стали лицей № 504, школа-интернат № 60 для детей с ТНР, СОШ V вида № 573 г. Москвы. В контрольную группу (КГ) были включены их сверстники с нормальным развитием речи в количестве 53 человек.

Для оценки смыслового восприятия ЛГК использовалась методика Ю. А. Шулекиной [21]. В качестве языкового материала были выбраны пассивные, сравнительные, временные и пространственные ЛГК языка. В связи с этим исследование было разделено на четыре этапа; в рамках каждого этапа детям предьявлялось по четыре пробы. Устное предьявление пространственных, пассивных и сравнительных языковых конструкций сопровождалось наглядным материалом, позволившем младшим школьникам ориентироваться, между какими понятиями устанавливались отношения.

Обработка результатов осуществлялась путем подсчета правильных ответов по каждому заданию (каждый правильный ответ соответствовал одному баллу), которые затем соотносились с уровнями успешности выполнения заданий:

I уровень: «Неуспешные» (0–12 % выполненных заданий);

II уровень: «Малоуспешные» (12,5–25 % выполненных заданий);

III уровень: «Средние по успешности» (26–50 % выполненных заданий);

IV уровень: «Близкие к успешным» (51–75 % выполненных заданий);

V уровень: «Успешные» (76–100 % выполненных заданий).

Статистический анализ результатов осуществлялся с помощью критерия χ^2 .

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования были получены статистически значимые различия (по критерию χ^2 во всех заданиях нашего исследования на уровне погрешности, равной 1 %), что свидетельствовало о выраженной несформированности процессов декодирования ЛГК у младших школьников с ОНР по сравнению с их сверстниками с нормальной речью (рис. 1).

Рис. 1. Продуктивность выполнения младшими школьниками заданий на декодирование ЛГК. Сравнительный срез (в %)

Проведенный анализ ошибок позволил указать на приоритетное значение понимания пространственных отношений, опосредующего становление у детей процессов декодирования ЛГК языка в младшем школьном возрасте (рис. 2). Представленная на нем распространенность типов ошибок, допущенных испытуемыми с ОНР в ходе декодирования различных ЛГК, указывает на преобладание в их ответах ошибок, проявляющих себя вследствие несформированности пространственных представлений.

К числу подобных ошибок нами были отнесены следующие:

- невозможность перевода сукцессивно организованной смысловой цепочки в симультанную схему:

«Весна перед летом или лето перед весной?» — «Сначала весна, потом лето» (вместо «Весна перед летом»);

- интерпретационное искажение смыслового пространства конструкции:

«Тетрадь лежит на книге. Что лежит сверху?» — «Стол» (вместо «Тетрадь»);

- объединение понятий конструкции в псевдосимультанную схему, не подлежащую дальнейшему анализу:

«Мама встречена папой. Кто кого встретил?» — «Папа с мамой» (вместо «Папа встретил маму»);

- неадекватный выбор ответа вследствие недостаточного оперирования пространственной организацией фразы:

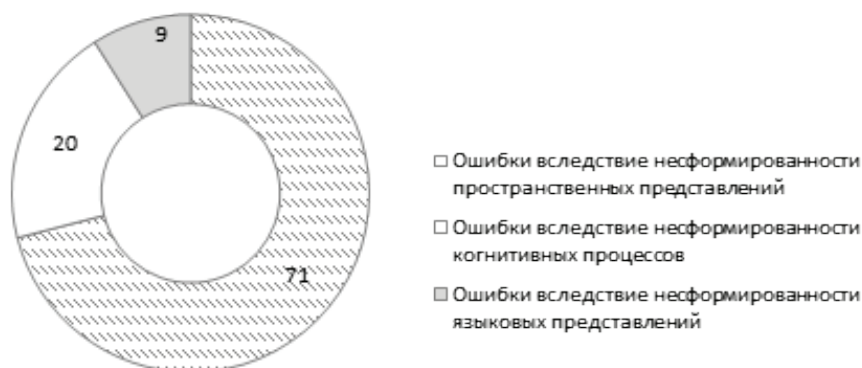

Рис. 2. Распространенность типов ошибок при декодировании ЛГК детьми с ОНР (в %)

«Брат наказан сестрой. Кто кого наказал?» — «Брат наказал сестру» (вместо «Сестра наказала брата»);

- отказ от ответа вследствие отсутствия достаточных представлений о связи языковых понятий:

«Февраль за январем или январь за февралем?» — «Я не могу выбрать. Я не знаю месяцы по порядку».

Последний тип ошибок характеризовался неадекватным пониманием отношений, выражаемых специальными лексико-грамматическими средствами языка, что было опосредовано трудностями формирования и анализа детьми симультанных схем воспринимаемой фразы. Незрелость пространственных представлений приводила к дезориентации испытуемых в смысловом пространстве языковой конструкции, вследствие чего в их языковом сознании возникала диссоциация логических связей фразы, не объединенных в единое целое.

Экспериментальные данные исследования процесса декодирования младшими школьниками ЛГК, позволяют утверждать, что корреляционная зависимость продуктивности декодирования ими различных ЛГК языка от сформированности пространственных представлений имеет различную степень выраженности. Это связывается нами со спецификой тех отношений, которые составляют их глубинно-семантическую структуру.

Показательными в рассматриваемом контексте явились количественные данные (табл. 1), где тенденция доминирования ошибок на фоне несформированности пространственных представлений варьирует в зависимости от включенности в семантическое пространство конструкций тех или иных логических связей.

Так, меньшая распространенность ошибок, отмеченных на фоне несформированности пространственных представлений, наблюдалось на уровне тех конструкций, основу которых составляли сравнительные отношения. Отличительной особенностью смысловой обработки детьми конструкций обозначенного типа являлось включение в процесс их декодирования операций сравнения отдельных лексических компонентов, представляющих формально-смысловую структуру фразы, и дальнейшее замещение механизмов формирования симуль-

танных схем механизмами референции, осуществляемыми посредством синтагматических языковых связей.

В конструкциях, где процент распространенности ошибочных ответов вследствие несформированности пространственных представлений младших школьников с ОНР достигал максимальных показателей, на первый план выступали трудности, обусловленные недостаточностью способов расшифровки служебных слов, маркирующих временные отношения. Это выражалось в неумении детей моделировать ответную конструкцию с помощью служебных слов (предлогов); нарушении актуализации временных отношений посредством языкового инструментария; ограниченных возможностях оперирования предложными связями на грамматическом и синтаксическом уровнях.

Данный факт говорит в пользу активной вовлеченности пространственно-симультанных процессов в ситуацию декодирования грамматических маркеров временных конструкций, участвующих в организации синтаксической модели фразы, тогда как в расшифровке семантического ядра сравнительных конструкций они принимают участие наравне с когнитивными процессами, раскрывающими парадигматические закономерности смыслового содержания языковой конструкции.

Анализ ответов младших школьников с нормальной речью показал, что ошибки декодирования ЛГК в большей степени связаны с несформированностью у детей пространственных представлений. Этот тип ошибок оказался преобладающим (91 %) по сравнению с ошибками, отмеченными вследствие несформированности когнитивных процессов (8 %) или языковых представлений (1 %). Соотношение выявленных типов ошибок декодирования ЛГК в контрольной группе представлено на рисунке 3.

Заключение

Заявленная в статье проблематика указывает на неразработанность проблемного поля, охватывающего смысловое восприятие речи у детей младшего школьного возраста. В рамках

Таблица 1

Типы ошибок, допущенных испытуемыми экспериментальной группы при декодировании ЛГК

Типы ошибок	Логико-грамматические конструкции			
	Пассивные	Сравнительные	Временные	Пространственные
Ошибки вследствие несформированности языковых представлений	15 %	8 %	0 %	13 %
Ошибки вследствие несформированности когнитивных процессов	8 %	44 %	5 %	25 %
Ошибки вследствие несформированности пространственных представлений	77 %	48 %	95 %	62 %

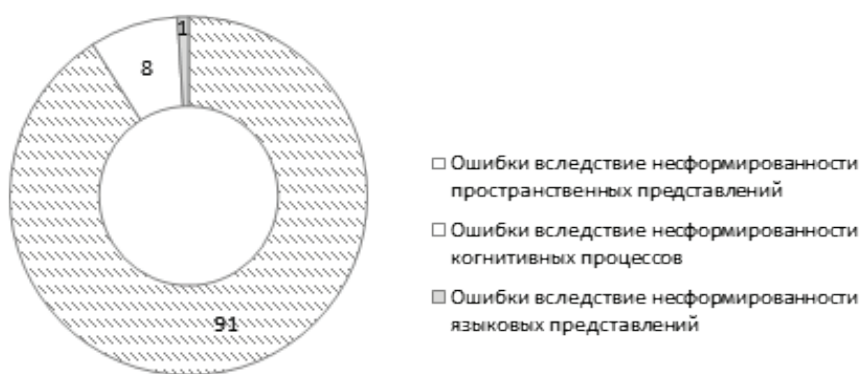

Рис. 3. Распространенность типов ошибок при декодировании ЛГК в контрольной группе (в %)

настоящего исследования удалось дополнить немногочисленные работы [1; 4–5; 15–17] экспериментальными данными, показывающими значимость ряда факторов для формирования смыслового восприятия речи. В частности, были подтверждены представления о том, что у младших школьников с общим недоразвитием речи наблюдается неготовность к полноценному декодированию логико-грамматических конструкций, особенно пространственно-временных, на всех уровнях смыслового восприятия. Выделенные типы ошибок в употреблении лексико-грамматических конструкций являлись общими как для младших школьников с нормальной речью, так и для их сверстников с ОНР. Разница была выявлена лишь в количественной выраженности этих ошибок, что говорит о том, что дети с недоразвитием речи проходят те же этапы в формировании грамматического строя речи, что и при нормальном речевом развитии, а уровень сформированности ЛГК (при наличии нормативных показателей)

может служить одним из маркеров речевого дизонтогенеза.

Важнейшим фактором, определяющим выявленную неготовность, является несформированность пространственных представлений и связанная с ней недостаточная способность к пространственной организации речевого высказывания. Вследствие вышесказанного для таких детей характерна специфика речемыслительных стратегий, которые они используют для расшифровки пространственных и квазипространственных отношений, что в свою очередь определяет специфику понимания ими изученных видов логико-грамматических конструкций.

Подчеркнем, что особое значение исследования сформированности пространственных представлений и навыков ориентировки в пространстве имеют для детей с нарушениями в развитии, так как подобные недостатки значительно осложняют процесс формирования их умственного, речевого и двигательного

го развития. Обновление системы психодиагностики — одно из требований времени [3; 12]. В исследованиях [4; 5] положено начало разработки и апробации диагностического инструментария для изучения места пространственных представлений в структуре

смыслового восприятия речи у детей. Предлагаются различные методики формирования пространственных представлений и их вербализации [2; 7; 13; 22; 23].

Литература

1. Алтухова Т. А., Карачевцева И. Н. Особенности перцептивно-смысловой обработки текстов младшими школьниками с общим недоразвитием речи // Изучение нарушений письма и чтения. Итоги и перспективы: материалы I Международной конф. Рос. ассоц. дислексии. М.: Изд-во МСГИ, 2004. С. 20–31.
2. Бурачевская О. В. Приемы и методы психолого-педагогической работы по развитию пространственного восприятия и пространственных представлений у дошкольников с общим недоразвитием речи // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 1235–1238.
3. Валявко С. М. Некоторые теоретико-методологические вопросы диагностики в логопсихологии на современном этапе // Специальная педагогика и специальная психология: сборник научных статей участников V Международного теоретико-методологического семинара 08–09 апреля 2013 года: в 2 т. / ИСОиКР ГБОУ ВПО МГПУ. Т. 1: Специальная педагогика и специальная психология: современные проблемы теории, истории, методологии. М.: ЛОГОМАГ, 2013. С. 59–64.
4. Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Особенности смыслового восприятия слова детьми с нарушениями речевого развития // Специальное образование. 2013. № 3 (31). С. 14–31.
5. Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Изучение смыслового восприятия логико-грамматических конструкций старшими дошкольниками // Специальное образование. 2016. № 1 (41). С. 38–39.
6. Гостар А. А. Особенности использования знаково-символических средств дошкольниками с задержкой психического развития: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
7. Градова Г. Н. Формирование пространственных представлений у дошкольников с общим недоразвитием речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010.
8. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 318 с.
9. Зинченко В. П. К характеристике процесса формирования образа и опознания // Проблемы восприятия пространства и времени. Л., 1961.
10. Киселева Н. Ю. Применение графических средств в логопедической работе с учащимися, осваивающими программу основного общего образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2014. Вып. 2 (28). С. 68–76.
11. Колесникова А. М. Нарушение понимания и выражения средствами языка пространственно-временных отношений при экспрессивной алалии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007.
12. Лубовский В. И., Коробейников И. А., Валявко С. М. Задачи, принципы и предложения реконструирования системы психологической диагностики нарушений развития // Дефектология. 2015. № 6. С. 47–56.
13. Лягушкина Н. В. Семантические представления, релевантные для описания значения ряда пространственных предлогов и наречий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
14. Маливанова Е. Л. Формирование грамматических конструкций, отражающих пространственные отношения у дошкольников с общим недоразвитием речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009.
15. Моргачева Е. Н. Особенности и пути формирования знаково-символической деятельности младших школьников с недостатками интеллектуального развития. М.: МПГУ, 2001. 92 с.
16. Науменко О. А. Формирование основ знаково-символической деятельности старших дошкольников с общим недоразвитием речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Минск, 2000.
17. Скоробогатова Н. В. Особенности пространственного поведения у подростков с отклонениями в развитии: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2003.
18. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
19. Шулекина Ю. А. Специфика декодирования парадигматических кодов языка при недоразвитии речи в младшем школьном возрасте // Вестник РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 21. С. 329–333.

20. Шулекина Ю. А. Влияние пространственного фактора на формирование смыслового восприятия в детском возрасте при недоразвитии речи // Логопедия сегодня. 2007. № 4 (18). С. 18–26.
21. Шулекина Ю. А. Выявление и коррекция нарушений смыслового восприятия речевого высказывания у младших школьников с общим недоразвитием речи: дис. ... канд. пед. наук. М.: МГПУ, 2008.
22. Филатова И. А. Развитие пространственных представлений у дошкольников с нарушениями речи. М.: Национальный книжный центр, 2013. 48 с.
23. Филатова И. А. Взаимосвязь пространственной организации движений и развития речи детей с дизартрией / Г. Г. Зак, В. В. Коркунов, И. А. Филатова и др. // Изучение произвольных движений и их коррекция у детей с ограниченными возможностями здоровья: монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2013.
24. Ясман Л. В. Некоторые особенности владения грамматическим строем детьми с задержкой психического развития: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976.

References

1. Altuhova T. A., Karachevtceva I. N. Features of Perceptive and Semantic Word Processing for Primary School Children with General Speech Underdevelopment // The Study of Reading and Writing Disorders. Conference abstracts. M.: MSGI, 2004. P. 20–31.
2. Burachevskaya O. V. Techniques and Methods of Psychological-Pedagogical Work on the Development of Spatial Perception and Spatial Concepts in Preschool Children with General Speech Underdevelopment // Young Scientist. 2015. № 9 (89). P. 1235–1238.
3. Valyavko S. M. Some Theoretical and Methodological Issues in the Diagnosis Logopsychology at the Present Stage // Special Pedagogy and Special Psychology: Contemporary Problems of Theory, History and Methodology. M., 2013. P. 59–64.
4. Valyavko S. M., Shulekina Ju. A. Peculiarities of Sense Perception of a Word by Children with Verbal Development Disorder // Special Education. Ekaterinburg, 2013. № 3 (31). P. 13–30.
5. Valyavko S. M., Shulekina Ju. A. The study of Speech Comprehension of Logical-Grammatical Structures in Older Preschoolers // Special Education. Ekaterinburg, 2016. № 1 (41). P. 38–39.
6. Gostar A. A. Features of Using Sign-Symbolic Tools by Preschoolers with Mental Retardation. Abstract of dissertation. M., 2008.
7. Gradova G. N. The Formation of Spatial Concepts in Preschool Children with General Speech Underdevelopment. Abstract of dissertation. SPb., 2010.
8. Zymnya I. A. Linguapsychology of Speech Activity. M.: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 318 p.
9. Zinchenko V. P. To Description of Process of Image Formation and Identification // Problems of Perception of Space and Time. Leningrad, 1961.
10. Kiseleva N. Y. Application of Graphical Tools in Speech Therapy Work with Pupils, Mastering the Program of Basic General Education // Vestnik MGPU. «Pedagogy and Psychology». 2014. Vol. 2 (28). P. 68–76.
11. Kolesnikova A. M. Violation of the Understanding and Expression of Spatiotemporal Relations in Expressive Alalia. Abstract of dissertation. M., 2007.
12. Lubovskiy V. I., Korobeinikov I. A., Valyavko S. M. Objectives, Principles and Proposals of the Redesign of the System of Psychological Diagnosis of Development Disorders // Defectologia. 2015. № 6. P. 47–56.
13. Lyagushkina N. V. Semantic Representation are Relevant to Describe the Meaning of Spatial Prepositions and Adverbs. Abstract of dissertation. M., 2002.
14. Maliovanova E. L. The Formation of Grammatical Structures Reflecting the Spatial Relationship in Preschoolers with General Speech Underdevelopment. Abstract of dissertation. Moscow, 2009.
15. Morgacheva E. N. Features and Ways of Forming of Sign and Symbolic Activities in Primary School Students with Defects of Intellectual Development. M.: MPGU, 2001. 92 p.
16. Naumenko O. A. The Formation of Basis of Sign-Symbolic Activity in Older Preschoolers with General Speech Underdevelopment. Abstract of dissertation. Minsk, 2000.
17. Skorobogatova N. V. Characteristics of Spatial Behavior of Adolescents with Developmental Disabilities. Abstract of dissertation. N. Novgorod, 2003.
18. Sokolov A. N. Inner Speech and Thinking. M., 1968.
19. Shulekina Ju. A. The Specific of Decoding Peredigmatic Language Codes in Young Students with Underdevelopment of Speech // Vestnik RGPU. Aspirant's Notebooks. 2007. № 21. P. 329–333.

20. **Shulekina Ju. A.** The Influence of Spatial Factor on the Formation of Semantic Perception in Children with General Speech Underdevelopment // *Speech Therapy Today*. 2007. № 4 (18). P. 18–26.
21. **Shulekina Ju. A.** Revealing and Correction of Infringements of Speech Comprehension in Younger Schoolchildren with General Speech Underdevelopment. M.: MGPU, 2008.
22. **Philatova I. A.** The Development of Spatial Concepts in Preschoolers with Speech Disorders. M.: National book center, 2013. 48 p.
23. **Philatova I. A.** The Correlation between the Spatial Organization of Movements and Speech Development of Children with Dysarthria / G. G. Zak, V. V. Korkunov, I. A. Philatova etc. // *The Study of Voluntary Movement and Their Correction in Children with Disabilities: a collective monograph*. Ekaterinburg: UGPU, 2013.
24. **Yassman L. V.** Some Features of Ownership Grammatical System of Children with Mental Retardation. Abstract of dissertation. M., 1976.

**ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОГО ПРОФИЛЯ
АДДИКТИВНО РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ:
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В РАМКАХ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ МОТИВАЦИИ**

*Л. В. Сенкевич,
РГСУ, Москва*

В статье содержатся результаты эмпирического исследования, ориентированного на выявление особенностей индивидуально-мотивационного профиля аддиктивно развивающейся личности. Методологической основой исследования является системная теория мотивации, разработанная Б. Н. Рыжовым. Автор статьи на основе теоретического анализа разрабатывает программу исследования, формулирует его цель, задачи и с помощью эмпирических методов проверки гипотез выявляет взаимосвязь и взаимообусловленность особенностей мотивационного профиля личности, ее мотивационного потенциала и склонности к аддиктивному поведению.

Ключевые слова: мотивационный профиль, системная теория мотивации, аддиктивное поведение, алкоголезависимые, наркозависимые, биологические и социальные виды мотивации.

**THE PECULIARITIES OF MOTIVATIONAL PROFILE
OF ADDICTIVE DEVELOPING PERSONALITY EXPERIENCE
OF EMPIRICAL RESEARCH WITHIN SYSTEMS THEORY OF MOTIVATION**

*L. V. Senkevich,
RSSU, Moscow*

The article contains the results of empirical research focused on identifying characteristics of individual motivational profile-paced addictive personality. The methodological basis of the study is the system theory of motivation developed by B. N. Ryzhov. The author of the article on the basis of theoretical analysis developing a program of research, formulates research problems and with empirical methods for testing hypotheses identifies the relationship and interdependence of the characteristics of motivational profile of personality, its motivational potential and propensity for addictive behavior.

Keywords: motivational profile, system theory of motivation, addictive behaviors, persons dependent on alcohol, persons dependent on drugs, biological and social types of motivation.

Введение

Проблема аддиктивного поведения в современном обществе является одной из наиболее острых и социально значимых. Противоправное поведение, деградация личности, разрушение физического, психического, психологического и нравственного здоровья широких масс населения от юношеского до пожилого возрастов, снижение рождаемости, появление все большего количества детей с отклонениями в развитии — все это следствие неуклонного роста химических зависимостей. Несмотря на масштаб и эффективность мер, предпринятых в последнее десятилетие законодательными, правоохранительными, медицинскими и реабилитационными структурами нашей страны, вопросы превенции

распространения алкоголизма и наркоманий, реинтеграции зависимой личности в нормальную социальную среду, восстановления здорового образа жизни и социального статуса не теряют своей злободневности в современном российском обществе.

Зависимость от психоактивных веществ воздействует на все сферы психической деятельности индивида, в том числе и на мотивационно-потребностную сферу, определяемую как ядро личности [5; 7; 9]. Измененное под воздействием алкоголя или наркотиков состояние сознания вызывает у зависимого человека иллюзию удовлетворения фрустрированных потребностей, снижения тревоги и страхов. В конечном итоге иллюзорно удовлетворяемые в состоянии алкогольного

или наркотического опьянения потребности «опредмечиваются» в самом психоактивном веществе, происходит сдвиг мотива с цели на средство, наркотик или алкоголь сами становятся предметом потребности, и вся дальнейшая жизнедеятельность человека постепенно подчиняется поиску любых способов удовлетворения этой потребности [1–3].

Существует множество философских, социологических, психологических теорий и подходов к изучению мотивационной сферы как здоровой, так и патологически развивающейся личности. Еще философы античности (Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель, Лукреций) исследовали потребности, желания, стремления человека. Голландский философ-рационалист Б. Спиноза описал осознаваемые и неосознаваемые влечения как главные движущие силы поведения. Французские философы-материалисты Э. Б. де Кондильяк и П. А. Гольбах определяли потребности как основной фактор жизненной активности индивида [4; 8; 12].

Бурное развитие психологических теорий мотивации происходит в конце XIX – первых десятилетиях XX века. Становление западных бихевиористских теорий мотивации обусловлено трудами российских физиологов И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. В основу психоаналитических теорий мотивации легли работы З. Фрейда и его последователей. Когнитивные теории мотивации связаны с именами Дж. Роттера, Г. Келли, Л. Фестингера. С 20-х годов прошлого века ряд западных психологов (К. Левин, Г. Олпорт, Г. Мюррей) разделяют потребности человека на первичные (органические) и вторичные (психогенные). Одна из наиболее известных типологий потребностей принадлежит А. Маслоу, выделявшему витальные потребности, потребности в безопасности, в любви и принятии, в уважении, познавательные и эстетические потребности, и наконец, потребность в самоактуализации [4].

Многие отечественные психологи уделяли внимание проблеме мотивации, потребностей и мотивов (А. Ф. Лазурский, Н. Н. Ланге, Л. С. Выготский, А. Н. Леотьев, Д. Н. Узнадзе, В. К. Виллюнас и др.). Патологически измененную сферу потребностей и мотивов у химиче-

ски зависимых изучали Б. С. Братусь, И. Н. Пятницкая, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский [1; 6; 11]. Ими описаны угасание влечений, сужение потребностей, упрощение побуждений, ограничение мотивов, искажение ценностей больных наркоманией и алкоголизмом. Вместе с тем субъективизм и произвольность в выборе критериев классификаций потребностей и мотивов как здоровой, так и патологически измененной личности вызывают сомнение в основательности их теоретического и методологического обеспечения. В связи с этим особый интерес представляет системно-психологическая концепция мотивации Б. Н. Рыжова, опирающаяся на наиболее общие теоретические критерии мотивационных показателей. При этом выделяются две основных категории мотивации: биологическая, определяемая как социализированные инстинкты индивида, целью которой является сохранение и развитие человека как индивида и человечества как вида, и социальная, имеющая целью сохранение и развитие личности и социума [7].

К биологическим типам мотивации системно-психологическая концепция относит витальную (обеспечивающую жизнедеятельность человеческого организма), репродуктивную (обеспечивающую продолжение рода), охранительную или альтруистическую (обеспечивающую выживание человеческого вида в целом) и мотивацию самосохранения (обеспечивающую индивидуальную устойчивость индивида во взаимодействии со средой). Социальная мотивация включает в себя познавательную (обеспечивающую репродукцию элементов личности — знаний и умений), мотивацию сохранения «Я» (представляющую из себя комплекс защитных механизмов и обеспечивающую сохранение элементов и структуры личности), мотивацию самореализации (обеспечивающую репродукцию элементов социума посредством прямого или косвенного воздействия личности на других членов социума, создания объектов, несущих отпечаток своего «Я» и т. д.) и нравственный потенциал личности (мотивация, отвечающая сохранению элементов и структуры социума и проявляющаяся в соблюдении моральных норм данного общества) [7].

При построении индивидуальных или групповых системных профилей мотивации ранжи-

руются потребности и ценности, соответствующие тому или иному виду мотивации. Витальной мотивации соответствуют такие ценности, как хорошее питание, занятия спортом, внешность и одежда, свобода передвижения и поступков. В репродуктивную мотивацию входят следующие ценности: счастливая семейная жизнь, наличие детей, любовь, успех у противоположного пола. Мотивация самосохранения представлена такими ценностями: здоровье, личная безопасность, комфортные условия жизни, долгая деятельная жизнь. Альтруизму или охранительной мотивации соответствуют безопасность родственников, забота о семье и близких, готовность помочь другому человеку, защита соотечественников. Выраженность познавательной мотивации определяется такими ценностями, как образование и культура, получение новой информации о мире, науке и искусстве, деньги и независимость, увлечения и отдых. Мотивация сохранения «Я» включает в себя верность своим моральным принципам, уверенность в завтрашнем дне, хорошую работу, общение с друзьями и интересными людьми. В мотивацию самореализации входят возможность реализации своих способностей, творчество, положение человека в обществе, забота о своем отечестве. Мотивацию нравственности составляют такие ценности, как справедливость в отношениях между людьми, порядок и благополучие в стране, вера и религия, традиции и культура страны [9].

Целью проведенного в 2012–2015 гг. эмпирического исследования явилось изучение системных особенностей мотивационных профилей лиц с разными типами аддикций (алкоголезависимых, наркозависимых) в их сравнении с группой нормы (условно здоровых респондентов). Достижение поставленной цели осуществлялось на основе решения следующих исследовательских задач: 1) провести сравнительный анализ показателей мотивационной сферы условно здоровых респондентов и лиц с аддиктивным поведением; 2) сравнить мотивационные профили лиц с разными типами аддикций (алкоголезависимых и наркозависимых); 3) выявить психологические типы личности условно здоровых респондентов и лиц с разными типами

аддикций в зависимости от сочетаний видов доминирующей мотивации.

Организация и методика исследования

Исследование мотивационной сферы больных алкоголизмом, наркоманиями и здоровых респондентов проводилось на базе Московского научно-практического центра наркологии, Наркологической клинической больницы № 17, Психиатрической клинической больницы № 4 им. П. Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения г. Москвы, Московского научно-исследовательского института психиатрии (филиала ФМИЦПН) Минздрава России, Центра психологической помощи Евгения Полякова, а также факультетов дополнительного профессионального образования ряда московских вузов. Необходимо отметить, что у всех респондентов, помещенных в стационар острых отделений ПКБ № 4 им. П. Б. Ганнушкина и в отделения аффективной патологии МНИИ психиатрии на фоне наркотических и алкогольных психозов, было диагностировано отсутствие эндогенной симптоматики, о чем свидетельствовали данные историй болезни, пато- и нейропсихологических заключений и результаты бесед с лечащими врачами и медицинскими психологами учреждений. На момент проведения исследования все обследуемые были выведены из психоза с помощью адекватной и эффективной психофармакотерапии и находились в ясном сознании. Группа нормы набиралась на базе Государственной классической академии имени Маймонида и Московского городского психолого-педагогического университета. В нее вошли студенты гуманитарных факультетов, слушатели различных программ профессиональной переподготовки и курсов повышения квалификации, их родственники и знакомые.

Наибольшее число респондентов включала в себя выборка условно здоровых испытуемых, без признаков аддиктивного поведения: в нее вошли 951 человек, 438 мужчин и 513 женщин в возрасте от 17 до 74 лет. В группу алкоголезависимых вошли 192 респондента, 113 мужчин и 79 женщин, в возрасте от 18 до 68 лет. Третью группу соста-

вили 128 больных наркоманиями, 76 мужчин и 52 женщины, в возрасте от 17 до 55 лет.

Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач использовалась методика «Тест системного профиля мотивации» Б. Н. Рыжова.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования и последующего их системологического анализа позволили выявить особенности мотивационных профилей аддиктивно развивающейся личности.

В таблице 1 представлены результаты проведенного исследования. Первичная обработка эмпирических данных свидетельствует о том, что наибольшую значимость, согласно представленным в таблице средним рангам по всем трем выборкам, для респондентов, не страдающих хроническими аддикциями, имеют такие виды мотивации, как самосохранение ($5,5 \pm 0,5$), альтруизм ($5,1 \pm 0,4$) и защи-

та «Я» ($4,8 \pm 0,4$). Таким образом, для большинства респондентов группы «Норма» наиболее значимы, наряду с такими ценностями, как, например, здоровье, личная безопасность, долгая деятельная жизнь, раскрывающими содержание мотивации самосохранения, отражающей в свою очередь биологический тип мотивации сохранения индивида, такие ценности, как забота о семье и близких, безопасность родственников, готовность помочь другому человеку, соответствующие альтруизму, т. е. биологической мотивации сохранения вида, а также ценности, отвечающие социальной мотивации сохранения личности и социальных микросистем (верность своим моральным принципам, уверенность в завтрашнем дне, хорошая работа).

В группах лиц, страдающих хроническими аддикциями, усредненные мотивационные профили имеют иное содержание.

Так, наибольшую значимость среди алкоголезависимых имеют ценности самосохранения ($5,3 \pm 0,4$), сохранения «Я» ($4,6 \pm 0,4$)

Таблица 1

Результаты первичной обработки эмпирических данных в трех исследовательских группах

Тип мотивации	Группа испытуемых	Среднее значение	Стандартное отклонение
Витальная	Норма	3,7	1,20046
	Алкоголезависимые	4,2	1,22508
	Наркозависимые	4,6	0,91933
Самосохранение	Норма	5,5	1,30264
	Алкоголезависимые	5,3	1,20277
	Наркозависимые	5,7	1,10522
Репродуктивная	Норма	4,5	1,00465
	Алкоголезависимые	4,4	1,09309
	Наркозависимые	4,1	1,10968
Альтруизм	Норма	5,1	1,05270
	Алкоголезависимые	4,5	1,18316
	Наркозависимые	3,3	1,40949
Познавательная	Норма	4,2	1,11471
	Алкоголезависимые	4,6	1,18167
	Наркозависимые	5,2	0,94182
Защита «Я»	Норма	4,8	1,01844
	Алкоголезависимые	4,6	1,11274
	Наркозависимые	4,8	1,02524
Самореализация	Норма	3,8	1,07843
	Алкоголезависимые	4,2	1,10849
	Наркозависимые	4,6	1,09428
Нравственность	Норма	4,0	1,35424
	Алкоголезависимые	3,9	1,18315
	Наркозависимые	3,6	1,32693

и познавательной мотивации ($4,6 \pm 0,4$), что, на первый взгляд, свидетельствует о доминировании у большинства из них не только биологической мотивация сохранения себя как индивида, но и о социальной мотивации развития и сохранения личности.

В группе наркозависимых высшие ранги в общей системе мотивов так же, как и в группе алкоголезависимых, заняли такие виды, как самосохранение ($5,7 \pm 0,5$), познавательная мотивация ($5,2 \pm 0,4$) и защита «Я» ($4,8 \pm 0,4$).

Результаты первичной обработки данных позволили наглядно представить усредненные мотивационные профили респондентов всех трех исследовательских групп (рис. 1).

соких рангов следующее: в группе «Норма» — это 3 : 1, а в группах респондентов с аддикциями как алкоголезависимых, так и наркозависимых, — 2 : 2. Вместе с тем средние значения рангов простейших биологических видов мотивации (витальная) существенно выше в группах лиц с аддиктивным поведением, чем в группе условно здоровых испытуемых. Для здоровых респондентов ценности, раскрывающие витальную мотивацию (хорошее питание, внешность и одежда) обладают наименьшей значимостью (рис. 2).

Самый низкий ранг в группе алкоголезависимых принадлежит такой мотивации, как нравственность (рис. 3). Для большинства

Рис. 1. Графическое изображение усредненных мотивационных профилей испытуемых всех выборок

Необходимо отметить также, что мотивационные профили алкоголезависимых в меньшей степени, чем мотивационные профили наркозависимых, отличны от соответствующих профилей респондентов группы «Норма».

Сравнение ранговых профилей мотивационных структур испытуемых трех групп свидетельствует о том, что само сочетание видов мотивации респондентов различно.

На рисунках 2, 3 и 4 представлены результаты сравнения ранговых значений мотивационных показателей.

Было выявлено, что сочетание биологических и социальных мотивов первых четырех вы-

респондентов этой группы в наименьшей степени значимы ценности, связанные с сохранением элементов и структуры социума. Таким образом, большинство респондентов, страдающих хроническим алкоголизмом, строят свою деятельность и поведение вне ориентации на порядок и благополучие в стране, не опираясь на постулаты веры и религии; для них незначимы достижения культуры и народных традиций; им чуждо стремление достичь справедливости в отношениях между людьми. Нравственный потенциал личности как средство сохранения и развития информационной структуры макросистемы, обеспечивающее ее устойчивость

Рис. 2. Ранги мотивов в группе «Норма»

Рис. 3. Ранги мотивов в группе респондентов, зависимых от алкоголя

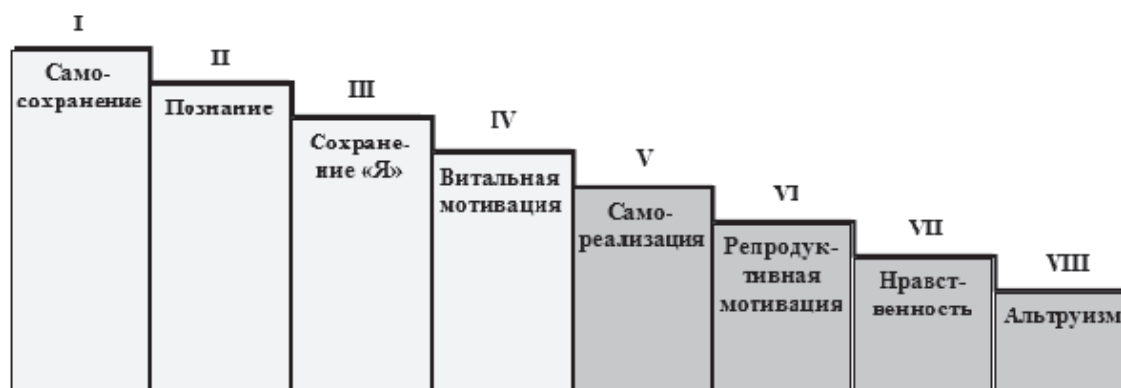

Рис. 4. Ранги мотивов в группе наркозависимых

при взаимодействии с внешней средой, занимает у большинства алкоголезависимых периферийные места в мотивационной структуре, что обусловлено низким уровнем усвоения норм общественной морали.

В группе наркозависимых самым востребованным является такой вид мотивации, как альтруизм (рис. 4). Забота о близких, род-

ственников, соотечественников, других людях несвойственны лицам, зависящим от наркотических веществ. Именно эта мотивация сохранения вида, направленная на других членов человеческого сообщества, в наименьшей степени составляет ядро личности наркомана, что во многом обуславливает его аддиктивное поведение.

Качественный анализ полученных в результате эмпирического исследования данных позволил детализировать предварительно сделанные выводы.

Здесь необходимо уточнить, что вторичная обработка эмпирических данных также имеет свою качественно обусловленную интерпретацию.

При сравнении группы нормы с группами лиц, зависимых от психоактивных веществ, выявляются закономерные тенденции: резкое увеличение в группах наркоманов и алкоголиков роли низшей биологической витальной мотивации (различия между группой нормы и группой алкоголезависимых, группой нормы и группой наркозависимых достоверны на высоком уровне значимости ($p < 0,001$)). Если для группы нормы она незначима (среднегрупповое значение 3,7 балла), то у лиц с аддикциями эти показатели существенно выше. В то же время нравственная, репродуктивная мотивация и особенно альтруизм у респондентов с аддиктивным поведением занимают самые депрессивные позиции. Если у здоровых респондентов показатели охранительной мотивации выше средненормативных¹ значений (5,1 балла) и это вполне соответствует гармоничному развитию личности, то у наркозависимых этот вид мотивации занимает последнее место в ценностно-потребностной структуре личности (см. рис. 4), а среднегрупповые значения существенно ниже нормативных (3,3 балла). Кроме того, снижена мотивация альтруизма и у алкоголезависимых (различия между группой нормы и выборкой больных алкоголизмом, группой нормы и группой наркозависимых достоверны на высоком уровне значимости ($p < 0,001$)). У больных наркоманиями наблюдается выраженное снижение нравственной и репродуктивной мотивации (выявлены достоверные, на высоком уровне значимости, различия между группой нормы и наркозависимыми по этим параметрам). Таким образом, асоциализация (депрессия таких видов мотивации, как альтруизм и нравственность), а также

превалирование витальной мотивации — это основная линия аддикций.

Полученные результаты свидетельствуют о явном превалировании в мотивационной структуре лиц с аддикциями индивидуальных ценностей над коллективными. Даже в современном, все более индивидуализирующемся обществе индивидуализм респондентов с аддиктивным поведением превышает допустимые границы и окончательно вырывает зависимую личность из общества. Это обусловлено дефицитом общественных, коллективных видов мотивации.

Может показаться парадоксальным превалирование показателей познавательной мотивации и мотивации самореализации у лиц с аддикциями. Такое иллюзорное доминирование этих высших типов мотивации у больных алкоголизмом и наркоманиями происходит благодаря тому, что в эти виды мотивации входят такие ценности, как деньги и независимость, увлечения и отдых.

Очевидно, что интерпретация этих ценностей у аддиктивных респондентов приобретает искаженный характер, поскольку деньги нужны для удовлетворения извращенной потребности (необходимо найти то вещество, которое способно изменить сознание, дать ощущение эйфории, иллюзию избавления от проблем и тревог), а увлечения и отдых также воспринимаются болезненно — как возможность организовать более-менее комфортные и безопасные условия для употребления алкоголя или наркотика. Эти ценности воспринимаются больными алкоголизмом и наркоманиями субъективно, исходя из каждодневных извращенных потребностей, и создают иллюзию превалирования познавательной мотивации и самореализации. Возможность реализации своих способностей также воспринимается лицами с аддикцией болезненно — как возможность с наименьшими материальными затратами и наименьшей отдачей сил приобрести психоактивное вещество: здесь присутствует именно субъективная, болезненная интерпретация ценностей, то, что приводит к парадоксальному росту некоторых мотиваций, которые можно было бы ожидать у гармоничной личности.

¹ Показатели усредненного популяционного профиля мотивации см.: Рыжов Б. Н. Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. № 1 (1). С. 42.

Познавательная мотивация с точки зрения системной психологии представляет собой тенденцию создания новых элементов личности, развития личности как системы. Для репродукции элементов личности, для получения новой информации о мире, науке, искусстве необходимо наличие средств и свободы. Стремление к свободе материальной и моральной — необходимое условие для развития личности. Отсутствие материального достатка и нахождение в условиях несвободы являются серьезными препятствиями на пути развития личности. Но для аддиктивной группы отсутствие материального достатка связано отнюдь не с препятствиями на пути приобретения новых знаний и умений, получения новой информации, а лишь с невозможностью приобрести психоактивное вещество, отсутствие которого приводит к болезненным физическим ощущениям. Кажущиеся парадоксальными, относительно высокие значения мотивации самореализации, включающей, в том числе, ценности духовной и материальной независимости для этой группы связаны с болезненно уплощенной интерпретацией этих ценностей.

Различия между группами больных наркоманией и алкоголизмом в показателях самосохранения существуют на уровне тенденции ($p < 0,055$). Алкоголики менее стремятся к самосохранению: они менее опрятны, не следят за собой, в меньшей степени обеспокоены проблемами своего здоровья. У наркозависимых, напротив, мотивы самосохранения несколько выше. Связано это с переживанием больными наркоманиями возможного дефекта и проблем со здоровьем. Алкоголезависимые менее фиксированы на этом, наркоман же вынужден рефлексировать, так как снижение уровней физического, психического и психологического здоровья при наркотической зависимости происходят гораздо быстрее, чем при алкогольной. В нашей выборке наркозависимых самому старшему респонденту было 55 лет: больные наркоманиями в подавляющем большинстве просто не доживают до пожилого возраста. Искаженная и дисгармоничная система мотивации наркозависимых связана также и с криминальным характером применения наркотических ве-

ществ. Все это обуславливает повышение индекса мотивации самосохранения у больных наркоманиями.

На конечных стадиях развития зависимости алкогольная и наркотическая деменция отличается незначительно. Но на момент обследования респонденты, находясь в клинике, пребывали в состоянии ремиссии, демонстрируя своеобразие искажений мотивационных структур личности в зависимости от типа аддикции.

Выявлены достоверные ($p < 0,01$) различия между алкоголе- и наркозависимыми в показателях витальной мотивации: у наркоманов она значимо выше, чем у больных алкоголизмом. Доминирование у наркозависимых простейших ценностей, таких как хорошее питание, внешность и одежда, во-первых, подтверждают сделанный выше вывод об их вынужденной сосредоточенности на том, какими они предстают в глазах окружающих, и, во-вторых, о явном регрессе их системы ценностей, так как согласно разработанной Б.Н. Рыжовым системной периодизации развития восходящий тренд индекса витальной мотивации свойствен более ранним возрастным периодам [10].

Обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,01$) между алкоголе- и наркозависимыми в показателях репродуктивной мотивации: если у больных алкоголизмом эти значения практически не отличаются от нормы, то при наркоманиях этот вид мотивации существенно снижен. Таким образом, наркотическая зависимость обуславливает доминирование социально низших видов мотивации и депрессию ее высших видов. Все интересы наркозависимой личности подчинены стремлению к получению удовлетворения от приобретения психоактивных веществ, что приводит к неизбежному снижению большинства естественных для человека потребностей — в любви, в семейной жизни и др. Алкоголезависимые в меньшей степени подвержены сужению этих потребностей.

Выявлены достоверные, на высоком уровне значимости, различия между группами с разными типами аддикции в показателях охранительной мотивации: в выборке наркозависимых эти показатели существенно

ниже, чем у респондентов, страдающих алкоголизмом ($p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что деградация личности у наркоманов происходит гораздо быстрее, чем у больных алкоголизмом, при этом выхолащиваются такие ценности, как забота о семье и близких, безопасность родственников. Оскудевает, уплощается эмоциональная сфера, наркозависимый полностью утрачивает чувство привязанности к родным и близким, ощущение своей причастности к социуму.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что, с одной стороны, у лиц с аддиктивным поведением наблюдается доминирование простейших видов биологической мотивации и снижение высших видов биологической мотивации (репродуктивная, альтруизм), и в то же время болезненно повышаются отдельные ценности, которые входят в состав таких видов социальной мотивации, как познавательная и самореализации, но у зависимых личностей они получают извращенное толкование в контексте удовлетворения присущих им аддикций.

Процентное распределение респондентов по значимости для них отдельно выбранной ценности, представляющей соответствующую потребность, достоверно различно ($\chi^2 = 38,92, p < 0,01$) (табл. 2).

Так, 49,9 % респондентов группы «Норма» отдали высший балл познавательной мотива-

Согласно системной теории мотивации для выявления структурного своеобразия ядра личности большое значение имеет сочетание доминирующих в индивидуальном мотивационном профиле двух или нескольких видов мотивации.

В связи с этим следующим этапом эмпирического исследования стало выявление определенных системной теорией мотивации типов личности, характерных для условно здоровых, алкоголезависимых и наркозависимых респондентов². Именно такие сочетания и позволяют раскрыть особенности индивидуально-мотивационных профилей аддиктивно развивающейся личности.

На рисунке 5 представлены процентные распределения респондентов всех исследовательских групп по психологическим типам, определяющим своеобразие мотивационных профилей.

Определенный процент респондентов из группы «Норма» (2,3 %) относятся к эгофилам как к психотипу, проявляющемуся в доминировании познавательной мотивации и мотивации защиты «Я», связанных, согласно системной теории мотивации, с репродукцией элементов личности и обеспечением порядка на уровне личности.

Здесь необходимо отметить, что в отличие от двух других групп — лиц с аддиктивным поведением — в группе условно здоровых респондентов всего 0,4 % испытуемых ха-

Таблица 2

Процентные распределения испытуемых всех групп по значимости ценностей, составляющих мотивацию познания

Ценность	Норма (%)	Алкоголики (%)	Наркоманы (%)
Деньги и независимость	12	47,4	69,7
Образование и культура	26,7	8,4	18,7
Увлечение и отдых	11,4	36,4	5,8
Получение новой информации о мире, науке и искусстве	49,9	7,8	5,8

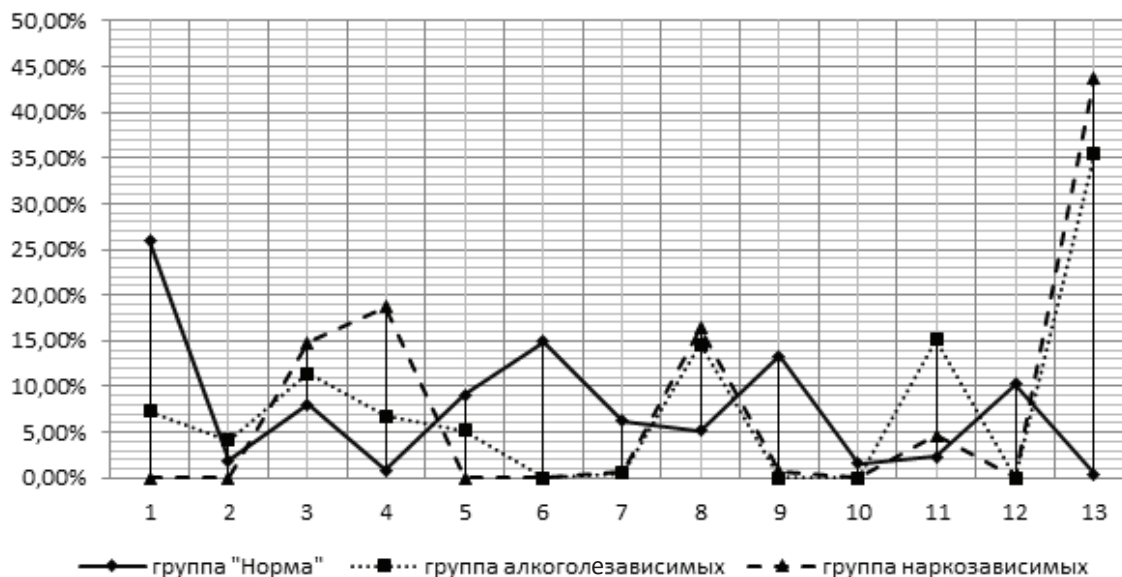
ции ценности «Получение новой информации о мире, науке и искусстве», тогда как среди алкоголезависимых таких респондентов оказалось всего 7,8 %.

Среди наркозависимых респондентов почти 70 % характеризуются стремлением, прежде всего, обрести деньги и независимость, а потому они и строят свою жизнедеятельность исходя из данной ценности и данного мотива.

характеризуются дисгармоничным сочетанием мотивационных типов, отражающим их несовместимость по двум системным критериям.

Именно этот факт во многом раскрывает психологическую сущность аддиктивного по-

² Описание типологических комплексов, определяющих структурное своеобразие ядра личности см.: Рыжов Б. Н. Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. № 1 (1). С. 31–35.

Условные обозначения: 1 — биорд; 2 — биофил; 3 — эгоист; 4 — биотен; 5 — эгоорд; 6 — ностраорд; 7 — ностратен; 8 — эготен; 9 — социорд; 10 — социофил; 11 — эгофил; 12 — социотен; 13 — дисгармоничный тип мотивационной структуры личности

Рис. 5. Распределения респондентов (%) по психологическим типам в соответствии с сочетанием доминирующих шкал мотивации

ведения как поведения, обусловленного специфическими индивидуально-мотивационными профилями личности.

Анализ процентного распределения испытуемых групп аддиктов позволил выявить другую структуру, которая и становится источником зависимости личности от психоактивных веществ, раскрывая при этом специфику аддиктивного поведения.

По результатам исследования можно говорить о том, что в группе алкоголезависимых, как и в группе наркозависимых, большинство респондентов характеризуются дисгармоничными типами мотивационной структуры личности, обусловленными доминированием, по сути, антагонистических мотивов (35,4 % и 43,7 %).

В отличие от группы нормы, где мотивационные профили большинства респондентов характеризуются гармоничностью составляющих их видов мотивации, за счет чего и образуются устойчивые базовые диспозиции их личности на уровне ее мотивационного ядра, мотивационные профили большинства аддиктивных испытуемых, характеризуясь дисгармоничностью компози-

ций составляющих их мотивов, образуют конфликт их содержаний, что приводит к стойко повышенной психической напряженности.

Психическая напряженность с точки зрения системной теории мотивации возникает в результате отклонения мотивационной системы от своего стационарного состояния. Чем больше это отклонение, тем сильнее психическая напряженность. Психическая напряженность выводит систему из состояния баланса, снижает ее способность к адаптации. В то же время психическая напряженность становится источником роста и физиологической напряженности, отражающей наличие отклонений функциональных подсистем организма от своих стационарных состояний [10].

Выводы

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. У лиц с аддиктивным поведением, по сравнению с условно здоровыми респондентами, наблюдается доминирование примитивных видов биологической мотивации

(витальной) и снижение общечеловеческих высших видов биологической мотивации (репродуктивной, альтруизма) в сочетании с парадоксальным повышением значимости отдельных ценностей, входящих в состав таких видов социальной мотивации, как познавательная и мотивация самореализации. Однако у аддиктивно развивающейся личности эти ценности получают искаженное толкование в контексте удовлетворения присутствующих им зависимостей.

2. Своеобразие мотивационного профиля зависит также от типа аддикции. Наиболее патологически измененной оказалась мотивационная структура наркозависимых, характеризующаяся выраженной депрессией высших и доминированием низших видов биологической мотивации, а также низким уровнем такого вида социальной мотивации, как нравственный потенциал личности. Патологические изменения мотивационного ядра личности у алкоголезависимых выражены в меньшей степени: им свойственны сниженный уровень нравственности и альтруизма при повышении уровня витальной мотивации.

3. Мотивационные профили большинства испытуемых из группы «Норма» характеризуются гармоничностью составляющих их видов мотивации, благодаря чему и образуются сбалансированные базовые диспозиции их личности, определяющие устойчивость условно здоровых респондентов к негативным воздействиям окружающей среды. Индивидуально-мотивационные профили большинства респондентов с аддикциями, напротив, характеризуются конфликтностью сочетаний доминирующих мотиваций. Аддиктивное поведение алкоголе- и наркозависимых закономерно ведет к дисгармонии мотивационной

структуры личности, обуславливающей рост психической напряженности и психофизиологического дискомфорта, что по принципу порочного круга вновь приводит к употреблению психоактивных веществ.

4. Системная теория мотивации объясняет глубинные процессы, происходящие внутри системной организации как здоровой, так и патологически развивающейся личности, что свидетельствует о перспективе ее дальнейшего использования для объяснения психологических закономерностей и механизмов многих психологических явлений.

Заключение

Результаты эмпирического исследования, проведенного в рамках системной теории мотивации, разработанной Б. Н. Рыжовым, свидетельствуют о том, что психологические механизмы зарождения и развития аддиктивного поведения личности обусловлены особенностями ее индивидуально-мотивационного профиля, имеющего специфические внутри- и межсистемные связи.

Результаты исследования могут стать теоретико-методологической базой для дальнейших исследований проблемы мотивации аддиктивного поведения личности, его закономерностей, механизмов, факторов и условий развития, а также использоваться на базах наркологических и психиатрических клиник при разработке психокоррекционных программ и мотивационных тренингов.

При этом системная теория мотивации позволяет по-новому интерпретировать психологические механизмы и факторы зависимого поведения при разных типах аддикций.

Литература

1. **Братусь Б. С.** Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М.: Изд-во МГУ, 2009. 547 с.
2. **Грязнов А. Н.** Иерархия ценностей больных алкоголизмом // Неврологический вестник: журнал им. В. М. Бехтерева. 2005. Т. 37. № 3–4. С. 54–62.
3. **Егорченко С. П.** Процессы смыслообразования, мотивация и межличностная активность у наркозависимых // Медицинская психология. 2009. Т. 4. № 1. С. 31–34.
4. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
5. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.

6. **Пятницкая И. Н.** Общая и частная наркология: Руководство для врачей. М.: Медицина, 2008. 640 с.
7. **Рыжов Б. Н.** Системная психология (методология и методы психологического исследования). М.: Изд-во МГПУ, 1999. 277 с.
8. **Рыжов Б. Н.** Естественнонаучные и философские предпосылки развития системной психологии // Системная психология и социология. 2012. № 6 (1). С. 5–20.
9. **Рыжов Б. Н., Сенкевич Л. В., Моргалла С.** Самоактуализация или нравственность: опыт исследования мотивации Папского Григорианского университета // Культурно-историческая психология. 2013. № 2. С. 10–17.
10. **Рыжов Б. Н.** Системная психометрика напряженности // Системная психология и социология. 2013. № 7. С. 5–25.
11. **Сирота Н.А., Ялтонский В.М.** Мотивация в контексте первичной, вторичной, третичной профилактики наркозависимых // Наркология. 2002. № 8. С. 43–49.
12. **Спиноза Б.** Этика. М.: Азбука, 2015. 352 с.

References

1. **Bratus' B. S.** The Psychological Analysis of the Personality Changes in Alcoholism. M.: Publ. MGU, 2009. 547 p.
2. **Grjaznov A. N.** The Hierarchy of Values of Patients with Alcoholism // Neurological Messenger: The magazine Named by V. M. Behterev. 2005. Vol. 37. № 3–4. P. 54–62.
3. **Yegorchenko S. P.** The Processes of the Formation of Meaning, Motivation and Interpersonal Activity in Drug Addicts // Medical Psychology. 2009. Vol. 4. № 1. P. 31–34.
4. **Pyin E. P.** Motivation and Motives. SPb.: Peter, 2002. 512 p.
5. **Leont'ev A. N.** Activities. Consciousness. Personality. M.: Sense, Academy, 2005. 352 p.
6. **Pjatnickaja I. N.** General and Private Narcology: The guidelines for doctors. M.: Medicine, 2008. 640 p.
7. **Ryzhov B. N.** Systems Psychology (The Methodology and Methods of Psychological Research). M.: Publ. MCTTU, 1999. 277 p.
8. **Ryzhov B. N., Senkevich L. V., Morgalla S.** Self-Actualization or Morality: A Research on Motivation in Students of Pontifical Gregorian University // Cultural Historical Psychology. 2013. № 2. P. 10–17.
9. **Ryzhov B. N.** Natural-Science and Philosophical Preconditions of Development of Systems Psychology // Systems Psychology and Sociology. 2012. № 6 (1). P. 5–20.
10. **Ryzhov B. N.** System Psychometrics of Tension // Systems Psychology and Sociology. 2013. № 7. P. 5–25.
11. **Sirota N. A., Jaltonskij V. M.** The Motivation in the Context of Primary, Secondary, Tertiary Prevention of Drug Addicts // Narcology. 2002. № 8. P. 43–49.
12. **Spinoza B.** The Ethics. M.: Alphabet, 2015. 352 с.

КОГЕРЕНТНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТРАНГРЕССИИ НАРКОЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ

*Т. И. Бонкало,
РГСУ, Москва,
В. В. Ананикова,
МПГУ, Москва*

В статье раскрывается сущность нового методологического подхода к исследованию процессов приобщения личности к наркотикам и последующей реинтеграции наркозависимой личности в социум. Предлагаемый методологический подход синтезирует основные положения синергетического и социально-психологического подходов. В статье раскрывается психологическая природа наркозависимости с позиций трансгрессивной теории личности; определяются основные положения теории трансгрессии наркозависимой личности. В рамках нового подхода на основе эмпирических исследований планируется разработка социально-психологической концепции личностной трансгрессии наркозависимых, раскрывающей стадии формирования отношений деструкций наркозависимой личности в процессе постепенной ее трансформации под влиянием субкультуры наркоманов, освоение которой и является источником сложностей и трудностей возвращения наркозависимого к нормальной жизни и созидательной деятельности.

Ключевые слова: наркозависимость, трансгрессия, трансгрессивный процесс, синергетические механизмы, субкультура наркоманов.

COHERENT AND SYNERGETIC APPROACH TO THE STUDY OF DRUG-ADDICTED PERSONALITY TRANSGRESSION

*T. I. Bonkalo,
RSSU, Moscow,
V. V. Ananikova,
MSPU, Moscow*

The article reveals the essence of a new methodological approach to the study of the processes of initiation to drug culture, identity and the subsequent reintegration of drug-dependent person in society. The proposed methodological approach synthesizes the main provisions of the synergistic and socio-psychological approaches. The article deals with the psychological nature of the drug from the standpoint of transgressive personality theory; defines the basic tenets of the theory of transgression drug addicted person. In a new approach, based on empirical research, it is planned to develop the socio-psychological concept of personal transgression addicts, revealing the formation stage attitudinal destructions drug addicted person in the course of gradual its transformation under the influence of the drug subculture, the development of which is the source of complexities and difficulties of returning addict to normal life and creative activities.

Keywords: addiction, transgression transgressive process, synergistic mechanisms, drug subculture.

Введение

Проблемы наркозависимости, ее преодоления и профилактики не теряют своей актуальности не только вследствие все еще не уменьшающегося потока психоактивных веществ, фиксируемого в настоящее время на территории как нашей страны, так и за рубежом, но и в силу отсутствия в мировых психотерапевтических практиках действенных и эффективных технологий комплексной реабилитации наркозависимой личности, обеспечивающих ее успешную

реинтеграцию в социум и устойчивость ее позитивных личностных изменений.

В настоящее время общеизвестным и трудно скрываемым становится факт рецидивов употребления психоактивных веществ теми лицами, которые либо уже прошли полный курс медико-психолого-социальной реабилитации, либо еще находятся на стационарном лечении, что свидетельствует о недостаточной эффективности большинства разработанных мероприятий и программ по оказанию помощи наркозависимым и коррекции их аддиктивного поведения.

В связи с этим актуализируется задача поиска нового методологического подхода к исследованию закономерностей, механизмов и факторов формирования и развития зависимости личности от психоактивных веществ, обеспечивающего возможность раскрытия психологической сущности и структурно-динамических характеристик самого процесса приобщения личности к наркотикам и дальнейшего достижения ею запредельного состояния психики, причин развития стремления аддикта преодолеть социальные запреты и выйти тем самым за пределы психической нормы [14].

Результаты

Даже краткий обзор исследований, касающихся вопросов наркотической зависимости, позволяет говорить о том, что, во-первых, интерес к данной проблеме не ослабевает, а во-вторых — накопленный теоретический и эмпирический материал становится своеобразной теоретико-методологической базой исследования тех же проблем, только с позиций принципиально нового методологического подхода, способного отойти от традиционных линейных трактовок проблем наркозависимой личности и вывести современную науку на принципиально новый уровень обобщения, и тем самым найти эффективные способы воздействия на личность, зависимую от психоактивных веществ и подвергшуюся негативным последствиям их употребления.

Та методология психологической науки, которая сформировалась за последние сто лет, становится все более неадекватной реальностям глобальных изменений мира. Наблюдается существенное противоречие между традиционной методологией психологии, разрабатывавшейся на основе линейного мышления, линейной философии, и новыми ценностями общественного развития, раскрывающими сущность и смысл новой философии жизни. Попытки разрешить это противоречие привели к так называемому методологическому плюрализму.

Однако нельзя не согласиться с мнением О. К. Тихомирова, отмечающего, что «методологический плюрализм не должен рассма-

триваться как негативное явление» [15: с. 58]. В то же время методологический плюрализм не должен переходить в методологическую растерянность, в действия по принципу «все наоборот». А. В. Брушлинский характеризует такие действия следующим образом: «то, что раньше отвергалось, теперь лишь поэтому превозносится, а то, что считалось хорошим, ныне просто отбрасывается с порога» [4: с. 14–15].

Развитие и создание новой методологии, отвечающей современным запросам современной науки, — достаточно сложная задача, связанная еще и со спецификой предмета психологии.

Принцип системности (Б. Г. Ананьев, П. К. Анохин, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, А. А. Деркач, В. П. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, Б. Н. Рьжов, В. Д. Шадриков), предусматривающий, как известно, исследование объекта как совокупности взаимодействующих компонентов, требует изучения социально-психологических явлений в их зависимости от внутренне связанного целого, которое образуют отдельные компоненты, приобретая при этом присущие целому новые свойства [3; 4; 12].

Наиболее существенным признаком системы является ее целостность, а первое требование системного принципа заключается в том, чтобы рассматривать анализируемый объект как целое. Это означает наличие у объекта интегральных свойств, не сводимых к сумме свойств его элементов [9; 11].

Развитие общенаучной методологии исследования систем состоит в том, что установление новых общесистемных закономерностей на постнеклассическом этапе развития науки самым существенным образом определила теория самоорганизации. В связи с этим вполне оправданно охарактеризовать современный системный подход как системно-синергетический, который применительно к методологии социальной психологии может трактоваться как направленность исследовательской деятельности на выявление в социально-психологической реальности самоорганизующихся систем и использование синергетических принципов для раскрытия и описания закономерностей развития этих систем.

Синергетический подход (Н. Ю. Климонтович, С. Курдюмов, А. Маслоу, Н. Моисеев,

И. Пригожин, Г. Хакен и др.), возникший на стыке гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, обеспечивает переход исследования на более высокий уровень обобщения. Основным инструментом синергетического подхода является теория неравновесных подходов, описывающая механизмы самоорганизации сложных систем [3; 9].

Применение синергетического подхода позволяет, во-первых, исследовать процессы самоорганизации, устойчивости, распада и возрождения отношений как целостной самоорганизующейся системы связей и взаимосвязей субъектов деятельности, наметив тенденции ее развития и саморазвития. Синергетический подход позволяет также выявить в такой системе кооперативные и интегрированные явления, которые обеспечивают достижение синергетического эффекта [2].

Использование системного и синергетического подходов к исследованию проблемы аддиктивного поведения, и в частности проблем наркозависимой личности, позволит выявить закономерно существующие связи и взаимосвязи между психологическими и социально-психологическими явлениями, составляющими сущность самого процесса формирования зависимости и, соответственно, процесса ее преодоления.

По своей сути, речь идет о трансгрессивном процессе, что предполагает исследование феноменов трансгрессии, трансгрессивного акта и трансгрессивности как специфического свойства личности, отражающего его способность и готовность «шагнуть за пределы», «перешагнуть» дозволенное, переступить границу общепризнанного социально приемлемого поведения.

Трансгрессия в традиционном представлении и философском осмыслении — это феномен, обозначающий сам переход некой границы между возможным и невозможным, дозволенным и недозволенным. По словам М. Фуко, трансгрессия — это «... жест, который обращен на предел...» [1]. М. Бланшо рассматривает трансгрессию как «преодоление непреодолимого предела». Ж. Батай, анализируя феномен религиозного экстаза, отмечает, что по своей сути это не что иное, как трансгрессивный выход за пределы, феноменологическое проявление

трансгрессивного трансцензуса к Абсолюту [1].

Рассуждения о трансгрессивности как свойстве личности неизменно приводят к необходимости анализа ее сущностных характеристик. В той или иной степени, но в своем онтогенетическом развитии личность неизбежно сталкивается с осознаваемой, или плохо осознаваемой, или неосознанной ситуацией выбора между необходимостью принятия дихотомических онтологических позиций: либо занять позицию зарождения, совершенствования, либо разрушения, деградации [7; 13]. Такая ситуация выбора, как правило, разрешается с помощью трансгрессивных актов, детерминированных целым комплексом объективных и субъективных факторов.

Трансгрессия наркозависимой личности в этой связи может рассматриваться двояко: во-первых, приобщение к наркотикам как трансгрессивный переход в запредельный мир непознанного психического состояния и, во-вторых, трансгрессивный переход уже из того, познанного личностью, запредельного состояния психики, т. е. переход из не-реальности в область реальности.

И если в первом случае граница трансгрессии воспринимается в большей степени как субъективно достижимая и легко преодолимая в силу наличия у ее субъекта определенных когнитивно-ресурсных и эмоционально-волевых особенностей, сформированных в процессе социального развития специфических мотивов, стереотипов и социальных установок, то во втором — граница обратного трансгрессивного перехода воспринимается субъектом как практически непреодолимая, что обусловлено субъективным ощущением познанного и облегченного, когда даже угроза смерти не является доминирующим мотивом, детерминирующим стремление наркозависимой личности выйти за пределы познанного.

Когерентно-синергетический подход объясняет саму природу трансгрессионного акта, его нелинейность, когерентность, бинарность и синергичность.

Выход за пределы, осуществляемый в процессе трансгрессионного акта, является следствием отрицания прошлого и одновременно его продолжением.

Согласно основным положениям синергетического подхода движение любой открытой системы так или иначе зависит от ее предыстории — предшествующего опыта ее зарождения, функционирования и распада.

Так, И. Пригожин и И. Стенгерс приходят к выводу о том, что всё не умирает и не уничтожается, и в определенный момент развития, в точке своей бифуркации, «соединяются крайние предшествующие характеристики систем» [9].

М. Фуко в свое время отмечал, что в момент трансгрессивного перехода «на тончайшем изломе линии мелькает отблеск ее происхождения, возможно, и вся ее траектория или даже ее исток» [1].

По своей сути развитие системы в точке бифуркации и есть не что иное, как ее трансгрессивный переход от существующего к возникающему. Трансгрессия разрушает старую структуру системы и создает новую, однако из тех элементов, которые составляют систему, преобразуя при этом их реальное наполнение и содержание и, главным образом, характер их меж- и внутрисистемных связей и взаимосвязей.

Наркозависимость личности, исходя из вышеизложенного, является следствием ее разрушения и одновременно продолжением ее развития.

В традиционных психологических исследованиях, базирующихся на линейных методологических подходах, изучаются, как правило, индивидуально-психологические особенности наркозависимого, особенности когнитивной, мотивационно-потребностной, ценностно-смысловой, эмоционально-волевой структур его личности. Однако не берется во внимание тот факт, что личность наркозависимого со всеми ее особенностями — это новая система, прошедшая в своем развитии точку бифуркации и приобретшая новое свое содержание. Личность наркозависимого — это то новое, что возникло в результате ее трансгрессивных действий.

Для раскрытия психологической природы трансгрессивных действий, составляющих сущность процесса приобщения к наркотикам и тем психоактивным веществам, которые обуславливают выход личности за пределы познанной ею реальности, необходимы исследования, ориентированные на определение

субъективного восприятия самой границы, или того предела, которую личность преодолевает, совершая свой трансгрессивный акт.

И здесь возникает еще одна методологическая трудность, связанная как с отсутствием адекватного задачам психодиагностического инструментария, так и неопределенностью самой дефиниции понятия «граница».

Понятие «граница», исследованное психоаналитиками, как известно, является центральным понятием и в гештальт-терапии. Несмотря на различия в трактовке данного термина, он, в сущности, используется исследователями в основном для очерчивания психологического пространства личности (В. Бион, Д. Винникотт, М. Кляйн, Ф. Перлз, Ж. М. Робин, С. Фишер, З. Фрейд и др.).

В отечественной психологии исследованию психологических границ и психологического пространства личности посвящены работы М. А. Ишковой, С. К. Нартовой-Бочавер, В. В. Николаевой, Е. Т. Соколовой, А. Ш. Тхостова, В. А. Петровского и др.

И здесь необходимо отметить, что трактовка понятия «граница» приобретает и другое содержание.

М. А. Ишкова, например, рассматривает границу как движущий источник становления человека, как побуждение его к определенной активности [5]. Во многих психологических концепциях, и прежде всего в таких концепциях, как концепция индивидуальности А. Г. Асмолова, концепция субъекта деятельности К. А. Абульхановой-Славской, теория субъектогенеза А. С. Огнева, теория надситуативной активности В. А. Петровского, речь идет, по сути, о феномене «граница».

Весьма интересной представляется мысль о том, что переход некой границы, предела, который, по сути, и есть трансгрессивный акт, характерен как для творческой, так и для девиантно развивающейся личности. Так, В. Т. Кудрявцев, например, указывает на то, что развивающееся обучение есть не что иное, как «искусство создания предела» [6]. М. А. Ишкова высказывает предположение о том, что одним из доминирующих факторов социальной дезадаптации личности является «иррациональная тяга» переступить определенные ограничения [5]. Эта же мысль звучит и в ряде социологических исследова-

дований, где граница рассматривается как социальный фактор, обуславливающий особенности адаптации субъекта к новому, непознанному и неосмысленному [8].

К. Левин определяет границы как некий диапазон действий человека. Я. Козелецки как автор одной из теорий трансгрессии личности под границами понимает некие ограничения или барьеры, определяемые предметным полем активности человека. Отсюда и предложенные им понятия личной, интеллектуальной, социальной границ [16]. Открытым также остается вопрос и о психологической сущности понятия «граница», связанной с выявлением степени осознания ее самой личностью.

Иными словами, процессы зарождения, функционирования, расшатывания и распада личности как открытой системы — это и есть проблемное поле новых исследований, которые позволят раскрыть механизмы приобщения личности к наркотикам и условия ее эффективной реабилитации.

Помимо этого, исследование трансгрессии наркозависимой личности в рамках когерентно-синергетического подхода предполагает проведение комплексного социально-психологического исследования. И здесь необходимо уточнить, что когерентность предполагает исследование процессов взаимоналожения и взаимопроникновения самоорганизующихся и специально организованных процессов, что раскрывает сущность реабилитации наркозависимого [2].

Социально-психологическое направление комплексного исследования предполагает разработку инновационных реабилитационных и профилактических программ и технологий на основе нового подхода, принципиально отличающегося от традиционных социально-психологических подходов тем, что с целью определения индивидуальной траектории их реабилитации, ресурсно-резервной основы и курабельности наркозависимости, помимо учета личностных характеристик наркозависимых и особенностей социальной ситуации их развития до употребления наркотиков, основное внимание уделяется проблеме восстановления разрушенной системы их отношений с самим собой, с ближним окружением, с обществом и миром в целом.

В рамках когерентно-синергетического подхода на основе масштабных эмпирических исследований может быть разработана социально-психологическая концепция личностной трансгрессии наркозависимых, раскрывающая стадии формирования отношенческих деструкций наркомана в процессе постепенной трансформации его личности под влиянием субкультуры наркоманов, освоение которой и является источником сложностей и трудностей возвращения его к нормальной жизни и созидательной деятельности.

Разработка комплексных социально-психологических программ предполагает использование также основных идей концепции социально-психологического патернализма, разработанной Т. И. Бонкало [2].

Сущность концепции заключается в том, что система отношений, складывающихся между наркозависимым, его семьей или иным ближним окружением и специалистами реабилитационного центра, представляет собой некое единство, или полифункциональную общность, формирующуюся на основе потребностей ее субъектов в оказании и получении помощи и поддержке со стороны друга, что можно рассматривать как социально-психологический патернализм [2].

Целостное познание феномена социально-психологического патернализма как полифункциональной общности, создающей особое интегрированное пространство развития личности наркозависимого и созависимого, целесообразно осуществлять в рамках когерентно-синергетического подхода, в основе которого лежит исследовательская технология, базирующаяся на интеграции методологии социальной психологии и синергетики.

Синтезированный методологический подход позволяет рассматривать социально-психологический патернализм реабилитационного центра и семьи наркозависимого как систему отношений, обладающую свойствами системности, бинарности, когерентности и синергичности и развивающуюся во взаимонаправленности и взаимоналожении параллельно протекающих в ней сознательно организованных и самоорганизующихся процессов.

Основное положение разработанной концепции заключается в том, что оптимальные

патернальные отношения реабилитационного центра, наркозависимого и его семьи, обусловленные удовлетворенностью существенных потребностей их субъектов, создают особую социальную ситуацию развития личности самого больного и позволяют достичь синергетического эффекта, состоящего в формировании ориентировочной основы для восстановления нарушенных отношений с самим собой, социумом и миром в целом и для его дальнейшего саморазвития как трансгрессивной способности выйти за пределы существующих связей в реальности.

При этом патернальные отношения представляют собой систему многообразных стихийно формирующихся или сознательно организованных объективно складывающихся и субъективно воспринимающихся связей и взаимосвязей субъектов, опосредованных активностью их патернальных потребностей, под которыми понимаются субъективные потребности в получении помощи и поддержки со стороны значимого партнерского субъекта или в оказании такой помощи и поддержки другому субъекту. Те сферы отношений, где реализуются патернальные потребности их субъектов, определяются нами как функции патернализма, вследствие чего различаются оптимальные, нормально функционирующие и дисфункциональные патернальные отношения. Патернальные отношения между специалистами реабилитационного центра, наркозависимым и членами его семьи формируются, развиваются, проявляются и интегрируются в процессе деятельности реабилитационного центра, направленной на оказание помощи наркозависимому в его лечении, реабилитации и последующей успешной интеграции в общество [2].

Здесь уместно также говорить о подходе, который предполагает целостное исследование трансформации потребностно-мотивационной сферы личности наркозависимого в процессе употребления им наркотиков и усвоения наркотической субкультуры [12].

Раскрытие сущности и стадий процесса ассимиляции наркозависимого с субкультурой наркоманов, ведущего к разрушению его мотивационно-потребностной сферы, позволит выявить глубинные процессы формирования специфических социально-психологических

новообразований личности наркозависимого и определить критерии, показатели, индикаторы и уровни их сформированности.

Помимо известных физической и психической зависимости, упрощение мотивационных структур личности наркозависимого формирует субкультурную, или микросоциальную, зависимость, которая и будет являться центральным объектом социально-психологического исследования и психологического вмешательства.

Выводы

В результате обзорно-аналитического исследования были сделаны следующие выводы.

1. Психологическая сущность процесса формирования наркозависимости заключается в рассмотрении его как трансгрессивного акта, обусловленного предшествующим жизненным опытом личности, ее индивидуально-психологическими особенностями и спецификой социальной ситуации ее развития, создающей основу для ее личностных трансформаций и отношенческих деструкций.

2. Понимание и осмысление психологической сущности личностных трансформаций и отношенческих деструкций в процессе трансгрессивных актов формирования наркозависимости и ее последующего преодоления возможны на основе исследования трансгрессии наркозависимой личности.

3. Трансгрессия наркозависимой личности — это процесс разрушения сложившейся системы ее деструктивных отношений к себе, к другим людям и миру в целом, осуществляемый в результате взаимоналожения и взаимопроникновения самоорганизующихся и специально организованных процессов.

4. Исследование трансгрессии наркозависимой личности, ее закономерностей, механизмов, факторов и условий целесообразно осуществлять в рамках разработанного когерентно-синергетического подхода, согласно которому процесс перехода «через границы» и выхода личности за пределы своей психической реальности предстают как процессы зарождения, функционирования, расшатывания и распада системы лич-

ностных трансформаций и отношенческих деструкций.

Заключение

Когерентно-синергетический подход к исследованию трансгрессии наркозависимой личности предполагает организацию и проведение комплексного социально-психологического исследования, в котором с помощью как традиционных социально-психологических, так и специфических методов и методик (метод аксиоматического моделирования, расчета коэффициентов нелинейных связей и др.) будут выявлены закономерности и механизмы трансгрессивных процессов формирования психологической и субкультурной зависимости и последующего их преодоления личностью, находящейся в состоянии своего становления

и развития. Когерентно-синергетический подход реализуется через исследовательскую технологию, отражающую поэтапное исследование закономерности существующих связей и взаимосвязей системы личностных трансформаций и отношенческих деструкций на ее сверхсистемном, общесистемном и частносистемном уровнях. Когерентно-синергетический подход позволяет исследовать трансгрессию наркозависимой личности как целостную систему, обладающую свойствами системности (взаимосвязь ее компонентов), нелинейности (отсутствие линейности в ее развитии), бинарности (упорядоченности и одновременно хаотичности происходящих внутри системы процессов), когерентности (взаимоналожение самоорганизующихся и адекватных им специально организованных процессов) и синергичности (их взаимоусиление или взаимоослабление).

Литература

1. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю СПб.: Machina, 2002. 94 с.
2. Бонкало Т. И. Социально-психологический патернализм школы и семьи: теория, методология, практика: монография. Коломна: МГОСГИ, 2011. 349 с.
3. Бонкало Т. И. Тенденции и перспективы развития методологии социальной психологии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. № 2 (124). С. 20–24.
4. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994. 109 с.
5. Ишкова М. А. Феномен границы в детерминации активности ребенка: монография. Орск: Изд-во ОГТИ, 2006. 159 с.
6. Кудрявцев В. Т. Выбор и надситуативность в творческом процессе: опыт логико-психологического анализа проблемы // Психологический журнал. 1997. Т. 1. № 1. С. 16–30.
7. Мясичев В. Н. Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева. М.; Воронеж: Институт практической психологии: НПО МОДЕК, 1995. 356 с.
8. Петровский В. А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с. (Серия «Мастера психологии»).
11. Рыжов Б. Н. Системные основания психологии // Системная психология и социология. 2010. № 1 (1). С. 38–54.
12. Рыжов Б. Н. Естественнонаучные и философские предпосылки развития системной психологии // Системная психология и социология. 2012. № 6 (1). С. 5–20.
13. Сайко Э. В. Взаимодействие в социальном мире и специфика его действия // Мир психологии. 2008. № 1. С. 5–16.
14. Сенкевич Л. В. Содержательные характеристики экзистенциального кризиса у юношей с аддиктивным поведением // Российский научный журнал. 2013. № 2 (33). С. 178–184.
15. Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии: учеб. пособие для слушателей ФПК факультетов психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 87 с.
16. Koziolcki J. Psychotransgresjonizm. Nowy kierunek psychologii. Warszawa, 2001.

References

1. **Blanchot M.** Michel Foucault, as I Imagine it. SPb.: Machina, 2002. 94 c.
2. **Bonkalo T. I.** Socio-Psychological Paternalism Schools and Families: the Theory, Methodology, Practice: a Monograph. Kolomna: MGOSGI, 2011. 349 c.
3. **Bonkalo T. I.** Tendencies and Prospects of Development of the Methodology of Social Psychology // Scientific Notes of Russian State Social University. 2014. № 2 (124). P. 20–24.
4. **Brushlinskii A. V.** Problems of the Psychology of the Subject. M: IP RAN, 1994. 109 c.
5. **Ishkova M. A.** The Phenomenon of the Border in the Determination of the Child's Activity: a Monograph. Orsk: OGTI, 2006. 159 p.
6. **Kudryavtsev V. T.** Selection and Suprasituational in the Creative Process: the Experience of Logical and Psychological Analysis of the Problem // Psychological Magazine. 1997. T. 1. № 1. P. 16–30.
7. **Myasishev V. N.** Psychology Relations / by ed. A. A. Bodalev. M.; Voronezh: NPO MODEK, 1995. 356 c.
8. **Petrovsky V. A.** Man of the Situation. M.: Smysl, 2010. 559 c.
9. **Prigogine I., Stengers I.** Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature: trans. with Eng. / tot. ed. V. I. Arshinov, Ju. L. Klimontovich and Ju. V. Sachkova. M. : Progress, 1986. 432 p.
10. **Rubinstein S. L.** Fundamentals of General Psychology. SPb.: Peter, 2002. 720 c.
11. **Ryzhov B. N.** System Base Psychology // Systemic Psychology and Sociology. 2010. № 1 (1). P. 38–54.
12. **Ryzhov B. N.** Natural-Science and Philosophical Preconditions of Development of Systems Psychology // Systems Psychology and Sociology. 2012. № 6 (1). P. 5–20.
13. **Saiko E. V.** The Interaction in the Social World and the Specificity of its Actions // World of Psychology. 2008. № 1. P. 5–16.
14. **Senkevich L. V.** The Substantial Characteristics of Existential Crisis in Young People with Addictive Behavior // Russian Scientific Journal. 2013. № 2 (33). P. 178–184.
15. **Tikhomirov O. K.** Concepts and Principles of General Psychology. M.: MGU, 1992. 87 p.
16. **Kozielecki J.** Psychotransgresjonizm. A new direction of psychology. Warsaw, 2001.

МОДЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ, ПРИВОДЯЩИХ К КОНФЛИКТАМ

В. П. Шейнов,

Республиканский институт высшей школы,
Минск, Республика Беларусь

В статье показано, что процесс возникновения и развития конфликтов может быть описан посредством общей модели психологического воздействия. Дано теоретическое объяснение установленной ранее эмпирически закономерности эскалации конфликтогенов. Показано, что случайные конфликты возникают по общей модели психологического воздействия и по ней же могут быть предотвращены. Сконструирована модель психологического воздействия, приводящего к неслучайным конфликтам.

Ключевые слова: психологические воздействия, модели, конфликты, конфликтогены, формулы, закономерности.

PSYCHOLOGICAL INFLUENCE MODELS THAT CAUSE CONFLICTS

V. P. Sheinov,

Republican Institute of Higher Education,
Minsk, Belarus

The article shows how the process of initiation of a conflict can be described with the common model of psychological influence. It gives a theoretical explanation for the mechanism of conflictogene escalation which has been previously empirically established. The article also demonstrates that accidental conflicts appear based on the common model of psychological influence, and can be prevented based on it, too. The model of psychological influence which leads to a non-accidental conflict has been presented, too.

Keywords: psychological influence, model, conflicts, conflictogenes, formulas, mechanisms

Введение

В психологических воздействиях сконцентрированы принципиальные вопросы, связанные с управлением психическими явлениями. Проблема психологического воздействия выступает как стержневая, «результатирующая» проблема в психологии и одновременно как системообразующая категория, которая во многом определяет целевую перспективу (поиск законов управления психическими явлениями), прикладной потенциал и «лицо» психологической науки.

До настоящего времени исследования конфликтных взаимодействий происходили автономно, без концептуальной и содержательной связи с теоретическими результатами, полученными в процессе изучения психологических воздействий. Цель данной статьи — установить подобную связь.

Предпосылки исследования

Проведенный анализ определений понятия «конфликт» привел к выводу, что все возможные конфликты подпадают под следующее определение: *конфликт — это открытое столкновение, противоборство сторон, при котором хотя бы одна из них воспринимает действия другой как угрозу своим интересам* [5: с. 5–8].

Установлено, что конфликты делятся на два принципиально различающихся типа — случайные и неслучайные конфликты [5].

Основной признак неслучайных конфликтов — наличие *значимых противоречий* в отношениях между их участниками. Напротив, случайные конфликты характеризуются отсутствием значимых противоречий между конфликтующими. О принципиальных различиях случайных и неслучайных конфликтов свидетельствует также и то, что механизмы возникновения тех и других

принципиально отличны. Эти механизмы приведены ниже.

Решающую роль в возникновении случайных конфликтов играют конфликтогены и закономерность эскалации конфликтогенов.

Конфликтогены — это слова, действия (или бездействие, если требуется действие), могущие привести к конфликту [3: с. 12].

Эмпирически установлена следующая закономерность эскалации конфликтогенов: *На конфликтоген в наш адрес мы, как правило, отвечаем более сильным конфликтогеном* [3: с. 13]. Конфликтоген считается более сильным, если он может с большей вероятностью привести к конфликту.

Случайные конфликты являются результатом попеременного повторяющегося действия закономерности эскалации конфликтогенов в цепочке: *инициатор → адресат → инициатор → адресат → ...* и т. д. (рис. 1).

Второй основной тип конфликтов — *неслучайные конфликты*. Имеющиеся значимые противоречия между сторонами конфликта составляют основу *конфликтной ситуации*. Именно ее наличие является отличительным признаком неслучайных конфликтов.

Конфликтная ситуация — это накопившееся противоречие между сторонами как первопричина конфликта. Инцидент — действие или высказывание одной из сторон, воспринятый другой стороной как угрожающее ее интересам.

Психологические механизмы возникновения неслучайных конфликтов описываются двумя формулами.

Первая формула неслучайных конфликтов:

$$(1) \text{ Конфликтная ситуация + Инцидент } \longrightarrow \text{ Конфликт}$$

В отношениях между конфликтующими может иметь место не одна конфликтная ситуация, а несколько. В подобных случаях действует второй механизм возникновения неслучайных конфликтов, описываемый формулой (2):

$$(2) \text{ Наличие нескольких конфликтных ситуаций приводит к конфликту.}$$

Конфликтные ситуации предполагаются независимыми, не вытекающими одна из другой. Вторая формула дополняет первую формулу конфликта, при этом каждая из конфликтных ситуаций в своих проявлениях может играть роль инцидента.

Общая модель психологического воздействия. В монографии [4] теоретически обоснована и верифицирована модель, по которой осуществляются все известные виды психологических воздействий (рис. 2).

Функции, выполняемые блоками общей модели психологического воздействия (рис. 2):

– **вовлечение в контакт** — предъявление адресату информации, привлекающей его внимание и вызывающей соответствующую реакцию;

– **фоновые факторы** – влияние на характер реакции адресата состояния его сознания и функционального состояния и присущих ему автоматизмов, привычных сценариев поведения; влияние внешнего фона (например, доверия или недоверия к источнику информации, степени его привлекательности и т. п.);

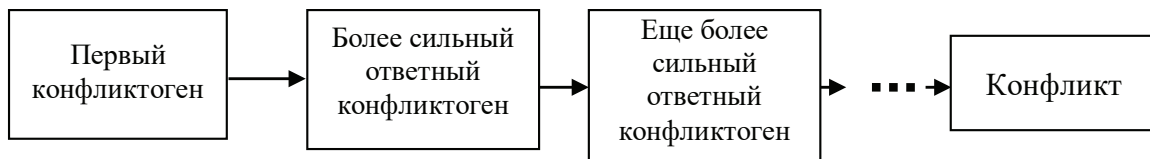

Рис. 1. Психологический механизм возникновения случайных конфликтов [3: с. 16].

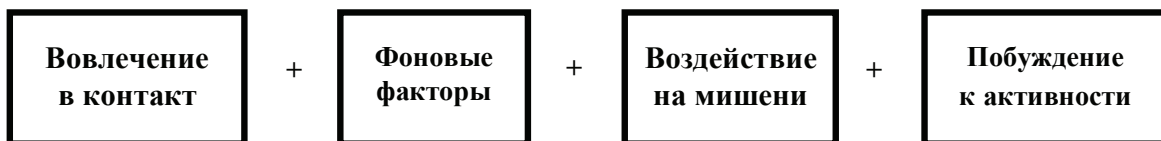

Рис. 2. Общая модель психологического воздействия [4]

– *мишени воздействия* — это источники мотивации адресата: его актуальные потребности и их проявления — интересы, склонности, желания, влечения, убеждения, идеалы, чувства, эмоции и т. п.;

– *побуждение к активности* — всё то, что стимулирует, подталкивает адресата к активности (принятие решения, совершение действия).

Покажем, что все приведенные выше результаты, касающиеся конфликтных взаимодействий, могут быть представлены как соответствующие реализации общей модели психологического воздействия.

Реализация модели психологического воздействия в случае эскалации конфликтогенов

Закономерность эскалации конфликтогенов была установлена автором эмпирически — обнаружена в процессе длительной практики изучения и разрешения конфликтов. Покажем, что указанная закономерность может быть теоретически объяснена с помощью общей модели психологического воздействия.

Действительно, первый конфликтоген со стороны инициатора осуществляет *вовлечение в контакт* адресата, вызывающий у того отрицательные эмоции (*фоновый фактор*). *Мишень воздействия* — угроза актуальным потребностям адресата. *Побуждение к активности* — желание защитить свои потребности, интересы, свой позитивный образ «Я». Результатом этой активности является ответный конфликтоген.

Таким образом, модель психологического воздействия объясняет, почему мы стремимся ответить конфликтогеном на конфликтоген.

Другое объяснение этого, а также закономерность нарастания силы ответных конфликтогенов вытекают из ряда теоретических и экспериментальных работ. Приведем соответствующие результаты и соображения.

В. Томас и Ф. Знанецки показали, что всякий человек *«реагирует только на свой опыт, но его опыт — это совсем не то, что может обнаружить объективный сторонний наблюдатель — это только то, что сам индивид там находит»* [12: с. 1846–1847]. Тем самым

указывается на то, что у человека возникает «личное восприятие ситуации». Поэтому эти авторы считают, что общий анализ ситуации должен учитывать два аспекта: как ситуация описывается объективным наблюдателем и как она воспринимается самой личностью.

Таким образом, человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но наделяет ее определенными свойствами, «доопределяет» ее, одновременно «определяя» себя в этой ситуации, тем самым фактически создавая, *«конструируя» новую реальность*. В силу принципа Томаса – Знанецки, если человек наделяет ситуацию некими свойствами, то независимо от ее реального содержания она становится таковой по своим последствиям.

Это означает, что если человек *воспринимает* конфликтоген как угрозу и/или оскорбление, то конфликтоген и становится для него угрозой и/или оскорблением.

Данный вывод подтверждается работой У. Клара и его коллег: если ситуация определяется как конфликтная, будут находиться доказательства, поддерживающие эту схему [10]. Дальнейшее представление о ситуации будет формироваться с учетом этого вывода, «подгоняться» под него.

Поэтому в своих действиях человек основывается именно на этом выводе и ведет себя соответствующим образом, т. е. следствием *«воспринятой ситуации»* становится *поведение*, которое человек строит в соответствии со своим определением сложившейся ситуации.

Возникшая при этом *установка влияет на восприятие* другого человека. «Если мы наделяем каких-то людей определенными чертами, то независимо от того, верны наши представления или нет, они будут влиять на наше поведение в отношении этих людей» [13: с. 63]. Наделяя другого статусом своего противника, мы и ведем себя с ним как с противником. Эта установка позволяет «увидеть» черты злонамеренности в данном человеке.

На основании приведенных рассуждений можно утверждать, что реакция на конфликтоген представляет собой следующий процесс: *конфликтоген → осознание угрозы → формирование «образа врага»*.

Имея перед собой «врага», человек начинает вести себя соответствующим образом:

он предпринимает активные действия, демонстрирует свою силу («не давать спуску», «на войне, как на войне»). Наделяя тем самым ситуацию конфликтностью, даже если таковая изначально отсутствовала.

При этом значительную (а чаще — решающую) роль *играют эмоции*. Эмоциональное реагирование не требует предварительного анализа. Простые реакции типа «нравится», «не нравится» или «угрожает», «оскорбляет» часто возникают прежде осознания или обдумывания происходящего [2: с. 116].

Согласно выводу Дж. Форгаса о том, что «люди реагируют на ситуации не столько в терминах объективных черт и описательных характеристик ситуации, но в терминах их чувств и эмоций по поводу события» [9: с. 171], они скорее «чувствуют», что это угроза, нежели «осознают» ее таковой.

Негативные установки и негативное восприятие являются следствием того, что каждая из сторон «чувствует» негативное отношение к ней другой стороны. Это вызывает раздражение и желание обеспечить себе защиту от повторения подобного. Отсюда — некая *избыточность ответной агрессии*.

Есть еще два фактора, способствующие формированию образа врага. Первый фактор: при ухудшении отношений вся вина практически всегда возлагается на другого [11]. Для этого есть две главные причины [7]. Одна — это своего рода *самозащита*, результат выгодных для себя искажений событий. Чем сильнее противостояние, тем большая доля вины приходится на его участников. Но самообвинения болезненны и по мере усиления взаимного недовольства становятся все более трудными для каждого участника противостояния. Поэтому всё возрастающая вина возлагается на оппонирующую сторону. Вторая причина связана с *восприятием* и является результатом различий между точками зрения действующего лица и объективного наблюдателя его действий [8]. Человеку психологически легче считать, что это он вынужден реагировать на провокационное поведение другой стороны, а не другая сторона реагирует на его провокационное действие. Ведь с точки зрения каждой стороны проще объяснить причины собственного поведения и труднее понять причины поведения другого. Поэтому по мере эскалации

и интенсификации противостояния каждая сторона находит все больше свидетельств того, что оно происходит не по ее вине.

Второй фактор, способствующий формированию образа врага, — *пристрастность* в ходе формирования образа «другого». В экспериментальном исследовании Н. В. Гришиной [1] установлено: из психологических составляющих образа «другого» лишь 24,0 % от общего числа имели позитивный или нейтральный характер, а 76 % содержат выраженные *негативные* оценки.

Эти (и другие) данные исследований демонстрируют значительную степень *пристрастности* в ходе формирования образа «другого» и отражают тенденцию к неуклонному возложению ответственности за ухудшившиеся отношения на этого «другого» и наделянию его отрицательными чертами. Такой подход к формированию образа оппонента приводит к обесцениванию позиции противника и усилению своей позиции [1]. Все перечисленное способствует формированию и закреплению образа врага.

Таким образом, в системе взаимодействий, возникающих при появлении конфликтотена, действует ряд механизмов *самоподкрепления*. Негативное восприятие и негативная установка, возникнув, имеют тенденцию поддерживаться одно другим: негативные убеждения служат оправданием негативным чувствам, а негативные чувства создают впечатление, что негативные убеждения справедливы.

В результате всего перечисленного происходит *самопроизвольное нарастание напряженности* в отношениях. Это и реализуется, в частности, в *нарастании силы ответных конфликтотенов*. Причем сила конфликтотенов нарастает стремительно: практика показывает, что обычно два-три ответных конфликтотена оппонентов приводят к конфликту между ними.

Итак, мы показали, что эскалация конфликтотенов осуществляется по общей модели психологического воздействия. Поскольку эскалация конфликтотенов составляет основной механизм возникновения случайных конфликтов, то тем самым установлено, что возникновение случайных конфликтов происходит в соответствии с указанной моделью.

Модели психологического воздействия и правила бесконфликтного поведения

Механизм возникновения случайных конфликтов (рис. 1) позволил [5: с. 138–140] вывести 5 правил бесконфликтного поведения (см. табл. 1).

Практика применения этих правил доказала их эффективность. Покажем, как правила бесконфликтного поведения реализуются в общей модели психологического воздействия. Содержание реализаций, представленных в таблице 1, объясняет эффективность этих правил.

Объединяя результаты этого и предыдущего разделов, приходим к следующему выводу: *случайные конфликты возникают и развиваются по общей модели психологического воздействия и по ней же могут быть предотвращены.*

Модель психологического воздействия, приводящего к неслучайному конфликту

Покажем, что каждая из конфликтующих сторон действует по общей модели психологического воздействия. Вот как выглядит эта модель в процессе возникновения и развития конфликта:

– *вовлечение в контакт*: поступление информации, затрагивающей одновременно интересы каждой стороны;

– *фоновые факторы*: наличие препятствий в виде непримиримой позиции и/или недружественных действий другой стороны;

– *мишень воздействия*: осознание исходящей от соперничающей стороны угрозы актуальным потребностям, интересам, желаниям;

– *побуждение к действию*: желание защитить свои интересы, усилить свою позицию и ослабить позицию соперника.

Вовлечение в контакт, фоновые факторы и мишень воздействия соответствуют *конфликтной ситуации* в формулах (1) и (2) неслучайных конфликтов, а побуждение к действию — *инциденту* в формуле (1).

Поскольку выигрыш одной стороны означает проигрыш другой, то на каждое действие одной стороны другая отвечает своими действиями с целью получить перевес в этой борьбе. В соответствии с закономерностью эскалации конфликтогенов (а конкретные действия являются конфликтогенами) эти действия приводят к развитию конфликта.

Таблица 1

Реализация правил бесконфликтного поведения посредством модели психологического воздействия

Правила бесконфликтного поведения	Общая модель психологического воздействия			
	Вовлечение	Фоновые факторы	Мишени воздействия	Побуждение
<i>Не употребляйте конфликтогены</i>	Отсутствие их способствует бесконфликтному общению	Благожелательная атмосфера общения	Потребность в безопасности и комфортном взаимодействии	Поведение партнера побуждает к бесконфликтному общению
<i>Не отвечайте конфликтогеном на конфликтоген</i>	Удивляет отсутствие реакции адресата	Нарушение ритма общения	Желание продолжить общение	Выяснить причину отсутствия реакции
<i>Проявите эмпатию к «обидчику»</i>	Привлекает внимание	Чувство благодарности за желание понять	Потребность в уважении	Снизить агрессивный настрой
<i>Проявляйте благожелательность к окружающим</i>	Эти проявления привлекают внимание и запоминаются	Чувство благодарности за эти проявления	Потребность в положительных эмоциях, уважении и признании	Впредь более терпимо относиться к этому человеку
<i>При необходимости делайте упреждающие разъяснения</i>	Актуальность сообщаемой информации	Чувство благодарности за возможность избежать «потери лица»	Потребность оппонента в поддержании положительного его Я-образа	Использовать полученную информацию для «сохранения лица»

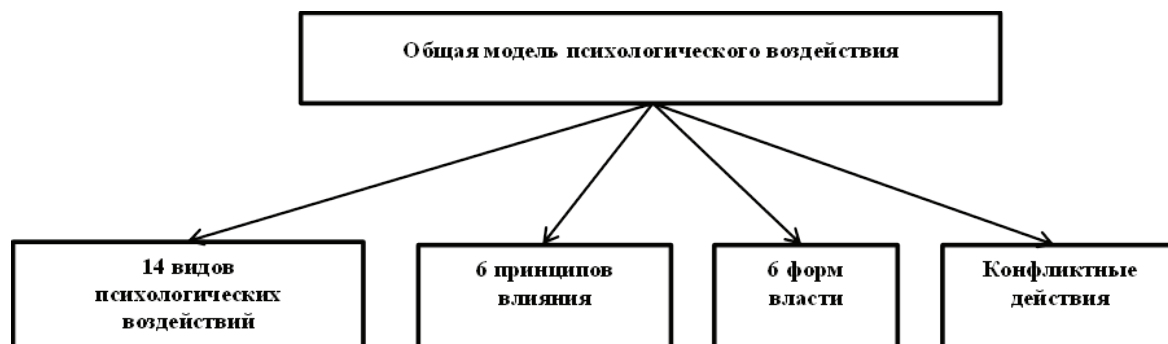

Рис. 3. Иерархия моделей психологических воздействий

Системообразующая функция общей модели психологического воздействия

Ранее установлено [6], что известные формы власти и принципы влияния являются конкретными реализациями общей модели психологического воздействия, которая описывает все 14 видов психологических воздействий [4]. Тем самым показано, что общая модель психологического воздействия содержит в себе в качестве соответствующих реализаций и воздействия и формы власти, и принципы влияния.

Полученные в данной статье результаты свидетельствуют о том, что и процесс возникновения конфликтов, и процесс их развития описываются посредством общей модели психологического воздействия. Объединяя все указанные результаты, можно утверждать, что общая модель психологического воздействия позволяет привести в систему такие разнородные понятия, как всевозможные психологические воздействия, власть, влияние и конфликтные действия. Соответствующая иерархия представлена на рисунке 3.

Выводы

1. Представлено описание процесса возникновения и развития конфликтов посредством общей модели психологического воздействия.
2. Дано теоретическое объяснение закономерности эскалации конфликтогенов, установленной ранее эмпирически.
3. Случайные конфликты возникают по общей модели психологического воздействия и по ней же могут быть предотвращены.
4. Сконструирована модель психологического воздействия, приводящего к неслучайному конфликту.
5. Построена иерархия моделей психологических воздействий.

Заключение

Приведенные результаты свидетельствуют о существовании концептуальной и содержательной связи результатов изучения конфликтов с теоретическими результатами, полученными независимо от психологических воздействий. Более того, можно заключить, что общая модель психологического воздействия играет в определенном смысле системообразующую роль.

Литература

1. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2005. 464 с. (Серия «Мастера психологии»).
2. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997. 688 с. (Серия «Мастера психологии»).
3. Шейнов В. П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. Минск: Амалфея, 1996. 288 с.
4. Шейнов В. П. Психологическое влияние. Минск: Харвест, 2007. 638 с.
5. Шейнов В. П. Управление конфликтами: теория и практика. Минск: Харвест, 2010. 912 с.

6. **Шейнов В. П.** Принципы влияния и формы власти как реализация модели психологического воздействия // Системная психология и социология. 2012. № 5 (1). С. 121–126.
7. **Brehm S. S.** *Intimate Relationships* (2nd ed.). N. Y.: McGraw-Hill, 1992.
8. **Fiske S. T., Taylor S.** *Social Cognition* (2nd ed.). N. Y.: McGraw-Hill, 1991.
9. **Forgas J.** Affective and Emotional Influences on Episode Representations // *Social Cognition* / ed. by J. Forgas. London, 1981. P. 165–180.
10. **Klar Y., Bar-Tat D., Kruglanski A.** Conflict as a Cognitive Schema: Toward a Social Cognitive Analysis of Conflict and Conflict Termination // *The Social Psychology of Intergroup Conflict. Theory, Research and Applications* / ed. by W. Stroebe a. o. Berlin, 1988. P. 73–85.
11. **Sillars A. L.** Attributions and interpersonal conflict resolution. In J. H. Harvey, W. J. Ickes, & R. F. Kidd (Eds.), *New directions in attribution research* (Vol. 3, pp. 279–305). Hillsdale – N. Y.: Erlbaum, 1981.
12. **Thomas W., Znaniecki F.** *The Polish Peasant in Europe and America*. N. Y.: Dover, 1958. Vol. 1–2.
13. **Vander Zanden J.** *Social Psychology*. N. Y., 1987.

References

1. **Grishina N. V.** *Psychology of Conflict*. SPb.: Piter, 2005. 464 p.
2. **Myers D.** *Social Psychology*. SPb.: Piter, 1997. 688 p.
3. **Sheinov V. P.** *Conflicts in Our Life and Their Resolution*. Minsk: Amalfea, 1996. 288 p.
4. **Sheinov V. P.** *Psychological Influence*. Minsk: Harvest, 2007. 638 p.
5. **Sheinov V. P.** *Managing Conflicts: theory and practice*. Minsk: Harvest, 2010. 912 p.
6. **Sheinov V. P.** Principles of influence and forms of power as implementation of the psychological influence model // *Systems psychology and sociology*. 2012. № 5 (1). P. 121–126.
7. **Brehm S. S.** *Intimate relationships* (2nd ed.). N. Y.: McGraw-Hill, 1992.
8. **Fiske S. T., Taylor S.** *Social Cognition* (2nd ed.). N. Y.: McGraw-Hill, 1991.
9. **Forgas J.** Affective and Emotional Influences on Episode Representations // *Social Cognition* / ed. by J. Forgas. London, 1981. P. 165–180.
10. **Klar Y., Bar-Tat D., Kruglanski A.** Conflict as a Cognitive Schema: Toward a Social Cognitive Analysis of Conflict and Conflict Termination // *The Social Psychology of Intergroup Conflict. Theory, Research and Applications* / ed. by W. Stroebe a. o. Berlin, 1988. P. 73–85.
11. **Sillars A. L.** Attributions and interpersonal conflict resolution. In J. H. Harvey, W. J. Ickes, & R. F. Kidd (Eds.), *New directions in attribution research* (Vol. 3, pp. 279–305). Hillsdale – N. Y.: Erlbaum, 1981.
12. **Thomas W., Znaniecki F.** *The Polish Peasant in Europe and America*. N. Y.: Dover, 1958. Vol. 1–2.
13. **Vander Zanden J.** *Social Psychology*. N. Y., 1987.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА. Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск

В статье рассматриваются ведущие идеи видного деятеля российского просветительства Д. В. Веневитинова, внесшего существенный вклад в развитие отечественной психологической мысли в начале XIX столетия. В статье используются историко-психологическая реконструкция и психологическая интерпретация его представлений о человеке и человеческой природе, борьбе, а также тех принципов, которые позволили просветителю описывать психологические феномены.

Ключевые слова: нравственная психология, человеческая природа, система психологических понятий, человек борющийся, разумность, добродетельность.

PSYCHOLOGICAL IDEA IN RUSSIA BEGINNING OF XIX CENTURY. D. V. VENEVITINOV

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk

The article deals with the idea of leading a prominent figure in the Russian enlightenment D. V. Venevitinov, who has made a significant contribution to the development of Russian psychological thought at the beginning of the XIX century. The article uses the historical-psychological reconstruction and psychological interpretation of his ideas about man and human nature, the struggle and the principles that have allowed educator to describe the psychological phenomena.

Keywords: moral psychology, human nature, the system of psychological concepts, people fighting, intelligence, righteousness.

Введение

Становление отечественной психологической мысли в начале XIX столетия в полной мере отразило особенности «национального исторического пути» и предстало как отдельная и весьма оригинальная часть развития мировой психологической науки [24: с. 164]. Россия конца XVIII – начала XIX вв. пережила бум политических и философских идей, пришедших из Западной Европы, отринув при этом часть из них. Праздновала победу над наполеоновской Францией, ощутила подъем национального самосознания «народа-победителя» и глубокое разочарование из-за нерешенности «векового крестьянского вопроса», ставшего серьезным барьером на пути прогресса и процветания. Сформировавшийся круг интеллигентов-дворян попытался

воздействовать на правительство в ситуации смены монархов, но восстание 14 декабря 1825 г. было жестоко подавлено. Однако взгляды, вобравшие в себя лучшее в отечественной и зарубежной философско-психологической мысли, развиваемые в этом круге интеллигентов, остались в фокусе внимания российских мыслителей, у которых художественные образы часто выполняют функцию философско-психологических категорий, а метафоры и аллегории — терминов, что позволяет, учитывая это, реконструировать и психологически интерпретировать их сочинения, ставшие нашим философско-публицистическим и литературным наследием.

Глубокий интерес к философско-психологической проблематике в самом начале XIX в. способствовал объединению университетски образованных молодых людей, ищущих себя

и направляющихся путем «любомудрия» к осознанию смыслов человеческого бытия. Они были философами, поэтами и литераторами, при этом живо интересовались всем новым, творчески осмысливая саму действительность. Среди таких молодых искателей выделяется феноменальная личность Д. В. Веневитинова, ставшего своего рода легендой отечественной философско-психологической мысли.

Д. В. Веневитинов: краткие вехи биографии

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827) — поэт, философ и психолог. Писатель и мыслитель Н. Г. Чернышевский называет его «энергичным юношей, талант и ум которого определили и эпоху, и самые лета его» [31: с. 925]. А. И. Герцен вводит имя Веневитинова — «правдивую, поэтическую душу» [10: с. 206] — в один ряд приверженцев революционно настроенных мыслителей. Веневитинов у Герцена — «юноша полный мечтаний и идей» [10: с. 223], который оказывается в течение, формирующем представления о философско-психологическом понимании природы человека и его борьбы в XIX столетии. Критик, литературовед и философствующий психолог В. Г. Белинский переживает «целую эволюцию» своего отношения к «теоретической» прозе и «мыслящим статьям» Веневитинова от восторженности до зрелых оценок, отметит философскую направленность его произведений и «самостоятельную силу развития» [2: с. 52]. Философ И. В. Киреевский «увидит» Веневитинова «создателем» отечественной философии, «философом, проникнутым откровением своего века» [14: с. 118].

«Лирический поэт с редкими дарованиями» (В. Г. Белинский) Веневитинов уже в двенадцать лет перевел трагедию Эсхила «Прометей», которая может быть определена как источник-метафора, содержащая идею борьбы человека в познании мира. «Прометеев огонь» сопровождает стремящегося к познаниям юношу всю жизнь, определяет мировоззрение юного мыслителя. Обучаясь в университете, Веневитинов, чьи «познания были

столь же основательны, сколько и разносторонни» (П. А. Плетнев) [8: с. 366], серьезно подходит к курсу философии, изучает всеобщую и отечественную историю, право, языки, точные дисциплины, успешно сдает выпускные экзамены [29: с. 9]. Он с «жаром принялся за ту науку, которой цель есть познание нас самих и которая, стремясь все привести к единству, имеет ныне видное влияние на все отрасли знания. С тех пор его предметом размышлений было его собственное чувство. Проверять, распознавать его было главным занятием его рассудка» [6: с. IV, V]. Наставником Веневитинова был известный профессор И. Е. Дядьковский, «один из самых крупных, самых значительных философов» того времени, считавший, что под «душевыми способностями» человека («память», «рассудок», «воля», «воображение») необходимо понимать «реальные психические процессы, неразрывно связанные с нервной деятельностью» [14: с. 66; 32: с. 11]. Считается, что Дядьковский «своим учением дал сильный толчок развитию материалистической психологической мысли в России» [33: с. 335]. И хотя сам Дядьковский ратовал за укрепление естественнонаучных основ русской психологии, придерживаясь традиций, касающихся познаваемости мира с опорой на практический опыт и чувства человека, идущих от М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева, он тем не менее не смог убедить своего воспитанника в перспективности собственного пути. Веневитинова интересовала тайна самопознания, и как он напишет в одном из своих писем к дружившему с ним со времен обучения в университете А. И. Кошелеву, поиск «гармонии между миром и человеком (между идеальным и реальным)», которая «должна быть *началом* всего» [8: с. 301]. Несмотря ни на что, философ Дядьковский переписывался и постоянно поддерживал связь с Веневитиновым до последних дней его жизни.

В двадцать лет Веневитинов готовится к деятельности в Южном обществе декабристов и с этой целью систематически занимается фехтованием и соответствующими тому времени приемами ведения боя и борьбы, а также верховой ездой. «Юношеская кровь» требует активных действий, а серд-

це — «дружества» и соучастия в «великом деле». Близость идей Веневитинова декабризму отмечают многие исследователи его творчества [11: с. 192; 14: с. 96; 102–105; 26: с. 41; 28; 29: с. 42]. У Веневитинова к двадцати двум годам уже сформировался круг философско-психологических идей, актуальных среди интеллигентов-аристократов. «У него мысли не перепутываются, а развиваются друг из друга стройно» [19]. В период с 1824 по 1827 гг. он создает основные свои сочинения. В 1825 г. Веневитинов достигает вершины творчества, своего рода «акме» в рефлексии, написав философские письма. Веневитинов также автор ряда глубоких лирических, публицистических, философско-психологических работ, один из основателей первого в России XIX в. научного кружка («любомудров»). Он — практически идеарх, формирующий «общий поток идей», ставший значимым для отечественной психологической мысли, касающейся человека, его природы и отношений с миром.

Личность Веневитинова, его страстное стремление к философским истинам раскрывается в письмах к друзьям и близким, являющихся историческими документами [8: с. 275–344]. В этих письмах Веневитинов часто поднимает философско-психологические вопросы, дополняет аргументами положения, предложенные им ранее к обсуждению в ходе личного общения со своими друзьями, становящимися на период разлук его адресатами. Так, например, Веневитинов, обращаясь в письме к Кошелеву, пытается определить цель «всякого познания», которая «есть гармония между миром и человеком (между идеальным и реальным)», и поэтому она «должна быть *началом* (выделено автором. — Д. И.) всего» [8: с. 301]. Решение такой существенной проблемы, как поиск гармонии, было значимо для мыслителя, поскольку в ней (гармонии) он видел саму идею объединения телесного, духовного и душевного в человеке. К Кошелеву Веневитинов обращается, уверенный в том, что «древо истинного познания» пустило в его рассудке «глубокие корни» [8: с. 300], он видит в своем друге понимающего и готового к отклику мыслящего в «родственном ключе» собеседника. При этом желает искреннего «выражения своего убежде-

ния» от адресата, которому пишет «с удовольствием» [8: с. 302].

Переписка и живое общение Веневитинова находили отклик у присутствующих наблюдателей. Так, например, относительно общения Веневитинова с Кошелевым их общий друг А. С. Норов в письме к последнему спрашивает: «Скажи мне, началась ли у тебя переписка с Веневитиновым? Как люблю я вспоминать наши зимние вечера по субботам! Скажу чистосердечно, этими беседами я много приобрел, — более, нежели книгами или собственным размышлением. Всего интереснее для меня были твои жаркие диссертации с Веневитиновым. Физиономии одушевлены были энтузиазмом. Ты спорил чистосердечно, с жаром делал возражения, но с радостью и соглашался» [8: с. 366]. Заметим, что даже у слушателей «жарких диссертаций» создавалось ощущение принадлежности к «пропиляем» тех проблем, до которых сложно было «добраться путем собственных размышлений», без соответствующего направления со стороны молодых философов, руководствовавшихся в своих поисках живым познанием и самостоятельной рефлексией.

Письма Веневитинова были полны энергии и стремления к познанию. Однако надрыв здоровья, случившийся после подавления декабрьского восстания 1825 г., грубый допрос о причастности к восставшим, общее разочарование в жизни, сильная простуда стали причиной преждевременного окончания жизненного пути этого «молодого, но зрелого» мыслителя.

Так, в письме (7 марта 1827 г.) к другому своему другу — М. П. Погодину — он признается, что «здоровьем плох». И отмечает главное: «Пламя вдохновения погасло. Зажжется ли его светильник?» [8: с. 343]. В тексте этого исторического документа проступает экзистенциальная пустота, ставшая столь губительной для молодого мыслителя. И хотя в этом письме Веневитинов еще строит планы на будущее (говорит о желаемой поездке в Персию), но им не дано было осуществиться. Позже Герцен поставит в упрек николаевскому обществу то, что «оно подвело» молодого философа, подающего большие надежды, к краю бытия. Дух исторического

времени, патовая ситуация для российской интеллигенции после разгрома декабрьского восстания, понимание безысходности при желании активно участвовать в «социальном действии» и бороться, могли вызвать ряд сложных переживаний у Веневитинова и способствовать его крайне критической переоценке смысла своего бытия.

Среди многочисленных воспоминаний о Веневитинове и определений его творческого потенциала можно выделить следующее: «Веневитинов был человек, какие встречаются редко. Он соединял в себе способности поэта-художника с умом философа. Необыкновенная натура его развилась рано при благоприятных обстоятельствах. Счастливый выбор наставников, избранное общество, довольство в жизни — все способствовало тому, что в двадцать лет он был уже более образованным человеком — он был художник и мыслитель» (К. А. Полевой) [8: с. 368]. Гениальность и душевность Веневитинова при его высоких нравственных качествах («добродетелях») способствовали формированию у близко его знавших чувства любви как архетипического проявления отношения к образу юной и прекрасной борющейся души, столь востребованной в русском обществе начала XIX столетия. Можно сказать, что Веневитинов воплощал в себе идеал калокагатии, воспринятый отечественной психологической мыслью еще на заре своего становления вместе с наследием античной философии.

Веневитинов прожил короткую, но очень яркую жизнь. Если начать поиск некоей аналогии среди европейских идеархических личностей с подобной уникальностью склада ума, который был у Веневитинова, то мысленно мы приходим к столь уважаемым им немецким философам, среди которых его современник — доктор философии, историк, психолог, поэт и сказочник-романтик Вильгельм Гауф (1802–1827), также проживший мало лет, но оставивший после себя серьезное творческое наследие. Здесь можно лишь заметить, что психологическая зрелость личности, ее творческие возможности и время земной жизни не всегда соразмерны друг другу. Даже краткий жизненный путь — «век соловья и розы» (А. А. Дельвиг) [3: с. 247] — может вместить

высокий творческий полет мысли и одухотворенность личностных ожиданий. История отечественной и мировой психологической мысли имеют подобного рода примеры, когда, несмотря на возраст, философски мыслящие юные дарования, внесшие свой вклад в ее развитие, заставляют говорить о себе спустя столетия.

Философско-эстетическое, литературно-критическое и поэтическое наследие Веневитинова ранее уже подлежало рассмотрению в истории науки (Д. Д. Благой, Г. Н. Веневитинов, И. И. Грибушин, З. А. Каменский, Е. А. Маймин, В. Д. Морозов, В. В. Никулина, Б. В. Смиренский, Л. А. Тартаковская и др.) [3: с. 235–274; 4; 5; 11; 14, с. 64–139; 15: с. 23–51; 18; 20; 26; 28; 29]. Однако при этом не принимались в расчет психологические идеи и взгляды, также составляющие его наследие. Между тем исходя из его философских и критических работ, статей, трактатов, лирических произведений, благодаря историко-психологической реконструкции и психологической интерпретации можно воссоздать ряд психологических теорий и размышлений о человеке, его природе, борьбе, что позволяет отнести Веневитинова к философствующим психологам начала XIX столетия, пусть даже с некоторыми условными допущениями.

Круг общения Д. В. Веневитинова — «любомудры»: поиск нравственных основ психологической мысли

Примечательным для России стал образованный в Москве в 1823 г. молодыми искателями истины, мечтателями, начинающими философами В. Ф. Одоевским и Д. В. Веневитиновым кружок «любомудров». Его основатели стали и главными идеологами отечественного «любомудрия» в начале XIX столетия. Один из членов кружка — любомудр А. И. Кошелев — вспоминал, что Одоевский «председательствовал, а Дм. Веневитинов всего более говорил, и своими речами часто приводил нас в восторг» [8: с. 365]. Важно заметить, что «любомудрие» — известный концепт философско-психологических размышлений русских просветителей А. П. Сума-

рокова, А. Н. Радищева, И. М. Кандорского, И. А. Крылова, чей авторитет был высок среди мыслящей молодежи того времени [13: с. 81–82]. Кроме того, «старинный» термин «любомудрие» и близкие к нему по значению понятия использовались еще в отечественной патристике и в психологической мысли Древней Руси. «Любомудрие, объемлющее целого человека, касающееся всех сторон природы его — еще более может освободить дух от ограниченности одностороннего образования и возвысить его в области всеобщаго, независимого» [16: с. 76]. «Любомудрие» как философское течение «было представлено социально дифференцированным кружком», «в чем-то близких и в то же время разных и по степени зрелости общественного самосознания, и по социальному происхождению» [29: с. 11] людей с русской ментальностью, поэтому термин был им понятен. Сами организаторы кружка (В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов) и кружковцы (И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. М. Рожалин, В. П. Титов, С. П. Шевырев, Н. А. Мельгунов), а также тяготеющие к ним М. П. Погодин, А. С. Хомяков и «идейный друг» В. К. Кюхельбекер настаивали на том, что выбранные ими термины «любомудрие» и «любомудры» должны выгодно подчеркнуть отличие их рефлексии от французской философии XVIII в. («мы для отличия и называем истинных философов — любомудрами» [17: с. 163]). Кружковцы отметили в своем печатном органе — журнале «Мнемозина» (1824–1825), — который издавали председатель собраний В. Ф. Одоевский с В. К. Кюхельбекером, назревшую необходимость: «...положить пределы нашему пристрастию к французским теоретикам» [17: с. 223]. «Мнемозина» ориентировала «известный круг читателей на те идеи, которыми руководствовались декабристы и солидарные с ними любомудры» [27: с. 23]. Задачами кружка стали борьба с французской философией, которую любомудры посчитали причастной к падению отечественных нравов, а также пересмотр оснований нравственных представлений о человеке и его природе. Фактически речь зашла о развитии нравственной психологии, столь ценимой всегда среди отечественных интеллигентов-мыслителей.

Любомудры, интересовавшиеся многими учениями (Б. Спиноза, К. А. Гельвеций, И. Кант, И. Г. Фихте, Л. Окен, Й. Гёррес и др.), ставили, однако, в центр своих изысканий и творческих экспериментов немецкую философско-психологическую мысль, прежде всего теорию Ф. В. Й. Шеллинга, размышлявшего о возвеличивающей роли субъекта, его сознания в ходе обустройства собственной жизни, самоутверждения и борьбы. Председательствующий в кружке Одоевский скажет о Шеллинге: «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Колумб в XV: он открыл человеку неизвестную часть его мира, о которой существовали только какие-то баснословные предания, — *его душу!* ...он дал новое направление деятельности человека!» [21: с. 41] Самого Шеллинга, читавшие его произведения последователи, считали поэтом, поэтической была и созданная им картина мира, где дух природы лишь внешне противостоит душе, но «взятый сам по себе, он является орудием ее откровения» [15: с. 18]. Немецкая философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком малопонятным для непосвященных, но искавших путь к «пропиляем» мысли, их влияние было благотворно и час от часу становилось «более ощутительно» (А. С. Пушкин). Многие из любомудров (Одоевский, Титов, Мельгунов, Погодин, Киреевский, Шевырев) будут лично знакомы с Шеллингом, прослушают курс читаемых им лекций [27: с. 28–29]. Кроме того, любомудры оставались в русле традиций «философского века» (А. С. Пушкин), продолжая «просветительскую линию», идущую от А. Д. Кантемира, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, Я. Б. Княжнина, А. Н. Радищева, стремившихся к улучшению человеческого естества, природы, желавших видеть человека счастливым.

Участники заседаний кружка были молоды («...собрались ребята теплые, упрямые» (А. С. Пушкин)), происходили из знатных и богатых семей. В истории их будут называть еще «архивными юношами», поскольку они считали необходимым для себя служить на благо России, а именно были направлены

в архив Коллегии иностранных дел, готовясь стать дипломатами [9: с. 160–161; 4; 5: с. 4]. «Архив прослыл сборищем блестящей московской молодежи, и звание “архивного юноши” сделалось весьма почетным, — вспоминал затем Кошелев» [8: с. 362]. «Архивные юноши» стали своего рода идеалом прогрессивной интеллигенции, поднявшей на уровень борьбы с обыденностью и заурядностью существовавших идей коснеющего александровского общества. Идеинная жизнь самого кружка складывалась в ходе совместных обсуждений докладов, среди которых часто выделялись сообщения Веневитинова, а также из бесед и постоянно возникающих дискуссий, проходивших далеко за полночь, публикаций в «Мневозине», «Московском вестнике» («любимом детище Веневитинова» [15: с. 15]) и др. «Этим беседам, — напишет член кружка Кошелев, — мы обязаны весьма многим как в научном, так и в нравственном отношении» [8: с. 360]. Любомудры стремились выработать собственные суждения об известных им учениях и философских системах, их авторах, пытались обобщенно представить их широкому кругу читателей своей «Мневозины» — «...сколько новых сокровищ ожидают человека!» [17: с. 192]. Идеи, характерные для любомудров, начатый ими поиск нравственных основ психологии потом еще долго «разрабатывались» членами кружка и примыкавшими к ним лицами, несмотря на его закрытие в декабре 1825 г. в связи с последовавшими событиями после «декабрьского восстания» [14: с. 10].

Любомудры помимо того, что сделали публичным достоянием творческое наследие Веневитинова, сыграли в российской истории психологической мысли важную роль: адаптировали новейшие учения и философские системы своего времени, определив в качестве ведущего шеллингианство («русское шеллингианство»); обнаружили стремление к раскрытию внутреннего мира индивида; сформировали гнозис борьбы и нравственные представления о человеке борющемся в начале XIX в. Наивные и не по-юношески мудрые «архивные юноши» [5: с. 4], романтики своего времени, они оказали влияние на психологию уже тем, что заявили о необходимости «быть науке» об истинных причинах и

внутренних побуждениях человека, его отношений с обществом себе подобных и миром. В расчет принималась и человеческая борьба, способствующая становлению личности и преобразованию общества. Последнее отвечало не только запросам времени, но и продолжало развивать общую канву отечественной психологической рефлексии. Вернувшись сейчас к идеям любомудров, мы можем, по крайней мере, обнаружить, что значимые для них проблемы поднимаются в наши дни теоретической, гуманитарной, нравственной, христианской психологией, «возвращающейся к человеку» [22: с. 67–91]. Кроме того, любомудры способствовали становлению «предыстории» психологии познания, психологии личности и психологии жизни в отечественной науке.

Первый в истории России XIX в. кружок любомудров послужил своеобразным эталоном для развивающейся психологической мысли всего последующего столетия, и прежде всего нравственной психологии, воплотившейся затем отчасти в «духовно-нравственном направлении» отечественной психологической мысли (в конце XIX – начале XX столетий), заслуживающем своего тщательного исследования [1: с. 160–195].

Д. В. Веневитинов: у человека есть чувство жизни и силы для борьбы

Секретарь собраний любомудров Веневитинов открыто делился с присутствовавшими на заседаниях кружковцами своими творческими планами и идеями, много выступая и иницилируя дискуссии. «Дмитрий Веневитинов был любимцем, сокровищем всего нашего кружка. Все мы любили его горячо, один другого больше» (М. П. Погодин) [8: с. 366].

В текстах Веневитинова отражаются проблемы, ведущие образы, стиль эпохи, ценные аллегорические сравнения, метафорический язык и, что особенно важно, — смыслопоиски, характерные для отечественной психологической мысли. Созданные им «тексты», призванные обеспечить трансляцию ментальных моделей, способствовали также переакцентированию

смыслов и созиданию новаций в описании психической реальности человека. Для «истории психологической мысли» (а мы используем здесь этот термин в контексте идей Б. Н. Рыжова [24]) в этих текстах представлено многое из того, что может «затронуть» заинтересованная в новациях эпоха: проблемы человека, его души и борьбы, отношений с вечным, социальным и духовным мирами, гармонии «между идеальным и реальным».

В 1824 г. Веневитинов, очарованный учением Платона, являющим собой «глубинную» систему психологических взглядов, представлений о душе, дошедшую «до нас в подлиннике, а не в изложении позднейших комментаторов» [24: с. 33; 37], пишет доклад для заседания кружка, назвав его «Анаксагор» [7: с. 16–23]. В «Письме к графине NN», адресатом которого была на самом деле княгиня А. И. Трубецкая, Веневитинов настаивает на необходимости прочтения работ Платона: «В нем найдете вы столько же поэзии, сколько глубокомыслия, столько же пищи для чувства, сколько для мысли [8: с. 254–255].

В «Анаксагоре» «архивный юноша» говорит о человеке и его «борении» как о самой возможности человеческой жизни. Он восклицает: «Так! всякий человек рожден счастливым, но, чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борению с противуречиями мира» [7: с. 20]. Веневитинов поддерживает этим высказыванием живую связь с русской психологической мыслью раннего Просвещения, с идеями Татищева и Кантемира о человеке, имеющем право быть счастливым. Для него также еще остается актуальным понимание человека как «малого мира» — «верного изображения вселенной» [7: с. 19], которое было свойственно русским просветителям XVIII столетия, изучавшим наследие античной психологии (например, у Хераскова человек — «мир малый совершенный», который «из мира целого Всевышним сокращенный» [30: с. 102]). Человеку, стремящемуся познать свою силу, предлагается «испытать ее в противуречиях», понять грани между чувствами и «мыслию», соотнести идеальное с реальным. Познав «свою силу», человек «наслаждается в мире, ему уже знаком». «Веневитиновскому человеку» также

свойственно творить в очаровании жизнью и в предвосхищении будущего («будущее нам идеал»), которое одновременно «есть произведение настоящего, то есть нашей собственной мысли» [7: с. 22]. Веневитинов пытается показать идеальное, становящееся реальным для человека, жаждущего творить и «своевольно бороться», познавая себя, побеждая собственную природу. Воля становится творчески актом, сугубо человеческим достижением, ценностью в понимании «чувства» психической жизни, ее «силы» у человека. Мыслитель не отказывает человеку в свободе его действий, полагая, что вся деятельность его устремлена к идеалу.

В 1825 г. Веневитинов создает «основное философское сочинение» [14: с. 69] — письмо о философии [8: с. 249–257]. Адресатом писем являлась та же княгиня Трубецкая, благосклонно принимавшая в то время ухаживания Веневитинова и пожелавшая больше знать о его увлечениях: она обратилась к нему с вопросами, касающимися философии и развития философских систем, о человеке и возможных путях самопознания. Веневитинов с готовностью донести суть основных идей выступил ее наставником в философских вопросах. Мыслитель заметил, что он с уважением относится к «человеку», считая, что тот «носит в душе своей весь видимый мир» [8: с. 301]. Познание, по Веневитинову, «простая познавательная способность», свойственная человеку. Поэтому, Веневитинов с уверенностью доказывает, что человек обладает «умом» — способностью познавать «совокупность всех предметов» (природа), составлять представления о них. «Природа» и «ум» «стремятся» друг к другу и «отражаются» друг в друге. Касаясь вопросов определения «ума» (мышления), мыслитель видит особенность его развития на чувственно-образной основе. Если психологически интерпретировать основные рассуждения Веневитинова о человеческом «уме», то он практически, что вполне характерно для русских просветителей, близко подходит к пониманию «мыслегенеза», его места в психической жизни индивида, обращает внимание на необходимость выделения различных объектов познания («природы», «ума»), их

характеристик, объединение «чувственного» и «умственного» опыта («все чувства человека» созданы, чтобы «на богатом древе жизни породить мысль»), освоение мыслительных операций, умения обобщать и размышлять; на развитие чувствительности к существующим в мире противоречиям и борьбы с ними, формирование рефлексивности в мышлении у человека. Борьба противоположностей, «борение с противуречиями мира», становятся идеалосообразующими понятиями, фундаментальными обобщениями, вплетенными в живой контекст размышлений автора. Человеческая мысль, по мнению Веневитинова, «развивается в борьбе», порожденная чувствами (эмоциями). Развитие мысли в борьбе приводит к эмоционально-чувственному отражению мира («верному изображению вселенной»), созданию образа, который помогает человеку постичь реальность собственного «малого мира», субъективного становления и самоосуществления. Поэтому главное, о чем беспокоится Веневитинов, так это об обеспечении индивидуального самопознания и рационального самоизменения человека. Проблема самосовершенствования человека, пришедшая вместе с осознанием наследия античной и отечественной психологической мысли, сочинений Шеллинга, оставалась ведущей в творчестве «архивного юноши».

«Основное философское сочинение», хотя и небольшое, и незаконченное, но признается теперь как источник тех представлений, которые были у их автора. Письма о философии, по мнению Л. А. Тартаковской, есть «некий итог, высший взлет Веневитинова-мыслителя... творческое совершеннолетие философа» [29: с. 32]. Та же Тартаковская отмечает общность взглядов Веневитинова, его писем о философии с созданными позднее, уже Герценом «Письмами об изучении природы» [29: с. 34–35], указывая на преемственность общего потока рефлексии, характерного для отечественной философско-психологической мысли постлюбомудрского периода.

Кроме «Анаксагора», писем о философии важными источниками психологических представлений Веневитинова, выделенных здесь нами, являются его статьи «Утро, полдень, вечер и ночь» (1825), «Три эпохи люб-

ви», где он поднимает ряд вопросов, являющихся всегда значимыми для отечественной психологической мысли.

Так, интерес для психологии представляет его статья «Утро, полдень, вечер и ночь» (1825) [7: с. 33–37], в которой Веневитинов в своих размышлениях о периодах становления и развития возможностей человека, его чувства жизни и силы для борьбы на различных возрастных этапах идет путем, уже знакомым для русской психологической мысли, вобравшей в себя опыт творческого преломления идей античной философии и имеющей в своем распоряжении такие литературные памятники, как «Пчела» (XII в.), «Толковая Палея» (XIII в.), «Диоптра» (XIV в.), «Галиново на Ипократа» (XV в.), сочинения просветителей XVIII в. — Кантемира, Татищева, Радищева, — где сформулирована общенаправляющая рефлексия, касающаяся возраста.

В статье Веневитинова присутствуют «восточные» мотивы, присущие отечественной литературе, которые начиная с публицистических произведений И. С. Пересветова (XVI в.) оставались актуальными весь «философский век», позволяли говорить о существующих в обществе проблемах иносказательно. Это давало возможность Веневитинову донести до читателей свои идеи в общем контексте преемственности отечественной психологической мысли. Изучавшая в свое время, наследие «архивного юноши», Тартаковская отметила, что это произведение сразу вводит «нас в мир философских раздумий Веневитинова и потому в известном смысле ключевое» [29: с. 24]. В этой статье, на наш взгляд, является важной закономерность, раскрывающая единство самой человеческой природы, возрастание возможностей природы и естества человека, которую так хочет познать философствующий психолог.

В своем сочинении Веневитинов выделяет значимые для человека младенческий («утро»), юношеский («полдень»), зрелый период «возмужалости» («вечер»), старческий («ночь») этапы развития и становления. Современные исследователи действительно подчеркивают важность периодизации развития человека, определяя ее как систему с доминирующими мотивационными тенденциями на каждом его возрастном этапе [25].

Можно заметить, что юный, но уже «зрелый» мыслитель искал ключ к пониманию ведущих «тенденций» в развитии и становлении человека.

Так, Веневитинов в своей статье, которая, по всей вероятности, была издана позже публичного прочтения в обществе Любомудров, психологически точно представляет жизненный путь человека, понимая его как становление мироощущений и осознание граней миров видимого и собственного (реального и идеального).

В статье «Утро, полдень, вечер и ночь» восточно-изысканный стиль изложения философских понятий приводит к вполне определенным выводам философско-психологического характера. От первого «чувства» — «созерцания» и «песни восторга» — к «созданию» человеком собственного мира, испытанию себя («он любит испытывать себя и ищет противоборника в природе» [7: с. 36]), «воздвижению алтарей страстям», принесению своих «подвигов» в жертву любви, обретению «венца» героя и к освобождению души, познанию истинной гармонии и ожиданию, «когда новый луч денницы воззовет его к новой жизни, — когда довольный тем, что он нашел в самом себе, он перенесет чувство из мира желаний в мир наслаждения!» [7: с. 37]. Здесь взгляд Веневитинова на человека и его жизненный путь схож с психологическими представлениями русских просветителей, в частности, Хераскова, считавшего, что путь борца — это странствия внимательного к себе и окружающему миру человека, продвижение его к истине. Борьба и борение, их сила и содержательность необходимы «веневитиновскому человеку» на протяжении всей жизни для достижения им счастья в «собственной старости». Пройдя путем борьбы, самопознания, человек обретает «совершенное согласие с природой» (как с внутренним, так и с окружающим миром). В веневитиновских философско-психологических статьях присутствует описание борьбы человека с природой, судьбой, самим собой, а также с теми, кто встает на его жизненном пути, мешая ему реализовывать план жизни — «испытывать дух свой и гордо провозгласить торжество ума» (Д. В. Веневитинов).

Если рассматривать предлагаемое Веневитиновым содержание возрастных этапов жизненного пути человека, то можно заметить, что мыслитель говорит не только о способности психики каждого индивида к отражению окружающего мира, но и конструированию реальности. Человек, созерцая, ощущая жизнь, формируя ментальные картины мира, начинает воображать, создавать и бороться за новые образы собственных миров («сам создай мир свой» [7: с. 36]), которые затем словесно-логически им осмысливаются и личность переживает высший этап своего существования. Так, Веневитинов, используя художественные образы, метафоры, объясняет важные проблемы психологии человека.

С психолого-возрастными идеями статьи «Утро, полдень, вечер и ночь» перекликается «отрывок» из другой, дошедшей до нас работы Веневитинова «Три эпохи любви» [7: с. 43–44]. В ней мыслитель акцентирует внимание на понятии «переживания сердца», столь актуальном для отечественной кардиодиагностической психологии. Первая эпоха жизни становящегося человека — время «восторгов» («нетерпеливого» сердца, «развития способностей» — период юношества, пленительного «как младое древо в ранних листьях и цветах»). Вторая эпоха, «лучший миг в жизни» — время творчества в любви, создание юношеских образов и посвящение им «своих восторгов» («Как нежно юноша плачет!»). Третья — «эпоха дум», когда «природа приковывает нас к действительности». «Веневитиновский человек» проходит своеобразные ступени личностной зрелости, взрослея и воспринимая реальность, требующую проявления им своих способностей к деятельности, «действенной силы», направляющей жизненный путь к поиску «сердца», «бьющегося согласно с его сердцем».

Психолого-возрастные идеи и положения Веневитинова взаимосвязываются с его социально-психологическими взглядами. Человек в понимании Веневитинова — «звено в цепи человечества». Его философствующий психолог определяет также через общественную сущность. Цель существования отдельного человека — «польза человечества». Поэтому человек вводится мыслителем в круг отношений с обществом, сословием, народом, госу-

дарством, системой государств и с космосом. Мыслитель не отказывает человеку в самых разнообразных средствах для «достижения цели его предназначения», которые «многочисленны», поскольку, верит, таким образом, в совокупность «сил» и «способностей» человека. Психология «веневитиновского человека» уникальна теми качествами, которые станут впоследствии изучаться как «интегральные»: доброта, любовь, надежда, героизм, свобода.

По мнению Любомудра, человек должен содействовать пользе народа — «семейства», к которому он принадлежит. Каждый человек включен во всемирный ход развития человечества. Веневитинов уточняет принцип своего понимания социальной сущности человека и его включенности в общемировой ход истории через свой народ, признает значимость общественно полезной борьбы. Важными составляющими социально-психологических взглядов Веневитинова являются: любовь к родине; осознание и критика ее недостатков (в первую очередь стремление к подражательности чужому); бережное отношение к собственным источникам Любомудрия (например, к собственной философско-психологической мысли); понимание взаимосвязи с другими «семействами» (народами) человечества; самобытное развитие народа в общем контексте общечеловеческого развития; свободолюбие.

В целом человек у Веневитинова принадлежит природе и истории. Главной задачей становления и совершенствования становится самосознание, как «поселенная» в человеке «страсть», к которой влечет «его непреодолимое желание действовать». Самопознание как понятие становится ключевым в психологических размышлениях Веневитинова. «Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека» [7: с. 24].

Для русской психологической мысли проблема человеческого самопознания является в определенном отношении известной. К пониманию человека как целостного существа, склонного к самопознанию, ведущего к гармонии души и тела, внутреннему спокойствию пришли Татищев и Кантемир, термино-

логически обогатившие русскую философию и психологическую мысль. Самопознание присутствует в ментальной картине русского человека. В соотношении ментальных образов с известными ему научными, философскими системами, Веневитинов выносит категорию «самопознание» в самое начало человеческой истории, причем как индивидуальной, так и целых народов, общностей («семейств»). «История убеждает нас, — пишет Веневитинов, — что сия цель человека есть цель всего человечества; а Любомудрие ясно открывает в ней закон всей природы» [7: с. 24]. Это положение становится рефреном статьи Веневитинова «Несколько мыслей в план журнала» (1826) [7: с. 24–32].

Стремящийся к самопознанию индивид не расходится с ценностными ориентациями духовной культуры и соответствует идеалу «веневитиновского борющегося человека». Каждый человек, каждый народ «направляет все свои нравственные усилия» [7: с. 25] к самопознанию. Коллективные нравственные усилия рождают просвещение, столь необходимое и человеку, и целому народу.

Веневитинов призывает и заставляет человека бороться, познавать, творить себя [12]. Он предлагает «алгоритм борьбы» и нравственной свободы, в соответствии с которым необходимо вникнуть в «начала новейшей философии» и глубоко изучить произведения «древнего мира»; действовать с опорой на собственный ум, «развить свои силы и образовать систему мышления». Прошедшего путем борьбы и достигшего нравственной свободы Веневитинов предлагает считать человеком, совершившим «подвиг».

Оригинальные, самобытные воззрения Веневитинова, нашедшие свое отражение в прочитанных им докладах на заседаниях кружка Любомудров, опубликованных статьях сыграли свою роль в становлении русской психологической мысли, связанной с осмыслением человеческой природы и естества в начале XIX столетия. В своих сочинениях Веневитинов использует концепты («сердце», «борьба», «движение», «развитие», «сила», «причина», «действие», «содержание», «самопознание»), способствующие формированию системы понятий, позволяющих описывать

и объяснять психологию человека. «Борьба» («борение») понимается мыслителем как источник движения, развития и сил как самого человека, так и человеческого общества (народа-«семейства»). Семантика «текстов» Веневитинова включает в себя философские учения, историческое мироощущение, ведущие образы, сам стиль современной ему эпохи. Созданные им «тексты», подлежащие историко-психологической реконструкции и психологической интерпретации, содержат идеалы и смыслы, раскрывающие богатую психическую и общественную жизнь человека (гармонию идеального и реального), постичь которые стремился Веневитинов.

Заключение

Многогранная личность Веневитинова служила своеобразным ответом на запрос эпохи, потребовавшей проявления литературных способностей, позволяющих описать «стиль» ее психологического мышления именно тем аллегорическим, метафорическим языком, который явственно подходил к созданию ведущих образов и ценностей для человека начала XIX в.

Объединение Веневитинова с другими творческими личностями, близкими ему по духу, также отвечало запросу времени на уникальность и талант в претворении идей философско-психологического характера в жизнь.

Идеи Веневитинова, его философско-психологические взгляды, помимо шеллингианского подхода, также сохраняют традиции русского «философского века», понимание ценности человеческого разума, его воли и чувств (кардиогностический принцип) в русле нравственной психологии, остававшейся значимой для отечественных мыслителей начала XIX столетия.

Научные искания Веневитинова, его «диссертации», философско-лирические произведе-

ния, статьи и размышления внесли свой вклад в формирование представлений об основных критериях в описании нравственной психологии человека и народа. Он считал, что путь духовного становления — в борьбе (борении), отмечал наличие механизмов взаимодействия внутри сообщества, выделял этапы психического развития «юного жителя юной земли». Представленные, пусть даже метафорически, описания человека и народа вошли в русскую психологическую мысль, были высоко оценены широким кругом интеллигентов.

«Веневитиновский борющийся человек» проходит жизненный путь самопознания, содержащий свой ценный элемент — борьбу (борение). Необходимость такого пути признается всем окружением мыслителя. Человек борющийся в понимании Веневитинова — это не забывающий своего «высокого предназначения», познающий себя, живущий для «пользы отечества» сочлен общества, образ которого корневой своей основой сохранен в исторической памяти вольнолюбивого народа.

В целом русская психологическая мысль начала XIX столетия обогатилась новыми представлениями, творчески переработанными взглядами западноевропейских учений и философских систем («русское шеллингианство»), продолжила традиции отечественной психологии («благоволение уму», глубокий интерес к миру чувств и эмоций, воли, желание видеть человека счастливым, осознание необходимости борьбы и гармонии, кардиогностический принцип). Рассмотрение вопросов, связанных с изучением творческого наследия психологической мысли, как «совершенствование теории», «эволюции системных характеристик формирования психологического знания» отвечает задачам, стоящих перед историей психологии, обнаруживающей «зоны роста» на современном этапе [23: с. 5].

Литература

1. **Аншакова В. В.** Предпосылки становления и развития проблемы личности в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX вв. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2006. 289 с.
2. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. 728 с., ил.
3. **Благой Д. Д.** От Кантемира до наших дней. 2-е изд. Т. 2. М.: Художественная литература, 1979. 511 с.

4. **Веневитинов Г. Н.** Некоторые проблемы раннего русского романтизма. (Философские и эстетические взгляды Д. В. Веневитинова). М.: ГИТИС, 1972. 40 с.
5. **Веневитинов Г. Н.** Философские и эстетические взгляды любомудров (Некоторые проблемы раннего русского романтизма): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Тип. НАМИ, 1973. 15 с.
6. **Веневитинов Д. В.** Сочинения. М.: Тип. С. Селивановского, 1829. Ч. 1. VI, 129 с.
7. **Веневитинов Д. В.** Сочинения. М.: Тип. С. Селивановского, 1831. Ч. 2. XVI, 120 с.
8. **Веневитинов Д. В.** Полное собрание сочинений. М.: Academia, 1934. 539 с.
9. **Галактионов А. А.** Русская философия XI–XIX веков. Л.: Наука, 1970. 652 с.
10. **Герцен А. И.** Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 7. 468 с.
11. **Грибушин И. И.** Заметки о Дмитрие Веневитинове // Русская литература. 1968. № 1. С. 192–201.
12. **Иванов Д. В.** Славянская психологическая мысль: человек и его борьба в представлениях Д. В. Веневитинова // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему: материалы II междунар. науч.-практ. конф. Прага, 2013. С. 119–126.
13. **Иванов Д. В.** Психологическая мысль в России середины XVIII века. А. П. Сумароков // Системная психология и социология. 2015. № 2 (14). С. 80–88.
14. **Каменский З. А.** Московский кружок любомудров. М.: Наука, 1980. 328 с.
15. **Маймин Е. А.** Русская философская поэзия. М.: Наука, 1976. 192 с.
16. Мнемозина. 1824. Ч. 2. 185 с.
17. Мнемозина. 1825. Ч. 4. 215 с.
18. **Морозов В. Д.** Д. В. Веневитинов (К характеристике личности и мировоззрения) // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. Вып. 12. С. 137–156.
19. **[Надеждин Н. И.]** Сочинения Веневитинова (Рец.) [М., 1831, Ч. 2] // Телескоп. 1831. № 7. С. 385.
20. **Никулина В. В.** Проблема этико-эстетического идеала в лирике Д. В. Веневитинова: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Томск, 2003. 22 с.
21. **Одоевский В. Ф.** Сочинения. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. 365 с.
22. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. 336 с.
23. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
24. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: Воен. изд-во, 2004. 240 с.
25. **Рыжов Б. Н.** Системная периодизация развития // Системная психология и социология. 2012. № 5. С. 5–24.
26. **Смиренский Б. В.** Эстетические и философские воззрения Д. В. Веневитинова // Философские науки. 1969. № 6. С. 36–48.
27. **Сухов А. Д.** Литературно-философские кружки в истории русской философии (20-50-е годы XIX века). М.: ИФ РАН, 2009. 151 с.
28. **Тартаковская Л. А.** Д. В. Веневитинов. Личность. Мировоззрение. Творчество: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Ташкент, 1966. 32 с.
29. **Тартаковская Л. А.** Дмитрий Веневитинов (Личность. Мировоззрение. Творчество). Ташкент: ФАН, 1974. 158 с.
30. **Херасков М. М.** Владимир. Эпическая поэма. 2-е изд. М.: В тип. комп. Типограф, 1787. (4), 244, (2).
31. **Чернышевский Н. Г.** Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1949. Т. 2. 944 с.
32. **Шумилин Е. А.** Психологическая мысль в трудах профессоров-естествоиспытателей Московского университета первой половины XIX века (1800–1840): автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1955. 15 с.
33. **Шумилин Е. А.** Русские предшественники И. М. Сеченова // Очерки по истории русской психологии. М.: Изд-во Московского университета, 1957. С. 272–367.

References

1. **Anshakova V. V.** Prerequisites of Formation and Development of Personality Problems in the Domestic Psychological Thought in the Late XIX – Early XX Centuries. Astrakhan: Univ. house “Astrakhan University”, 2006. 289 p.

2. **Belinsky V. G.** Complete Works. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. Vol. 8. 728 p., ill.
3. **Good D. D.** From Cantemir to the Present Day. 2nd ed. Vol. 2. M.: Artist. Lighted., 1979. 511 p.
4. **Venevitsyn G. N.** Some Problems Early Russian Romanticism. (Philosophical and Aesthetic Views D. V. Venevitsyn). M.: GITIS, 1972. 40 p.
5. **Venevitsyn G. N.** Philosophical and Aesthetic Views of Wisdom (Some Problems of Early Russian Romanticism): abstract. dis. ... cand. philosophy science. M.: Type. US, 1973. 15 p.
6. **Venevitsyn D. V.** Compositions. M.: Type. S. Selivanovsky, 1829. Part 1. VI, 129 p.
7. **Venevitsyn D. V.** Compositions. M.: Type. S. Selivanovsky, 1831. Part 2. XVI, 120 p.
8. **Venevitsyn D. V.** Complete Works. M.: Academia, 1934. 539 p.
9. **Galaktionov A. A.** Russian Philosophy of XI–XIX centuries. L.: Science, 1970. 652 p.
10. **Herzen A. I.** Collected Works.: Univ. of Sciences USSR, 1956. T. 7. 468 p.
11. **Gribushin I. I.** Notes about Dmitry Venevitsyn // Russian literature. 1968. № 1. P. 192–201.
12. **Ivanov D. V.** Slavic Psychological Thought: the Man and his Struggle in Representations D. V. Venevitsyn // History, Languages and Culture of the Slavic Peoples: from the Origins to the Coming: Materials II Intern. Scientific-Practical. Conf. Praha, 2013. P. 119–126.
13. **Ivanov D. V.** Psychological Idea in Russia in the middle of the XVIII century. A. P. Sumarokov // System Psychology and Sociology. 2015. № 2 (14). P. 80–88.
14. **Kamensky Z. A.** Moscow Circle of Wisdom. M.: Nauka, 1980. 328 p.
15. **Maimin E. A.** Russian Philosophical Poetry. M.: Science, 1976. 192 p.
16. Mnemosyne. 1824. Part 2. 185 p.
17. Mnemosyne. 1825. Part 4. 215 p.
18. **Morozov V. D.** D. V. Venevitsyn (the Characterization of Personality and Outlook) // Problems of Method and Genre. Tomsk: Publishing House of Tomsk University Press, 1986. Vol. 12. P. 137–156.
19. [**Nadezhdin N. I.**] Compositions Venevitsyn (Retz.) [M., 1831, Part 2] // Telescope. 1831. № 7. P. 385.
20. **Nikulina V. V.** The problem of Moral and Aesthetic Ideals in the Lyric D. V. Venevitsyn: Author. Dis. ... Cand. Philology. Tomsk, 2003. 22 p.
21. **Odoyevski V. F.** Compositions. M.: Artist. Lighted., 1981. Vol. 1. 365 p.
22. Psychology with a Human Face: a Humanistic Perspective in the Permanent Council of the Post-Soviet Psychology. M.: Meaning, 1997. 336 p.
23. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** The History of Psychology from the System Point of View // System Psychology and Sociology. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
24. **Ryzhov B. N.** History of Psychological Ideas Thought. Path and Patterns. M.: Military. Publishing House, 2004. 240 p.
25. **Ryzhov B. N.** Systems Periodization of the Development // Systems Psychology and Sociology. 2012. № 5. P. 5–24.
26. **Smirenski B. V.** Aesthetic and Philosophical Views D. V. Venevitsyn // Philosophical Sciences. 1969. № 6. C. 36–48.
27. **Sukhov A. D.** Literary and Philosophical Circles in the History of Russian Philosophy (20-50-ies of the XIX century). M.: IF RAN, 2009. 151 p.
28. **Tartakovskaya L. A.** D. V. Venevitsyn. Personality. World. Creativity: Author. Dis. ... Cand. Philologist Sciences. Tashkent, 1966. 32 p.
29. **Tartakovskaya L. A.** Dmitry Venevitsyn (Personality. World. Creativity). Tashkent: FAN, 1974. 158 p.
30. **Kheraskov M. M.** Vladimir. Epic poem. 2nd ed. M.: The Type Comp. Tipograf, 1787. (4), 244 (2).
31. **Chernyshevsky N. G.** Complete Works. M., 1949. T. 2. 944 p.
32. **Shumilin E. A.** Psychological Thought in the Works of Professors of Moscow University Scientists First Half of the XIX Century (1800–1840): Author. Dis. ... Cand. Ped. Science (psychology). M., 1955. 15 p.
33. **Shumilin E. A.** Russian Predecessors I. M. Setchenov // Essays on the History of Russian Psychology. M.: State University Press, 1957. P. 272–367.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ЦИВИЛИЗАЦИИ
(конец XI–XII вв.)¹

Б. Н. Рыжов,
МГПУ, Москва

Статья представляет собой продолжение исследования, посвященного системной периодизации развития современной европейской цивилизации и сопоставлению развития цивилизации с соответствующими периодами развития человека. Начало этого исследования, опубликованное в № 14–15 журнала «Системная психология и социология», включает описание ранних этапов развития цивилизации, с V по вторую половину XI веков. Настоящая часть посвящена исследованию аналогий в развитии цивилизации и человека в период конца XI–XII веков.

Ключевые слова: системная периодизация развития, кризис развития, кризис семи лет, кризис цивилизации, крестовые походы.

PSYCHOLOGICAL AGE OF CIVILIZATION (END OF THE XI–XII CENTURIES)
(continuation)

B. N. Ryzhov,
MCU, Moscow

The article is a continuation of the study on the system of periodization of the development of modern European civilization and its comparison with the corresponding periods of human development. The beginning of the study was published in № 2 (14)–3 (15)/2015 of the magazine «Systems psychology and sociology» and it includes a description of the early stages of civilization, from the 5th to the second half of the 11th centuries. This part is devoted to the study of analogies in the development of civilization and humans during the late 11th and 12th centuries.

Keywords: system development periods, crisis of development, the 7 year crisis, crisis of civilization, the Crusades.

Кризис семи лет в жизни цивилизации

Завершение периода дошкольного детства человека связано с возникновением у него произвольного поведения, подчиненного обобщенному правилу или норме, а также возникновению личного сознания — осознания своего места в системе общественных отношений [2: с. 312]. Эти новообразования детства закономерно приводят к очередному кризису развития, получившему название кризиса семи лет.

Рассматривая проблему кризисов в развитии человека, Л. С. Выготский видел в кризисе переход личности на новую, более высокую ступень развития. Кризис, по его мнению, связан с разложением возникшей ранее социальной ситуации развития и возникновением новой [5: с. 15]. Основными характеристиками кризисных периодов является резкое

изменение ситуации в короткий отрезок времени, конфликты с окружающими и распад сложившихся на предшествующей стадии связей [1].

Кризис семи лет находит свое проявление в утрате наивности и непосредственности ребенка, появлении несвойственной ранее манерности и вычурности поведения. Самой существенной чертой этого кризиса Л. С. Выготский называет начало дифференциации внутренней и внешней стороны личности ребенка. Благодаря этому переживания приобретают смысл и у ребенка складывается новое отношение к себе. В этом возрасте впервые возникает обобщение переживаний, или аффективное обобщение, логика чувств, появляется ряд сложных образований, таких как самолюбие и самооценка, а также острая борьба переживаний [1].

¹ Продолжение, начало см. в № 2 (14)/2015, № 3 (15)/2015.

Учитывая принципиальное единство системных законов развития, действующих на микро- и макроуровне социальных систем, ряд схожих системных изменений можно заметить и в развитии европейской цивилизации на рубеже XII столетия. Как было отмечено ранее, предшествовавшая эпоха X–XI веков соответствовала дошкольному детству цивилизации [3; 4]. Следующий затем исторический период, несущий в себе системные признаки кризиса семи лет ребенка, вошел в историю как эпоха крестовых походов.

Предкризисное состояние цивилизации явно обозначилось в конце XI столетия. Большинство хронистов этого времени отмечают небывалый рост религиозности общественных масс, ставший главной предпосылкой грандиозного социального взрыва, вскоре потрясшего всю Европу.

Монахи и священники, купцы и воины, многие простые люди того времени надеялись когда-нибудь побывать в Риме — Вечном городе, где приняли смерть тысячи христианских мучеников и с ними любимый ученик Христа — Святой Петр, над могилой которого стоял главный храм католического мира и в нем благословлял верующих Папа — наместник Христа на Земле.

На волне религиозного энтузиазма в конце XI века стали возникать новые центры европейского паломничества. Среди них особо выделялся расположенный на северо-западе Испании город Сантьяго-де-Компостела, где еще во времена Карла Великого были обретыны мощи апостола Иакова. На месте разрушенной в X веке маврами церкви с останками святого в конце XI века началось строительство грандиозного собора, вскоре ставшего конечной точкой знаменитой паломнической дороги «Пути Святого Иакова».

Находились и те, кто готов был идти еще дальше, кто продавал все, что имел, и отправлялся в Святую землю, чтобы, невзирая на множество опасностей, прикоснуться к камням, на которые ступала нога Спасителя. Число таких паломников возрастало год за годом. Но возрастала и опасность этого, самого важного, паломничества. В 1073 году Иерусалим захватили турки. При них притеснения христиан резко усилились. Вести об изуве-

ченных, погибших и проданных в рабство паломниках взывали к возмездию. Так, давно накапливающееся религиозное воодушевление и негодование, вызванное рассказами вернувшихся из Святой земли, создали ситуацию, при которой напряженность в обществе превысила критический уровень и теперь должна была привести к решительным и незамедлительным действиям. Так завершилась фаза предкризиса цивилизации, вызванная ростом самосознания и интеграцией аффектов общества.

Для ребенка семи лет отношения со значимым взрослым по-прежнему играют первостепенную роль. Однако при этом существенно меняется отношение к себе. Ребенок начинает достаточно ясно осознавать меру своих возможностей и величину их различий по сравнению с возможностями взрослого. Поэтому он стремится как можно скорее стать взрослым и для этого готов брать на себя новые обязанности, выполнение которых заслужит похвалу взрослого. Он охотно подражает старшим по возрасту детям и с удовольствием копирует элементы их поведения — ведь все приближает его к столь важному миру взрослого человека.

Для европейской цивилизации XI–XII веков «значимый взрослый» — это Христос. Как и ребенок семи лет, человек этого времени впервые ясно начинает осознавать пропасть, лежащую между привычным ему земным миром и миром «иным» — миром Христа. Стремление приблизиться к этому высшему миру, приблизиться в самом прямом, физическом смысле, диктует идеи паломничества к святым местам, и далеким, как Иерусалим, и более близким, как Рим. Требуется изыскания все новых святынь и реликвий, а вместе с тем предписывает совершать поступки, которые, без сомнения, будут одобрены «значимым взрослым».

Что же может сделать человек угодное Богу здесь, на Земле, где властвует «князь мира сего»? Конечно — с радостью подчиниться установленному Христом Закону, как ребенок с радостью встречает взрослого, подчинившись установленному им правилу [2: с. 315]. И человек XI века искренне возносит молитвы и изнуряет себя постами по примеру «старших» и более близких к «значимому взрослому» — святых и служителей церкви.

Но требование соблюдать заповеди Божьи обращено к человеческой личности, ее внутреннему, индивидуальному отношению к Богу. Однако есть и другая сторона вопроса. Человек живет среди других людей. Он часть земного мира. Что может сделать он угодное Христу как часть этого мира, в совместном труде с другими ее частями? На первый взгляд, почти ничего — ведь этот мир материален, а Царство Божие не от мира сего. Оно представляет собой нематериальную сущность, в которую не может проникнуть ничто материальное. Но Христос сам разрешил этот вопрос. Некогда Он пришел на землю Палестины, чтобы дать людям Новый Завет, объединяющий человека с Богом. Он как земной человек ступал по камням Иерусалима, испытал земные страдания и принял смерть на кресте во искупление первородного греха всего человечества. Все это было в том месте, что теперь называется Святой землей. Именно здесь в Христе соединились Дух Божий и плоть человека. И вот ныне это место в руках гонителей Христа. Может ли быть более угодное Богу общее дело верящих в Него, чем освобождение Святой земли от неверных? В конце XI века это был риторический вопрос.

Несмотря на то, что, по мнению Л. С. Выготского, возрастные кризисы не имеют четких границ, родители четко фиксируют наступившую перемену благодаря неожиданному «взрослому» высказыванию ребенка или еще недавно казавшемуся совершенно невозможным поступку. Подобно тому, 26 ноября 1095 года в жизни европейской цивилизации произошло событие, столь же ясно обозначившее наступивший кризис, как и те перемены, которые определяют кризис семи лет ребенка.

В тот день во французском городе Клермоне, после состоявшегося там церковного собора, римский папа Урбан II в необыкновенно яркой и страстной речи призвал христиан освободить Иерусалим от мусульман. Город не смог вместить всех прибывших, и основное событие разыгралось за его стенами. Папа еще продолжал призывать верующих, а тысячи собравшихся, прерывая его возгласами «Так хочет Бог!», уже стали нашивать себе на одежду кресты из красной материи в знак

решимости вернуть христианам святыни Иерусалима.

Спустя всего полтора года войско крестоносцев, пройдя тысячи километров, переправилось через Босфор и вступило во владения мусульман. А еще два года спустя, выдержав ряд сражений и осад, крестоносцы увидели цель своего похода — Иерусалим. Город был взят 15 июля 1099 года после жестокого штурма и стал столицей созданного европейцами Иерусалимского королевства, в вассальной зависимости от которого находилось еще три небольших христианских княжества.

В историографической литературе, созданной в русле социалистической и неоллиберальной идеологии, преобладает негативная оценка как самих крестовых походов, так и их предводителей и вдохновителей. При этом основными мотивами крестоносного движения признаются в первую очередь хищническое стремление к личному обогащению и завоеванию новых территорий и лишь затем — религиозный фанатизм. Такая точка зрения представляется весьма тенденциозной. Как с этих позиций объяснить тот факт, что уже зимой 1095–1096 годов в поход двинулись сотни тысяч бедняков и детей, большая часть которых погибла при первом же столкновении с врагом? Также трудно усмотреть своекорыстные мотивы рыцарей, отправившихся в поход годом позже, многие из которых для того, чтобы обеспечить себе необходимую экипировку, распродала все принадлежащее им имущество. И уж совсем сложно заподозрить в стремлении к личному обогащению воинов, вступивших в различные орденовые братства и приносивших обет бедности и безбрачия. Первые из таких братств — ордена госпитальеров, Гроба Господня, тамплиеров — были созданы еще в самом начале эпохи крестовых походов и вскоре стали главной военной силой крестоносцев.

История всех предшествующих столетий была наполнена многочисленными войнами, которые велись за обладание теми или иными материальными ресурсами. Ими становились новые подданные, чужое имущество и присоединяемые к своим землям чужие владения. Большинство военных конфликтов содержало в своей основе столкновение национальных интересов. Свою роль играли

и религиозные противоречия. Но эти противоречия всегда были лишь одним из множества факторов борьбы противостоящих друг другу социальных систем и выходили на поверхность лишь тогда, когда за ними стояли значительно более важные интересы сторон. Так, например, жестокие действия Карла Великого против язычников-саксов были во многом обусловлены близостью занимаемых ими земель к самому сердцу государства франков. Подчинение этих территорий диктовалось жизненными интересами страны, а достичь такой безопасности было невозможно без национальной и религиозной унификации захваченных земель. В то же время других, не менее упорных язычников, — славян ободритов — Карл рассматривал как союзников и много раз заключал с ними военные соглашения, поскольку они в тот момент не угрожали его интересам.

Ситуация начала крестового движения была принципиально иной. У его участников не было ни геополитических, ни сколько бы то ни было серьезных экономических интересов. Напротив, с этих точек зрения предприятие представлялось совершенно неудачным. Удаленность от Западной Европы, откуда прибывала основная часть крестоносцев, оставляла возможным только морской путь сообщения со Святой землей. Учитывая примитивный уровень кораблестроения XI века и рыскавшие по всему Средиземноморью флотилии пиратов и мусульманских правителей, путь этот был дорог, долгов и полон опасностей. Кроме того, христиане в Палестине со всех сторон были прижаты к морю враждебными им народами, войска которых многократно превосходили по численности небольшие гарнизоны европейских воинов. При этом в случае любого столкновения с мусульманами крестоносцам приходилось рассчитывать только на себя: помощь из Европы даже при самых благоприятных обстоятельствах могла прийти лишь через многие месяцы, а реально — через годы.

Фактически с момента своего возникновения государства крестоносцев находились на осадном положении. И тем не менее в течение многих лет из Европы прибывали новые и новые пополнения религиозных энтузиастов.

Они заменяли погибших в сражениях и составившихся воинов и, повторяя их судьбу, сами гибли в схватках с превосходящим по силам противником. Тот же, кто больной и увечный, растративший в походе все свое состояние, спустя многие годы все же возвращался на родину, становился обузой для родственников, давно забывших о его существовании. С позиции «здравого смысла» последующих поколений, живших в иные исторические эпохи, такое поведение было нонсенсом, нелепостью, в лучшем случае — ребячеством, охватившим целый континент. Но именно это и позволяет назвать эпоху начала крестовых походов кризисом цивилизации.

Завершение кризиса семи лет цивилизации

Преодоление кризиса семи лет связано с очень существенным, по сути, революционным, развитием личности ребенка. В этот период развивается желание управлять своими поступками, действовать не под влиянием своих прихотей или опасений, а согласно составленному плану. Впервые в жизни ребенка появляется нравственный императив, например, честное слово, данное взрослому или товарищу.

В целом личность ребенка, еще недавно аморфная и очевидно незрелая, по завершении кризиса семи лет впервые обнаруживает свойственные взрослому человеку черты относительно устойчивой внутренней системы отношения к себе и окружающему миру. В этом смысле окончание кризиса семи лет может рассматриваться как время рождения прообраза зрелой человеческой личности.

Очень схожий по своей системной сущности процесс рождения личности происходит в европейской цивилизации во второй половине XII века. Крестовые походы в Палестину продолжались до 1272 года, но не прошло еще и ста лет с начала первого похода, как стал заметен ряд новых симптомов, свидетельствующих о том, что острая фаза кризиса уже миновала. В ответ на усилившееся давление мусульман на государства крестоносцев рыцари и владельческие особы отправлялись в очередной объявленный папой поход не столько благодаря вну-

тренному религиозному чувству, сколько следуя долгу и традиции, а также желанию реализовать себя как воина и приобрести славу защитника христианской веры. Оказавшись на Святой земле, они уже были не только братьями во Христе, но нередко и соперниками в погоне за властью и положением в своем сообществе. Для тех же, кто оставался дома, различные налоги и пожертвования на благочестивые цели крестоносного движения становились привычным, почти рутинным явлением.

Энтузиазм, которым были охвачены значительные массы людей в конце XI – начале XII веков², теперь вспыхивал лишь изредка и на короткий срок. Возможно, один из последних всплесков всеобщей решимости продолжить борьбу за веру был вызван известием о страшном поражении крестоносцев в битве с султаном Саладином при Хаттине и взятии Иерусалима мусульманами в 1187 году. Эта решимость привела к Третьему крестовому походу (1189–1192). Участие в нем наиболее могущественных европейских монархов — германского императора и королей Англии и Франции, — а также несколько важных побед над прославленным врагом, хотя и не возвратили крестоносцам Иерусалима, все же сделали этот поход не менее знаменитым, чем Первый.

Однако стоит отметить, как всего за несколько десятилетий для нас изменился образ человека той эпохи. Особенно хорошо это видно на примере участников крестоносного движения. Персонажи Первого похода кажутся окутанными дымкой. Хронисты почти не доносят нам сведений о том, как выглядели эти люди, об их вкусах, интересах и других индивидуальных качествах. Существует явное противоречие между достаточно полной информацией обо всех важнейших исторических деталях похода, с одной стороны, и крайне скудными сведениями о личностных особенностях его участников — с другой. Если бы не поэтическая фантазия Торквато

Тассо³, наделившая завоевателей Иерусалима множеством вымышленных подробностей, психологические характеристики этих героев выглядели бы предельно схематизированно и безжизненно. Личная храбрость, неизжитая к концу XI века варварская жестокость и возобладавшая над всем преданность религиозным идеалам — вот и все, что составляет донесенный до нас хрониками портрет участника тех событий, будь то предводитель войска или простой рыцарь.

В противоположность этому лица участников Третьего крестового похода узнаваемы и хорошо различимы. Своеобразие их личностей не вызывает никакого сомнения. Это особенно заметно при сопоставлении личностных особенностей лидеров похода. Мрачноватая фигура властолюбивого и расчетливого германского короля Фридриха Барбароссы имеет мало общего с фигурой склонного к интригам французского короля Филиппа II Августа. Барбаросса — суровый рыжебородый воин, создавший образцовое для своего времени рыцарское войско⁴. Он прагматик до мозга костей и в то же время имеет свои принципы, за которые без колебания готов умертвить любого и умереть сам. В чем-то он напоминает Хагена из эпоса о нибелунгах. Крестовый поход на Восток для него — это одновременно и святой долг христианского монарха, и очередной шаг в неизменном стремлении возродить былое могущество империи, какое она имела во времена Карла Великого.

В отличие от него Филипп II Август — способный политик, предпочитающий добиваться успеха не в сражении, а путем искусной дипломатической игры, подолгу выжидая удачного стечения обстоятельств. Ему присуще определенное изящество, он первый стал именоваться не королем франков, а французским королем, очевидно, дистанцируясь от варварского прошлого эпохи Меровингов и Каролингов. Памятником Филиппу II Августу стала носящая

² Вернувшихся в Европу до окончания Первого крестового похода встречали с презрением как трусов. Так, например, дочь короля Англии Вильгельма Завоевателя под угрозой развода заставила своего досрочно вернувшегося из похода мужа вновь отправиться в Палестину, где тот и погиб.

³ Торквато Тассо (1544–1595) — выдающийся итальянский поэт, автор знаменитой рыцарской поэмы «Освобожденный Иерусалим», посвященной событиям Первого крестового похода.

⁴ Именем этого короля и императора Священной Римской империи был назван план нападения Германии на СССР в 1941 году.

его имя знаменитая стена, которой он опоясал Париж и которая потом много раз служила защитой столице Франции⁵. В ней воплотился дух и характер этого умного и осторожного короля.

И уже совершенно особый образ — фигура короля Англии Ричарда Львиное Сердце, еще при жизни признанного эталоном рыцарской доблести. Множество источников дают нам описание яркой внешности и не менее ярких внутренних качеств этого харизматичного монарха. Страстный любитель поединков и битв, отчаянный храбрец, он не раз заставлял отступать врага, лично врубаясь в его ряды в самом опасном месте сражения. Столько же раз он демонстрировал и редкую выдержку, помогавшую устоять перед изощренным коварством противника. При этом Ричард был учтив с дамами, неплохо пел, сочинял стихи и мог проявить истинно рыцарское великодушие, но он же, разъяренный уловками врага, мог приказать перебить несколько тысяч связанных пленников и совершить такие поступки, что много столетий спустя матери-мусульманки заставляли замолкнуть

⁵ Остатки стены Филиппа II Августа видны и сейчас в квартале Марэ и на левом берегу Сены.

плачущего малыша словами: «Тише, а то король Ричард услышит».

Заключение

Таким образом, на смену движению безликих масс, которые заполняли предшествующие века, и их лидерам, нередко более похожим на греческие маски, чем на живых людей, со времени Третьего крестового похода в европейской истории утверждается человеческая личность. Живая и открытая, как личность ребенка, она неизменно будет привлекать к себе внимание будущих поколений⁶. Само же ее появление свидетельствует о завершении очередного кризиса цивилизации и начала новой эпохи, которую можно назвать «школьным возрастом» цивилизации.

⁶ В числе наиболее известных литературных произведений, посвященных участникам Третьего крестового похода стоят романы Вальтера Скотта «Ричард Львиное Сердце» и «Айвенго», стихотворения Р. Бернса и др. Количество киноверсий событий этого похода превышает несколько десятков и продолжает увеличиваться.

Литература

1. **Выготский Л. С.** Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
2. **Обухова Л. Ф.** Возрастная психология: учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2000. 448 с.
3. **Рыжов Б. Н.** Психологический возраст цивилизации // Системная психология и социология. 2015. № 2 (14). С. 60–70.
4. **Рыжов Б. Н.** Психологический возраст цивилизации IX–XI вв. (продолжение) // Системная психология и социология. 2015. № 3 (15). С. 93–102.
5. **Хухлаева О. В.** Психология развития: молодость, зрелость, старость: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 208 с.

References

1. **Vygotsky L. S.** Collected Works: in 6 volumes. Vol. 1. M.: Pedagogika, 1982. 488 p.
2. **Obukhova L. F.** Age Psychology. M.: Pedagogical society of Russia, 2000. 448 p.
3. **Ryzhov B. N.** Psychological Age of Civilization // Systems Psychology and Sociology. 2015. № 2 (14). P. 60–70.
4. **Ryzhov B. N.** Psychological Age of Civilization IX–XI centuries (continuation) // Systems Psychology and Sociology. 2015. № 3 (15). P. 93–102.
5. **Huhlaeva O. V.** Psychology of Development: Youth, Maturity, Old Age. M.: Academy, 2002. 208 p.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СРЕДНЕГО ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

*Е. С. Романова, А. В. Ткаченко, Е. А. Татаринцев,
МГПУ, Москва*

Статья посвящена результатам социологического исследования эффективности работы современных московских школ. Выводы и рекомендации, сделанные по итогам исследования, даются на основании апробированных критериев и показателей социальной эффективности образовательного учреждения.

Ключевые слова: образовательная организация, среднее общеобразовательное учреждение, оценка социальной эффективности, показатели и критерии эффективности, школьное образование, социологическое исследование, ЕГЭ.

SOCIAL EFFICIENCY OF A SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTION

*E. S. Romanova, A. V. Tkachenko, E. A. Tatarintsev,
MCU, Moscow*

The article is devoted to the results of the sociological study of modern Moscow schools' efficiency. The conclusions and recommendations made by the study are based on the approved criteria and indicators of social efficiency of educational institutions.

Keywords: educational organization, secondary educational institution, assessment of social efficiency, criteria and indicators of efficiency, school education, sociological study, Unified state exam.

Введение

Понимание деятельности организации образовательной сферы как особо значимой для общества позволяет утверждать, что ее результативность должна оцениваться с позиций, отражающих ее институциональную эффективность. Эффективным признается то образовательное учреждение, которое своевременно, в полном объеме и качественно осуществляет возложенные на него социальные функции, а именно — обучения, воспитания и развития личности учащегося. Поэтому показатели и критерии оценки социальной эффективности школы, училища или вуза по большей части должны касаться одного вопроса: справляется или не справляется данное учреждение (или данный тип учреждений) с задачей подготовки выпускников в рамках существующей образовательной программы?

Использование показателей социальной эффективности дает организации возмож-

ность оценить свое текущее состояние и успехи, достигнутые на пути реализации своих социальных функций. Общество по этим показателям может оценить величину той пользы, которую конкретная организация принесла ему, а также выявить недостатки, связанные с низким по сравнению с ожидаемым качеством предоставленных организацией социальных услуг или недостаточным их объемом.

Особенно важно учитывать показатели успешности при анализе работы организаций социальной сферы. Объясняется это тем, что социальная сфера нацелена на оказание принципиально незаменимых и неисключаемых услуг, без которых нормальное развитие современного общества невозможно. Поэтому в настоящее время перед обществом остро встает вопрос оценки положительных и недостаточно проработанных сторон деятельности учреждений социальной сферы для того, чтобы вовремя скорректировать не только стратегию и тактику отдельных организаций,

но и общие задачи и методы работы, характерные для целых отраслей.

Для оценки деятельности образовательного учреждения необходимо использовать соответствующие именно этому типу организаций показатели и, опираясь на них, выработать критерии оценки социальной эффективности работы учебного заведения. В данной статье объектом оценки выступает средняя общеобразовательная школа. Следовательно, все разработанные в ходе настоящего исследования показатели и критерии оценки были направлены на выявление плюсов и недостатков подготовки школьных выпускников. Целью исследования было определение социальной эффективности школы на основании этих показателей и критериев.

Очевидно, «сомнение... в том, что школа способна сама решить все возможные проблемы без участия общественности, вполне резонно» [4: с. 138]. Поэтому представляется логичным предоставить право оценивать качество подготовки выпускников широким кругам заинтересованной общественности — не только специалистам, но и самим выпускникам. Вот почему в ходе исследования были опрошены выпускники московских школ — студенты и недавние выпускники московского вуза. Именно они должны оценивать результаты работы школ, примеряя свой личный опыт к определенной системе показателей и критериев оценки социальной эффективности организации образовательной сферы.

Разработка показателей и критериев для оценки социальной эффективности среднего общеобразовательного учреждения

Показатели и критерии были разработаны таким образом, чтобы при оценке социальной эффективности работы школ учитывалась роль среднего образования при производстве социально значимых благ, необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности всего общества, так как от полученного в школе образования в дальнейшем зависят культурный уровень граждан и качество, интенсивность и производительность труда в большинстве отраслей экономики.

Были выявлены несколько показателей, на основании которых педагоги и выпускники могут производить оценку эффективной деятельности школы. Прежде всего это обеспечение учебного процесса средствами, необходимыми для выполнения учащимися заданий, предусмотренных школьной программой и образовательным стандартом [1]. Под средствами, необходимыми для успешной работы школы, подразумеваются материальные предметы, дающие возможность комфортного и безопасного пребывания учеников в здании школы, расширения их кругозора и своевременного выполнения заданий учителей.

Вторым показателем является обеспечение психологического и медицинского сопровождения учебного процесса. В данном случае имеются в виду те меры, которые принимаются руководством школы для обеспечения психического и физического здоровья своих подопечных, так как «важным индикатором состояния общества является здоровье молодых людей» [2: с. 109].

Не менее важно кадровое обеспечение учебного процесса. Любое образовательное учреждение должно быть обеспечено преподавателями по всем учебным предметам, а также сотрудниками, без которых невозможны безопасность и хозяйственное функционирование организации.

Далее при оценке работы школы надо обратить внимание на обеспечение доступности образования. Под доступностью образования следует понимать создание внутри образовательного учреждения безбарьерной среды, позволяющей учиться в нем как физически здоровым людям, так и лицам, в силу физических и физиологических отклонений ограниченными возможностями свободного передвижения, общения со сверстниками или чтения, письма и просмотра учебного материала. Дети-инвалиды должны иметь возможность учиться в школе, тем более, что «сам факт инвалидности и связанных с ним ограничений передвижения является импульсом для развития иннитивных качеств личности» [5: с. 20].

Большое значение имеют трудовая активность учителей и продуктивность их работы. Трудлюбие учителей, их заинтересованность в своем учебном предмете, пунктуаль-

ность и другие профессиональные качества не остаются без внимания со стороны учеников. В свою очередь интерес к конкретному учебному предмету побуждает учащихся выбирать его в качестве основной дисциплины для сдачи ЕГЭ.

Актуальным показателем можно признать усвоение школьниками учебной программы без помощи репетиторов. Если учебный процесс поставлен в школе таким образом, что грамотные специалисты-педагоги дают учащимся весь необходимый минимум знаний по школьной программе и регулярно повторяют с ними пройденный материал и проверяют уровень накопленных детьми знаний, то дополнительные занятия после уроков и услуги репетиторов, как правило, не требуются.

Существенно важно отметить стабильность учебного процесса без срывов занятий. Школьная программа достаточно конкретна, и при сдаче ГИА и ЕГЭ от экзаменуемого требуется выложить конкретные знания о конкретных фактах в их конкретной трактовке. Поэтому частая смена учителей или еще хуже — срывы занятий приводят к тому, что учащиеся теряют время для подготовки к выпускным экзаменам.

Другой показатель эффективной работы школ — целенаправленность учебного процесса. Под целенаправленностью учебного процесса в школе понимается нацеленность его на успешную сдачу ЕГЭ старшеклассниками. Учащиеся должны чувствовать логику учебного процесса, ведущего их к вполне определенной цели.

Нельзя игнорировать и такой показатель, как интегративность учебного процесса. Интегративность — это фактор, который обеспечивает согласованность действий учителей и учащихся. Эта согласованность невозможна без четкого распределения обязанностей и понимания всеми участниками образовательного процесса связи, существующей между отдельными учебными предметами, а также практической необходимости знания данных предметов.

Наконец, к этим показателям следует добавить удовлетворенность учащихся своей учебой, подразумевая под ней удовлетворенность школьников самим учебным процессом.

В общем виде система показателей эффективности определяется главными требованиями к содержанию и обеспечению учебного процесса в школах, колледжах и гимназиях. Эффективной работу школы следует признать в том случае, если ее результаты соответствуют приведенным выше показателям. В свою очередь результативность дает нам возможность понять, достигнуты ли организацией поставленные перед ней цели. А достижение организацией своих целей определяется с помощью специально выделенных критериев.

Под критерием принято понимать средство различения признаков какого-то явления, на основании которого можно судить о соответствии или несоответствии этого явления определенным требованиям. Таким образом, критерий — это условие, которое налагается на уже имеющийся показатель. Значит, критерии, по которым следует оценивать работу школы, сводятся к описанию конечных результатов ее работы по подготовке выпускников.

В качестве критериев для оценки социальной эффективности среднего образовательного учреждения можно принять несколько положений.

Во-первых, это высокие баллы по результатам сданных учащимися конкретной школы ГИА и ЕГЭ, а также наличие у выпускников аттестатов с отличием и золотых и серебряных медалей.

Во-вторых, это победы школьников на олимпиадах по отдельным учебным предметам.

В-третьих, критерием эффективной работы школы следует признать поступление ее выпускников на обучение в вузы на бюджетные места, причем поступление именно в те вузы, в которые они хотели поступить по окончании школы.

Четвертый критерий — успешные зачетно-экзаменационные сессии во время обучения вчерашних школьников в вузах. Если студент не испытывает проблем со сдачей экзаменов во время первой зачетно-экзаменационной сессии и учится в вузе на «отлично», значит школьное обучение подготовило его к получению высшего образования в бакалавриате.

Следующий критерий — активность студентов вузов в ходе учебного процесса. Если студент активен на вузовских семина-

рах, участвует в студенческих конференциях и сам задает педагогам имеющие отношение к его будущей специальности вопросы, значит, еще во время своего обучения в школе он выработал интерес к науке и навыки самостоятельной и коллегиальной работы.

Наконец, в качестве критерия эффективности средней школы следует признать удовлетворенность учащихся достигнутыми ими учебными результатами и удовлетворенность педагогов вузов уровнем подготовки вчерашних школьников. Чем более выпускник школы доволен своими успехами, тем лучше он использовал данные ему в школе знания и умения и тем качественнее сами эти знания и умения. Что касается педагога вуза, то он вынужден работать со студентом как с носителем тех знаний, которые дала ему конкретная школа. Таким образом, о качестве образования в школе преподаватель вуза судит по базовым знаниям студентов 1-го и 2-го курсов.

Вообще проблема оценки качества услуг, предоставляемых образовательным учреждением, относится к вопросам, слабо отработанным при анализе результатов деятельности организаций социальной сферы. Однако, используя обозначенные выше показатели и критерии, становится возможным проведение итоговой диагностики работы школ, что в свою очередь позволяет увидеть общую картину, сложившуюся в системе среднего образования.

Результаты пилотажного (пробного) исследования подтвердили правомерность использования разработанных показателей и критериев социальной эффективности образовательных учреждений и легли в основу составления анкеты для проведения социологического мониторинга деятельности московских школ.

Результаты социологического опроса выпускников московских школ

Основное социологическое исследование проводилось по анкете, предназначенной для выпускников школ. В опросе выпускников приняли участие 502 человека в возрасте преимущественно от 18 до 23 лет. 84 % опрошенных — это девушки, 16 % — юноши, что объясняется спецификой педагогического об-

разования, выбранного по окончании школы большинством респондентов.

Почти все респонденты были выпускниками государственных школ. Абсолютное большинство (60 %), как и следовало ожидать, прошли обучение в обычных общеобразовательных школах, а остальные — в лицеях, гимназиях, центрах образования, образовательных учреждениях с углубленным изучением отдельных предметов, вечерней школе и авторской школе, в которой знания ученикам предоставляются по авторским программам, отличным от государственных.

Отвечая на вопрос «В каком году вы окончили школу?», опрошенные назвали годы в интервале между 1993 и 2015 годами. Но абсолютное большинство (до 80 %) окончили школу в течение последних пяти лет и, таким образом, столкнулись в конце своего школьного обучения с необходимостью сдачи ЕГЭ. Около 90 % опрошенных выпускников окончили 11 классов и, учитывая то, что почти все они учились в школе недавно, вынуждены были сдавать как ГИА, так и ЕГЭ. Менее 10 % завершили девятилетнее обучение в школе и в основном сдавали ГИА.

При этом почти 80 % заявляют, что учились на хорошие оценки, что и позволило им в дальнейшем поступить в вуз: на «5» учились 10 %, на «4» и «5» — менее 70 %, на «3» и «4» — 20 %, на «3» — 1 %. Опрос показал достаточно высокую продуктивность работы московских школ и подтвердил результаты пилотажного исследования, проведенного накануне и согласно которому на «четверки» и «пятерки» в школе учились около 70 % респондентов. Однако «четверки» и «пятерки» могут свидетельствовать и о намеренном завышении оценок учителями. Поэтому очень важно сравнить ответы на вопрос о школьных оценках с ответами на вопросы о баллах, полученных при сдаче ЕГЭ как более объективного показателя успеваемости учащихся, независимого от частных интересов учителей. В то же время значительный перевес «хорошистов» над «отличниками» свидетельствует о направленности школьного обучения на передачу широких, достаточных для успешной сдачи ЕГЭ, но не углубленных знаний.

Следующим вопросом анкеты, на который надлежало ответить выпускникам школ, был

вопрос о частоте их подготовки к урокам. Ответы на него распределились следующим образом: постоянно, к каждому занятию — 15 %, часто — 40 %, время от времени — 34 %, редко — 9 % и никогда не готовились к урокам — 2 %. Полученные данные говорят о том, что всегда или почти всегда к школьным урокам готовятся около половины московских школьников. Учитывая то, что сами школьники и их родители часто жалуются на их загруженность учебным материалом, а также то, что около 80 % учатся на «5» или на «4», встает вопрос о соответствии учебного процесса, налаженного в школах, той успеваемости, которую демонстрируют учащиеся. Получается, что не менее 1/4 детей получают хорошие оценки, не готовясь к урокам и не выполняя домашнего задания. Не стоит забывать о таких показателях эффективности работы школ, как интегративность и целенаправленность учебного процесса, которые не могут быть достигнуты без определенного контроля со стороны педагогов за уровнем подготовки своих подопечных, включая их подготовку к занятиям в классе.

В таком случае можно предположить, что часть учащихся добивается высокой успеваемости, обращаясь дополнительно к услугам репетиторов. Однако опрос показал, что абсолютное большинство (60 %) выпускников никогда с репетитором не занимались. Соотношение ответов говорит о том, что современная московская школа в целом соответствует такому показателю социальной эффективности работы образовательного учреждения, как усвоение учебной программы без помощи репетитора: если школьники готовятся к экзаменам самостоятельно, значит, школа предоставляет им все необходимое для получения положенного по стандарту образования. Однако следует обратить внимание на то, что более 1/3 школьников все же не обходятся без помощи репетиторов, причем репетиторы нужны именно для сдачи ЕГЭ, а не для успешного усвоения текущей учебной программы. Объективность полученных данных подтверждается результатами пилотажного опроса, согласно которым более 1/3 респондентов пользовались услугами наемных репетиторов для подготовки

к ЕГЭ. Поэтому полного соответствия школы данному показателю эффективной деятельности не наблюдается. Более того, приходится констатировать наличие такой проблемы, как несоответствие программы обучения тем заданиям, которые выносятся на ЕГЭ, что побуждает родителей многих учеников обращаться к услугам репетиторов.

Однако бесплатное дополнительное образование, организованное на базе образовательного учреждения, свидетельствует об эффективности его работы, особенно если «модель дополнительного образования опирается на существующие запросы общества» [7: с. 117]. Если школьники совмещают обучение по стандартной программе с участием во внеклассных занятиях в учебных кружках, факультативах или конкурсах, это может избавить их от необходимости обращения к репетиторам. Поэтому выпускников спросили об их участии за время обучения в школе в олимпиадах, конкурсах работ учащихся, научных кружках и прочих мероприятиях, связанных с научной деятельностью. Выяснилось, что более 60 % никогда или почти никогда не принимали участия ни в каких дополнительных занятиях или мероприятиях, способствующих углублению полученных в школе знаний. Таким образом, московская школа сегодня не вполне соответствует такому критерию оценки социальной эффективности среднего образовательного учреждения, как победа школьников на олимпиадах: ведь чем чаще школьники участвуют в олимпиадах и получают высокие места, тем глубже усваиваются ими учебные предметы и тем лучше организовано преподавание данных предметов в школе. В очередной раз можно прийти к вводу о том, что школа дает знаний много, но знания эти не всегда глубоки, потому что не всегда позволяют подготовиться даже к ЕГЭ.

Другими важными критериями для оценки эффективности школьного образования служат наличие выпускников с золотыми и серебряными медалями и наличие выпускников, получивших аттестаты с отличием. Таковых среди опрошенных набралось 16 %. При этом надо учитывать, что в выборку попали в основном те выпускники, которые поступили учиться в вуз, причем чаще всего на бюджетной основе — то есть не самые

худшие из вчерашних школьников. Но даже при учете этого факта нетрудно заметить, что абсолютное большинство школьников, учась, по их признанию, на «4» и «5», получили в итоге самые обычные аттестаты.

Сразу несколько вопросов анкеты касались такого показателя эффективной работы образовательного учреждения, как обеспечение учебного процесса материальными средствами, необходимыми для выполнения учащимися заданий, предусмотренных школьной программой и образовательным стандартом. Получить информацию по этим вопросам было важно, поскольку «в структуре ценностей московской молодежи наиболее выражены... ценности с преобладанием материальной заинтересованности» [6: с. 115]. Респонденты должны были оценить уровень оснащенности своей школы материальными средствами по 10-балльной шкале, где один балл свидетельствует о плохой оснащенности зала, а 10 — о высокой. В ходе опроса выяснилось, что слабыми сторонами оснащения школ являются спортивные залы и мультимедийные классы, а более сильными — столовые и библиотеки.

Существенно важно отметить, что не менее 57 % выпускников признали наличие в их школах хорошего или скорее хорошего, чем плохого оборудования. Таким образом, большинство московских школ имеют необходимое для обеспечения нормального образовательного процесса материальное оснащение. На 1–3 балла (как очень плохую) школьную материально-техническую базу оценили 25 % опрошенных, на 8–10 баллов (как очень хорошую) — 34% (см. рис. 1).

Не менее важно было рассмотреть психологические условия пребывания учеников в школе. В частности, респондентов попросили оценить их отношения с учителями по 10-балльной шкале, где один балл означал очень плохие, конфликтные отношения, а 10 баллов — прекрасные, комфортные отношения. По итогам опроса был выявлен резкий контраст между количеством ответивших на 1–3 балла (6 %) и на 8–10 баллов (54 %). Получается, что больше половины опрошенных рассматривают свои контакты с учителями как очень хорошие (см. рис. 2). Положительное восприятие учителей говорит о соответствии московских школ таким показателям эффективности деятельности образовательной организации, как стабильность учебного процесса и трудовая активность и продуктивность работы педагогического состава.

Однако для определения уровня психологической удовлетворенности учащихся своей учебой необходимо было задать еще один вопрос — о том, насколько дружным был класс, в котором они учились. Оказалось, что 40 % выпускников оценивают свои отношения с одноклассниками как очень хорошие. Таким образом, отношения внутри класса несколько хуже, чем отношения между школьниками и учителями, но в большинстве своем комфортные (см. рис. 3). Между тем необходимо подчеркнуть, что 40 % считающих, что обстановка в классе скорее плохая, чем хорошая, — это немало, и школа явно нуждается в профессиональной психологической помощи.

Три вопроса анкеты касались внеурочных мероприятий, которые обеспечивает школа: концертов, кружков и экскурсий. Так,

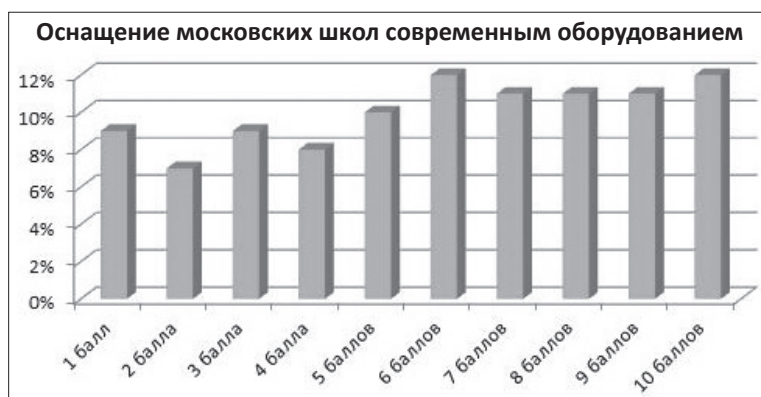

Рис. 1. Оценка респондентами оснащенности школ современным оборудованием по 10-балльной шкале (в %)

Рис. 2. Оценка респондентами своих взаимоотношений с учителями по 10-балльной шкале (в %)

Рис. 3. Оценка респондентами своих взаимоотношений с одноклассниками по 10-балльной шкале (в %)

отвечая на вопрос о наличии в школе развитой самодеятельности с любительскими театральными или концертными постановками, 68 % респондентов высказали мнение, что в их школах все это было. Другой вопрос, заданный выпускникам, — о наличии в их школах кружков и секций, способствующих углублению полученных в ходе освоения основной учебной программы знаний и расширению кругозора. Здесь уже положение хуже, чем с самодеятельностью: очень плохим выбор кружков признает 1/3 всех опрошенных, а очень хорошим — лишь 20 % респондентов (см. рис. 4). Что касается школьных экскурсий, то их, по мнению выпускников, недостаточно. Таким образом, школа не вполне удовлетворяет запросы учащихся на познавательные экскурсии, творческие, спортивные и учебные кружки, но успешно справляется с организацией праздничных и концертных

мероприятий. Значит, организация дополнительного образования — это та функция, которая не реализуется школой в полном объеме.

Кадровое обеспечение организации, компетентность, тактичность, трудовая активность, профессиональная подготовка педагогического состава являются важными показателями социальной эффективности любого образовательного учреждения. Поэтому далее респондентов попросили оценить профессиональный уровень своих учителей настолько, насколько это возможно сделать выпускнику школы. И здесь, как и при ответе на вопрос об отношениях с педагогами, опрошенные выразили свое расположение ко вчерашним наставникам: 83 % выпускников оценили профессионализм учителей как высокий или выше среднего (см. рис. 5). Ровно столько же респондентов подтвердили, что их учителя умеют ясно и доступно излагать учебный ма-

Рис. 4. Оценка респондентами представленности в школах кружков и секций по 10-балльной шкале (в %)

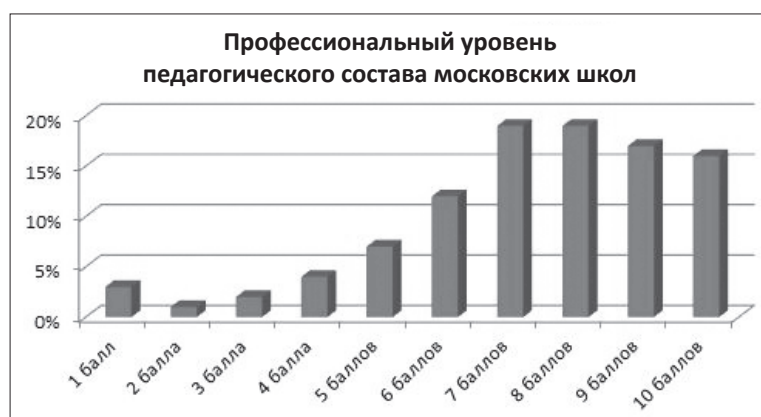

Рис. 5. Оценка респондентами профессионализма учителей по 10-балльной шкале (в %)

териал. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что именно отношения учителей со школьниками, их высокий профессиональный уровень и умение ясно излагать учебный материал являются тремя самыми сильными сторонами в организации образовательного процесса в школе.

В целом, плюсы и минусы организации учебного процесса в московских школах можно увидеть из сводной таблицы.

Весомым критерием для оценки социальной эффективности работы современной школы является также наличие высоких баллов по результатам сданных ее учащимися ГИА и ЕГЭ. Поэтому респонденты должны были указать, сколько баллов они набрали по каждому из сданных на ЕГЭ предметов. Средние баллы, полученные опрошенными при сдаче ЕГЭ, таковы: по информатике — более 80 баллов;

по русскому языку и химии — около 70 баллов; по литературе, обществознанию, иностранному языку, биологии и физике — более 60 баллов; по истории, географии и математике — более 50 баллов. Причем выбор учебных предметов для сдачи ЕГЭ почти для 80 % опрошенных был самостоятельным. Мнение, к которому отдельные старшеклассники прислушивались при выборе предметов, — это мнение учителей и родителей, так как «одной из важнейших задач, стоящих перед школой, родители считают помощь учащимся в поступлении в вузы» [3: с. 134].

Далее у респондентов спросили о том, за какое время до окончания записи на ЕГЭ они определились с выбором предметов. Около 1/3 понадобилось для этого полгода: менее чем за месяц — 8%, за 2–3 месяца — 18 %, за полгода — 32 %, за год — 19 %, более чем за год (еще в 10-м классе) — 23 %. Обращает на себя

Оценка выпускниками условий школьного обучения (в % от общего числа ответов)

№	Условия школьного обучения	Скорее устраивает	Скорее не устраивает
1	Профессиональный уровень педагогического состава	83	17
2	Доступность и ясность излагаемого материала на уроках	83	17
3	Отношения с учителями	80	20
4	Самостоятельность (театрально-концертные мероприятия)	68	32
5	Комфортная обстановка в классах	67	33
6	Столовая	61	39
7	Отношения с одноклассниками	60	40
8	Библиотека	59	41
9	Современное оборудование	57	43
10	Спортивный зал	54	46
11	Экскурсии	52	48
12	<i>Мультимедийное оснащение</i>	<i>49</i>	<i>51</i>
13	<i>Выбор кружков и секций</i>	<i>41</i>	<i>59</i>

внимание тот факт, что большинство школьников (42 %) выбрали предметы для сдачи ЕГЭ за год или более до окончания школы. Это говорит о нацеленности школьного образования на сдачу ЕГЭ, хотя, как уже указывалось выше, школьная программа не вполне соответствует требованиям, предъявляемым к сдаче ЕГЭ. Учителя доступно излагают учебный материал и стремятся дать много знаний, но глубины и логики этих знаний, необходимых при ответе на некоторые задания ЕГЭ, они не предоставляют.

Если проранжировать степень влияния разных факторов на выбор предметов для сдачи ЕГЭ по 5-балльной шкале, где один балл означает самое сильное влияние, а 5 — самое слабое, то получится следующий результат: сказали учителя — 3,5; сказали родители — 3,3; оценка предмета как легкого — 3,1; наличие хороших знаний по данному предмету — 2,8 и наличие данного предмета на том направлении обучения в вузе, на которое старшеклассник планировал поступать, — 2,4 балла. Получается, что чаще всего при выборе предметов старшеклассник ориентируется на мнение учителей, что вполне понятно, так как школьная программа увязана на подготовку к ЕГЭ, но что слабо согласуется с утверждением подавляющего большинства школьников о самостоятельном выборе предметов. О поступлении в конкретный вуз на конкретную специальность школьник думает меньше всего. Отсюда следует вывод, что

школа способна успешно подготовить к ЕГЭ и даже к поступлению в вуз, но не гарантирует успешного получения высшего образования, так как программа подготовки к ЕГЭ не вполне соответствует требованиям вузовской учебной программы.

Успеваемость бывших школьников в вузе оценивается ими по-разному, но 77 % редко получают «тройки»: на «5» учатся до 20 % прошенных студентов, на «4» и «5» — менее 60 %, на «4» и «3» — около 20 %, преимущественно на «3» — 2 % и бывали пересдачи — у 3 %. Если мы сравним успеваемость респондентов во время их обучения в школе и в вузе, то мы увидим, что число «отличников» увеличилось с 10 почти до 20 %, число «хорошистов» уменьшилось с 70 до 60 %, а число «троечников» осталось практически неизменным и составляет примерно 20 %. Учитывая то, что одним из критериев социальной эффективности школы является успешная сдача зачетно-экзаменационных сессий во время обучения вчерашних школьников в вузе, следует признать, что московская школа справляется с возложенной на нее задачей базовой подготовки будущих специалистов. Школа готовит старшеклассников к ЕГЭ, а ЕГЭ позволяет попасть в вуз. И учится студент в вузе так, как он был приучен учиться в школе.

Наконец, респондентам был задан вопрос о мотивах, побудивших их поступить именно в тот вуз, в котором они учатся или отучились.

Без малого половина опрошенных, как выяснилось, поступили на обучение в тот конкретный вуз, который их изначально больше всего заинтересовал или в который им было проще всего пройти, исходя из полученных на ЕГЭ баллов (см. рис. 6). В среднем выпускники школ подавали документы для поступления в три вуза и прошли на бюджетное место в одном из них. Эти данные говорят о широкой возможности использования результатов ЕГЭ при поступлении в вуз, но лишь при условии подачи документов в несколько институтов, когда один из них используется абитуриентом как запасной вариант.

Таким образом, школа лишь наполовину соответствует такому критерию для оценки эффективности ее работы, как поступление ее выпускников именно в те вузы, в которые они хотели поступить по окончании школы. Осуществляемая школой подготовка старшеклассников к сдаче ЕГЭ позволяет им попасть в вуз, но не всегда в тот, в котором им хотелось бы учиться.

Заключение

Таким образом, организация учебного процесса в школе направлена преимущественно на подготовку 9- и 11-классников к сдаче ГИА и ЕГЭ. С этой функцией школа успешно справляется, поэтому если признать подготовку к ЕГЭ главной целью школьного обучения, среднее образование может быть

признано социально эффективным. Однако программа школьного обучения не во всем соответствует требованиям, предъявляемым к старшеклассникам, сдающим ЕГЭ на высокие баллы. Поэтому требуется развитие системы дополнительного образования.

Слабыми сторонами материального оснащения школ являются спортивные залы и мультимедийные классы, а сильными — столовые и библиотеки. При этом школа не вполне удовлетворяет запросы учащихся на познавательные экскурсии и творческие, спортивные и учебные кружки, секции и олимпиады, но успешно справляется с организацией праздничных и концертных мероприятий.

Поскольку кадровое обеспечение организации, трудовая активность и высокая профессиональная подготовка педагогического состава являются важными показателями социальной эффективности образовательного учреждения, самыми сильными сторонами в организации образовательного процесса в школе являются отношения учителей со школьниками и их высокий профессиональный уровень. Межличностные отношения внутри класса оцениваются школьниками хуже, чем отношения между школьниками и учителями, поэтому школа нуждается в профессиональной психологической поддержке.

Школьники должны понимать, зачем они сдают ЕГЭ, и ориентироваться на возможное дальнейшее обучение в вузе. А для этого они должны знать, какие перспективы перед

Рис. 6. Статистика поступления опрошенных выпускников школ в вуз (в % от общего числа ответов)

ними открываются при обучении в том или ином институте или университете. Поэтому помимо стандартной профориентации должно быть организованное руководством школы групповое посещение учащимися и их родителями дней открытых дверей в ближайших по территориальному расположению вузах. Более того, работники высшего профессионального образования могут помочь не только с выбором будущей специальности, но и с организацией системы дополнительного образования для школьников и самих учителей. Сотрудничество школы с вузом должно быть понятным, спланированным и взаимовыгодным.

Совместная работа средней и высшей школы будет в большей мере социально эффективной, если школьники начнут готовиться к ЕГЭ, ставя перед собой цель поступления в определенный вуз или на определенное направление обучения в вузе. Поэтому вопросы и задачи, выносимые на ЕГЭ, нужно корректировать, исходя не столько из школьной программы, сколько из практических потребностей общества, реализуемых образовательной организацией в процессе подготовки специалиста конкретного профиля.

Литература

1. **Ананишнев В. М.** Социология образования: монография. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2008. 203 с.
2. **Завьялов А. Е.** Проблемы формирования здорового образа жизни в среде молодежи // Системная психология и социология. 2015. № 1 (13). С. 104–110.
3. **Романова Е. С., Абушкин Б. М., Ткаченко А. В.** Родительская общественность в решении вопросов образовательной политики // Системная психология и социология. 2014. № 2 (10). С. 127–135.
4. **Романова Е. С., Абушкин Б. М., Ткаченко А. В.** Родительская общественность в решении вопросов образовательной политики: продолжение // Системная психология и социология. 2014. № 3 (11). С. 133–141.
5. **Рыжов Б. Н., Михайлова О. В.** Системные особенности психической работоспособности инвалидов ДЦП // Системная психология и социология. 2014. № 4 (12). С. 13–20.
6. **Татаринцев Е. А., Рогачева В. И.** Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте общества массового потребления // Системная психология и социология. 2014. № 2 (10). С. 111–117.
7. **Ткаченко А. В.** Учет национальных и конфессиональных условий в социальном проектировании дополнительного образования молодежи крупного города // Системная психология и социология. 2013. № 8. С. 109–118.

References

1. **Ananishnev V. M.** Sociology of Education. M.: Engineer, 2008. 203 p.
2. **Zavyalov A. E.** Problems of a Healthy Lifestyle Formation in Young People // System Psychology and Sociology. 2015. № 1 (13). P. 104–110.
3. **Romanova E. S., Abushkin B. M., Tkachenko A. V.** Parent Community in the Educational Policy Matters // System Psychology and Sociology. 2014. № 2 (10). P. 127–135.
4. **Romanova E. S., Abushkin B. M., Tkachenko A. V.** Parent community in the Educational Policy Matters (the Sequel to the Article, № 2 (10), 2014) // System Psychology and Sociology. 2014. № 3 (11). P. 133–141.
5. **Ryzhov B. N., Mikhaylova O. V.** System Features of Psychic Work Capacity in Persons with Cerebral Palsy // System Psychology and Sociology. 2014. № 4 (12). P. 13–20.
6. **Tatarintsev E. A., Rogacheva V. I.** Contemporary Youth Value Points in the Context of the Mass Consumption Society // System Psychology and Sociology. 2014. № 2 (10). P. 111–117.
7. **Tkachenko A. V.** The National and Confessional Conditions Significance in the Social Designing of Supplementary Education for Young People in the City // System Psychology and Sociology. 2013. № 8. P. 109–118.

О ГРАНИЦАХ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ЭПОХУ КИБЕРКОММУНИКАЦИИ И КИБЕРИНФОРМАЦИИ

Г. Ю. Никипорец-Такигава,
Кембриджский университет,
Великобритания,
РГСУ, Москва

Интернетизация затронула, среди прочего, сферу использования информации и коммуникации, существенно упростив, упростив и обеспечив к ним доступ, свободный от социальных и географических препятствий. Не идеализируя этот прогрессистский образ, на котором немало известных пятен, признаем, что появление Интернета изменяет традиции обмена информацией и производит специфическую культуру коммуникации, увеличивая количество информационных и коммуникативных полей, к которым постоянно подключен индивид, и объединяя одинаковыми полями ранее слабо или почти не связанных индивидов. В данной статье обсуждаются последствия этих изменений для понимания границ нации и национальных идентичностей. Выводы, сделанные на британском материале, транспонируются и на русскоязычные общины, проживающие в других странах и русскоязычную диаспору в целом.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, Интернет, диаспора, мигранты.

ON THE BORDERS OF NATIONS AND NATIONAL IDENTITIES IN THE ERA OF CYBER COMMUNICATION AND CYBER INFORMATION

G. Nikiporets-Takigawa,
University of Cambridge,
Cambridge, UK,
RSSU, Moscow

Internetization has affected, among other things, the scope of the use of the information and communication, significantly increasing, simplifying and providing access to them which is free of social and geographical barriers. Without idealizing the progressivist image which has many well known spots, we should confess that the emergence of the internet changes the tradition of the information exchange and produces a specific culture of the communication while increasing the amount of informational and communicational fields, which a person is constantly connected to, and also by uniting previously loosely and almost non united individuals with the same fields. This paper discusses the implications of these changes for the understanding of the borders of the nations and the national identities. The conclusions are drawn on the base of the British material but they are relevant to Russian-speaking community in the other countries and the Russian-speaking diaspora at the whole.

Keywords: nation, national identity, the internet, diaspora, migrants.

Введение

При многих расхождениях в трактовках «наций» Э. Геллнер и Э. Ренан едины в стремлении очерчивать их пределами государств, полагая, что культурные границы должны совпадать с политическими [5; 10]. Б. Андерсон тоже не отказывается от идеи «ограниченности» наций, хотя, вводя понятие их «воображенности», делает шаг к более абстрактной, тем самым более гибкой, объяснительной парадигме. Он говорит о том, что «нация воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей,

имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации» [1]. Здесь имеется в виду этнокультурное понимание нации, но где пролегают границы в случае мультиэтнической и мультикультурной идентичности, носителем которой может быть современный человек и о которой пойдет речь в этой статье?

В случае другого понимания нации, гражданского, границы тоже вызывают вопросы. Так, они отделяют основную часть нации, живущую на исконной территории (метрополию), от эмигрировавших в силу разных причин (диаспоры). Это легко представить, когда эмиграция обозначает, помимо трудности

возвращения и поддержания контактов с родной страной, еще и отрыв от ее языкового и культурного поля. Однако где проложить их в эпоху глобализации, интенсивной трудовой миграции и переориентации общества на киберинформацию и киберкоммуникацию, которые существенно сглаживают, если не полностью ликвидируют обозначенные трудности и разрывы?

Советские и постсоветские переселенцы в страны с более быстрым относительно их родных мест распространением новых технологий сразу воспользовались ими именно в этих целях. Далее, с подключением к Интернету, говорящие на русском языке, но живущие в разных странах и раньше практически не видимые друг для друга, объединились постоянным присутствием на одних и тех же дискуссионных площадках. Результаты стали заметны сначала на лингвистическом уровне в стилистической, лексической, синтаксической конвергенции русских языков диаспоры и метрополии, постепенной унификации языкового поведения [21; 23] и выработке единого *netspeak* [15]. Похожий процесс распространяется под влиянием новых технологий и на уровень дискурса. Рассмотрим его движущие механизмы и проявления подробнее.

Материал и методы

Материалом для данного исследования являются интернет-дискуссии на крупнейшем русском форуме и сайте в Англии RuTalk (несмотря на такую «английскую», а не британскую самоидентификацию, здесь общаются и русскоязычные, проживающие в Шотландии и Уэльсе) [24]. Этот сайт насчитывает 59 223 пользователя (на март 2016) и представляет все основные группы русскоязычных мигрантов: трудовых (которые называются в Великобритании «высококвалифицированными мигрантами» и приезжают по рабочим визам, в основном, в IT-компании и университеты), образовательных (которые приезжают учиться), а также семейных (которые существовали всегда, но не были столь многочисленны, как в последние двадцать лет). Чтобы уточнить данные, собранные в интернет-дискуссиях, в статье используются этнографи-

ческие методы включенного («ненавязчивого») наблюдения, интервью в фокус-группах и глубинные интервью.

Обсуждение

Нация — это «дискурсивная формация» [17], и национальная идентичность не статическая данность, но постоянно «генерируется и воспроизводится через дискурс» [26: р. 186] «в динамическом, подверженном разным влияниям процессе коммуникации» [18: р. 225], посвященной общим прошлому / настоящему / будущему, культуре и территории, а также — «человеку национальному» (*a homo nationalis*) [18: р. 25]. Последнее «полностью основано на развитии и продвижении идеи национальной самобытности и уникальности и включает только положительные качества» [18: р. 27] наряду с поиском «худшего Чужого» [17], на фоне недостатков которого ярче проявляется «лучший Я» [17]. Названные тактики применительно к диаспоре могут считаться сигналом культурного конфликта и признаком плохо адаптированной личности. Это серьезное упрощение: на самом деле, чем сильнее чувство принадлежности к новой нации, тем легче оставаться патриотом родной страны; чем удачнее встраивание в новую жизнь, тем острее осознается и выше ценится (во всех смыслах) собственное многоязычие-мультикультурализм-мультинациональность, и охотнее выбор не обезличивающей ассимиляции, но равноправной интеграции (см. определения в [27]).

Среди положительных качеств своей нации постсоветскими мигрантами называются типичные для патриотического дискурса «широта натуры», «духовность и пренебрежение материальными ценностями в пользу духовных», «доброта, душевность и гостеприимство», «героизм (народ-победитель)», высокий уровень культуры и образования, которые не обходятся без обобщений, идеализации, абстракции и мифологизации. Так, например, говоря о своем лучшем образовании, выходцы из постсоветского пространства часто имеют в виду его советский вариант, с которым многие знакомы только в виде «постпамяти» [19], хотя более старшими поколениями, учившимися в совет-

ских школах и вузах, этот опыт идеализируется, в итоге доходя до младших поколений в фактически искаженном виде, но принимаясь, как и свойственно мифу, за реальность [3] и помогая вне зависимости от личного образовательного багажа и возраста испытывать гордость за свою «лучше других образованную нацию».

Этот пример требует размышления о том, о какой нации в данном случае идет речь. Дело в том, что постсоветская русскоязычная миграция выезжала за рубеж уже из постсоветских стран и представляет тем самым не единую нацию, а разные. Но, как видно из примера выше, источником гордости оказываются достоинства страны, которая для всех была общей, и осознание себя частью своей постсоветской страны совмещается в сложном идентификационном комплексе с таким же отношением к СССР. Коллективная советская память еще очень «горяча» [2], причем мигранты ощущают это даже сильнее, чаще воссоздавая в своих референциальных рамках те фрагменты, которые имеют отношение к общему советскому прошлому и в меньшей степени востребованы в их родных постсоветских странах. Потому что СССР разделился на разные государства, тогда как постсоветские мигранты снова оказались объединенными в одной стране (в Америке или Австралии, Британии или Японии и так далее), снова образовав одно сообщество постсоветских людей с общим языком и общим советским прошлым.

Безусловно, советские компоненты постсоветской идентичности конфликтогенны в силу того, что советское наследие включает как достижения, так и травмы, победы и поражения, противоречивые события и персоналии. Более того, версии памяти и процесс осмыслений и примирения с советским прошлым отличаются в разных постсоветских странах, следуя векторам политического развития «по дороге к западу» или же «вместе с Россией», трагедию расхождений которых сейчас можно наблюдать. Но существуют ли подобные расхождения между теми, кто живет в Белоруссии, России, Украине и других постсоветских странах, и выходцами из этих стран, мигрировавшими на запад, т. е. уже априори сделавшими свой западный выбор?

Постсоветская миграция сильно отличается от предыдущих волн с точки зрения мотиваций переезда, поэтому в диаспоре оказываются носители разных идеологий и мировоззрений. Из-за интернетизации, как уже отмечалось выше, переезд более не означает разрыва с родной страной: Интернет позволяет оставаться в родном информационном пространстве, в том числе, если есть желание, во власти господствующего в них идеологического дискурса, имея полную возможность не менять своих политических взглядов.

В результате чего нация прирастает гражданами, которые, находясь за ее границами и в пределах других наций, полноправными представителями которых они являются, выражают также «ежедневный плебисцит» [10] по отношению к своей родной нации. Для них возможность постоянно находиться в ее дискурсивном поле, предоставленная Интернетом, имеет особую ценность, и среди многочисленных площадок для общения и информационных сайтов, предлагаемых Всемирной сетью, они добровольно и целенаправленно выбирают русскоязычные. В результате, современная диаспора все более становится метрополией в миниатюре и концентрированным выражением проходящих в метрополии процессов.

Заключение

Все вышеизложенное заставляет переосмыслить понимание нации и национальной идентичности.

Постсоветский человек исторически балансирует между разными самоидентификациями: этнической (или даже несколькими этническими) и национальной; прошлой советской и настоящей постсоветской; общей для всего постсоветского пространства языковой и культурной и своей национальной (если они не совпадают), а также европейской и евразийской. В случае мигрантов приходится выбирать еще и между двумя разными национальными принадлежностями.

Интернетизация, однако, отменяет необходимость выбора. Она предлагает объединить все эти самоидентификации, сохраняя единый язык общения (который посредством

Интернета стал ежедневной практикой всего говорящего на одном языке сообщества, независимо от национальности); укрепляя общую культурную идентификацию (так как Интернет обеспечивает возможность постоянно рефлексировать на тему общего прошлого и культурного капитала); при этом сохраняя и развивая этническую, а также идеологическую. Язык, культура и советское прошлое цементируют этнические и мировоззренческие разрывы, и там, где языковые и культурные самоидентификации совпадают, возникает транснациональное, перекрывающее политические границы наций сообщество.

Эта ситуация не приводит к дисгармонии и конфликтам идентичностей. Скорее, такое положение дел нужно воспринимать как естественное для постиндустриального общества. Интернет как поляризует, так и объединяет и, в конце концов, интенсифицирует характеристики постиндустриального сообщества,

в котором сосуществуют мириады микро- и макроидентичностей.

Границы государств существуют в области политики, на индивидуальном же уровне ни этих границ, ни границ между идентичностями не ощущается и даже не воображается. Так как интернетизация объединила диаспоры и метрополии единым информационным и коммуникативным полем, проблематична сама возможность разграничения понятий диаспора и метрополия.

Диаспора представляет собой гомогенное пространство со своей метрополией, и производные кибернетизации в виде убыстрения и упрощения связей между всеми русскоязычными способствуют транснациональности существования постсоветского русскоязычного сообщества, в котором не просто прочертить границы между этничностями и национальностями.

Литература

1. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/01.php
2. **Ассман Я.** Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. **Барт Р.** Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
4. **Байфорд Э.** «Последнее советское поколение» в Великобритании // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). С. 96–116.
5. **Геллнер Э.** Нации и национализм. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/05.php
6. **Гудков Л.** Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
7. **Крысин Л. П.** Русское слово, свое и чужое. Исследования по русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
8. **Никипорец-Такигава Г. Ю.** Язык русской диаспоры в Японии // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 50–62.
9. **Протасова Е. Ю.** Фенороссы: жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст. 2004. 308 с.
10. **Ренан Э.** Что такое нация? URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/RENAN_Jozef_Ernest/_Renan_J.E..html
11. Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009. 272 с.
12. Язык русского зарубежья: общие процессы и языковые портреты / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 492 с.
13. **Andrews D.** Socio-cultural Perspectives on Language Change in Diaspora. Soviet Immigrants in the United States // Impact: Studies in Language and Society. Vol. 5. Amsterdam/Philadelphia: John Benj. Publishing Company, 1998.
14. **Bourdieu P.** The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power, Stanford. 2007. 504 p.
15. **Crystal D.** Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.
16. **Foucault M.** Discipline and Punish: the birth of the prison / transe from the French by A. L. Sheridan. F.: Penduin Books (Lane), 1977. IX, 333 p.
17. **Josef J.** Language and Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.

18. **Hall S.** Cultural Identity and Diaspora // Rutherford J. (ed.). *Identity: Community, Culture, Difference*. London, 1996. P. 222–239.
19. **Hirsch M.** *The Generation of Postmemory*. Columbia University Press, 2012.
20. **Kopnina H.** *East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe*. London, 2005.
21. **Nikiporets-Takigawa G.** Digital communication of the Russian-speaking community as a reflection of language contact and performance of identity // *Slavica Helsingiensia* 40. *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki, 2011. P. 345–354.
22. **Nikiporets-Takigawa G.** The role of the Internet in Civil Protest: The Russian Experience in a Global Context // *Kennan Institute Vestnik*. 2012. № 22. P. 13–24.
23. **Nikiporets-Takigawa G.** Digital Communication and National Identity Construction: Negotiation of Soviet Legacy among Post-Soviet Migrants // *Negotiating Linguistic, Cultural and Social Identities in the Post-Soviet World*. Oxford: Peter Lang, 2013. P. 163–182.
24. RuTalk. URL: <http://www.rutalk.co.uk>
25. **Sunstein C.** *Republic.com 2.0*. New Jersey: Princeton University Press, 2007. 251 p.
26. **Wodak R.; de Cilla R. et. al.** *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 288 p.
27. **Zak I. and Aria Cohen.** Explicit/Implicit Acculturation and Adaptation among Russian Immigrant Teachers in Israel // *Negotiating Linguistic, Cultural and Social Identities in the Post-Soviet World*. Oxford: Peter Lang, 2013.
28. **Zbenovich C.** The Russian-Jewish Babushka in Israel: Discourse Analysis of a Cultural Phenomenon // *Negotiating Linguistic, Cultural and Social Identities in the Post-Soviet World*. Oxford: Peter Lang, 2013.

References

1. **Anderson B.** Imagined communities. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/01.php
2. **Assman J.** *Cultural Memory: Writings, Memory on the Past and Political Identities in the High Ancient Cultures*. Moscow: Languages of the Slavonic Culture, 2004. 368 p.
3. **Barthes R.** *Mythologies*. Moscow: the Sabashnikov Publishing House, 1996. 312 p.
4. **Byford A.** “The Last Soviet Generation” in Britain // *NZ*. 2009. № 2 (64). P. 96–116.
5. **Gellner E.** Nations and Nationalism. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/05.php
6. **Gudkov L.** *Negative Identity*. Moscow: The New Literary Observer, 2004. 816 p.
7. **Krysin L. P.** *The Russian Word, its Own and Other’s*. Moscow: Languages of the Slavonic Culture, 2004. 888 p.
8. **Nikiporets-Takigawa G. Y.** The Language of the Russian Diaspora in Japan // *Problems of linguistics*. 2009. № 1. P. 50–62.
9. **Protasova E. Y.** *Fenorossy: Life and the Use of Language*. Saint Petersburg: Zlatoust, 2004. 308 p.
10. **Renan E.** What is a nation? URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/RENAN_Jozef_Ernest/_Renan_J.E.html
11. *Russian Presence in Britain*. Moscow: Modern Law and Economics, 2009. 272 p.
12. *Russian Language Abroad: Common Processes and Language Portrets* / Zemskaia E. A. (ed.). Moscow: The Languages of the Slavonic Culture; Wien Slavistics Almanac, 2001. 492 p.
13. **Andrews D.** *Socio-cultural Perspectives on Language Change in Diaspora. Soviet Immigrants in the United States* // *Impact: Studies in Language and Society*. Vol. 5. Amsterdam/Philadelphia: John Benj. Publishing Company, 1998.
14. **Bourdieu P.** *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*, Stanford. 2007. 504 p.
15. **Crystal D.** *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.
16. **Foucault M.** *Discipline and Punish: the birth of the prison / transe from the French* by A. L. Sheridan. F.: Penduin Books (Lane), 1977. IX, 333 p.
17. **Josef J.** *Language and Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.
18. **Hall S.** Cultural Identity and Diaspora // Rutherford J. (ed.). *Identity: Community, Culture, Difference*. London, 1996. P. 222–239.
19. **Hirsch M.** *The Generation of Postmemory*. Columbia University Press, 2012.
20. **Kopnina H.** *East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe*. London, 2005.

21. **Nikiporets-Takigawa G.** Digital communication of the Russian-speaking community as a reflection of language contact and performance of identity // *Slavica Helsingiensia* 40. Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2011. P. 345–354.
22. **Nikiporets-Takigawa G.** The role of the Internet in Civil Protest: The Russian Experience in a Global Context // *Kennan Institute Vestnik*. 2012. № 22. P. 13–24.
23. **Nikiporets-Takigawa G.** Digital Communication and National Identity Construction: Negotiation of Soviet Legacy among Post-Soviet Migrants // *Negotiating Linguistic, Cultural and Social Identities in the Post-Soviet World*. Oxford: Peter Lang, 2013. P. 163–182.
24. RuTalk. URL: <http://www.rutalk.co.uk>
25. **Sunstein C.** *Republic.com 2.0*. New Jersey: Princeton University Press, 2007. 251 p.
26. **Wodak R.; de Cilla R. et. al.** *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 288 p.
27. **Zak I. and Aria Cohen.** Explicit/Implicit Acculturation and Adaptation among Russian Immigrant Teachers in Israel // *Negotiating Linguistic, Cultural and Social Identities in the Post-Soviet World*. Oxford: Peter Lang, 2013.
28. **Zbenovich C.** The Russian-Jewish Babushka in Israel: Discourse Analysis of a Cultural Phenomenon // *Negotiating Linguistic, Cultural and Social Identities in the Post-Soviet World*. Oxford: Peter Lang, 2013.

**СТУДЕНЧЕСКАЯ СРЕДА МОСКОВСКОГО МЕГАПОЛИСА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

*В. М. Ананишнев,
МГПУ, Москва,
О. А. Иванова,
МГПУ, Москва,
Л. А. Машкова,
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва*

В статье приводятся результаты исследований проблем социальной безопасности, развития и функционирования студенческой среды московского мегаполиса как важной стороны жизнедеятельности населения города.

Ключевые слова: студенческая среда, московский мегаполис, социальная безопасность, ценностная система студентов.

**STUDENT DIVERSITY OF MOSCOW MEGAPOLIS:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

*V. M. Ananishnev,
MCU, Moscow,
O. A. Ivanova,
MCU, Moscow,
L. A. Mashkova,
MSU, Moscow*

The article presents the results of research problems social security, development and functioning of the student environment of the Moscow metropolis as an important side of the city life of the population.

Keywords: Student diversity, Moscow megapolis, social security, students' value system.

Введение

Исследование студенческой среды московского мегаполиса в современных условиях приобретает интерес в силу ряда обстоятельств. Среди них одно из первых мест принадлежит социальной безопасности молодежи. Этим проблемам в дискурсе психологии и социологии управления и образования посвящен большой ряд исследований [1–5].

Целью данной работы является исследование проблем социальной безопасности, развития и функционирования студенческой среды московского мегаполиса как важной стороны жизнедеятельности населения столицы, а также анализ жизненных ориентаций и ценностей, интеграция и социализация студенчества.

**Жизненные ориентации
студенческой среды**

В 2015 г. среди студентов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет) было проведено социологическое исследование, посвященное оценке социальной безопасности молодежи. Общее число опрошенных респондентов — 300 человек. Основные результаты исследования приведены в таблице 1.

В ходе исследования прежде всего было выявлено, что студенты понимают под социальной безопасностью. Представления респондентов о социальной безопасности оказались достаточно разнородными.

Так, важными аспектами здесь являются психологический комфорт (21 %), отсутствие угроз физическому состоянию и здоровью человека в обществе (20 %) и отсутствие

Представления респондентов о социальной безопасности

№	Представления респондентов о социальной безопасности	%
1	Психологический комфорт (состояние психологического спокойствия, защищенность от психологического давления в обществе)	21 %
2	Отсутствие угроз физическому состоянию и здоровью человека в обществе	20 %
3	Отсутствие социально-политических угроз обществу в целом (спокойная общественная обстановка, отсутствие в обществе социальных конфликтов, войн и т. д.)	19 %
4	Экономическая составляющая (возможность достижения и сохранения достойного экономического положения)	7,5 %
5	Защищенность духовных ценностей человека	12,5 %
6	Защищенность материальных ценностей и имущества человека	9 %
7	Отсутствие конфликтов на межнациональной почве	11 %

социально-политических угроз обществу в целом (19 %). Доля тех, кто отметил экономическую составляющую, составила лишь 7,5 %. Это говорит о том, что пока студенческая молодежь в основном не несет полной ответственности за собственное экономическое обеспечение, возлагая его на плечи родителей. В результате экономическая составляющая социальной безопасности уходит на второй план. Кроме того, отдельными студентами были отмечены защищенность духовных ценностей человека, защищенность материальных ценностей и имущества человека, отсутствие конфликтов на межнациональной почве. Помимо этого, опрос показал, что большая часть респондентов (85 %) в целом ощущают себя в безопасности, но в полной мере это характерно лишь для каждого третьего опрошенного. В наибольшей безопасности студенты ощущают себя в семье (92 %), так как именно в ней они чувствуют наибольший психологический комфорт. Доля тех, кто чувствует себя защищенным в кругу друзей, также достаточно высока (71 %).

Необходимо отметить, что лишь каждый четвертый ощущает себя в безопасности, находясь в мегаполисе или других городах РФ. Это определяется наличием различных угроз для жизни, здоровья и благосостояния человека в России. При этом большая часть респондентов опасается преступлений против их жизни и здоровья (92 %), которые обусловлены следующими отрицательными явлениями в обществе: алкоголизм (75 %), ВИЧ / СПИД (71,7 %), терроризм (71,7 %), наркомания (70 %), безработица (68,4 %), низкий уровень жизни (68,4 %).

Кроме того, на ощущение социальной безопасности у студентов оказывает влияние вооруженный конфликт на Украине. Исходя из полученных данных, респондентов можно разделить на три примерно равные группы: около трети опрошенных не ощущают угроз их социальной безопасности в связи с событиями на Украине, 30 % студентов всерьез опасаются, что военные действия на Украине могут привести к третьей мировой войне, и примерно столько же испытывают чувство легкого беспокойства и некоторой неуверенности в завтрашнем дне.

В ходе социологического исследования была выявлена оценка молодежью ситуации в экономической, политической и социальной сферах нашей страны. Как показал опрос, наиболее остро в РФ стоят проблемы экономического характера (рынок труда, рост цен на товары, безработица, снижение уровня жизни). Большая часть студентов (80 %) оценивают ситуацию в ней как напряженную и нестабильную. Успешность поведения на рынке труда зависит как от личных свойств и профессиональной компетенции, так и от социальной, экономической и политической ситуации в обществе. Это, в частности, проявилось после подписания Россией Болонской декларации в 2003 г. и перехода на двухуровневую подготовку специалистов в области техники и технологии, что не повлекло действий, направленных на регламентирование деятельности бакалавров и магистров, а также не дало им необходимых знаний и умений поведения на рынке труда. Производственники, ранее хорошо знавшие, как использовать выпускника вуза, имеющего, в частности, ква-

лификацию «инженер» оказались неготовыми использовать выпускников вузов, имеющих степень бакалавра или магистра. Более того, бакалавров в вузах и в производственной среде начали называть «недоученными инженерами», что привело к еще большему снижению престижа инженерной профессии в обществе.

Такое понимание бакалавриата и отношение к нему распространяется и на другие направления. Среди представителей отечественных организаций и предприятий 35 % работодателей приравнивает кандидатов со степенью бакалавра к претендентам, имеющим неполное высшее образование. По их мнению, магистры не будут принципиально отличаться от бакалавров уровнем подготовки. Восемь процентов компаний приравнивают бакалаврское образование к среднему специальному. Кроме того, значительная часть работодателей не отличает бакалавра от магистра.

При исследовании ценностных ориентаций молодежи были сопоставлены ответы на вопрос об изменении жизни в последние годы с представлениями студентов о ценности высшего образования. На вопрос о том, является ли сегодня высшее образование гарантией жизненного успеха, положительные ответы дали 37,2 % респондентов. Затруднились с ответом более 1/4 опрошенных (рис. 1).

Исходя из этого, полученное даже в престижном вузе высшее образование, по мнению студентов, не создает условий для достижения жизненного успеха.

Важным в плане исследования ценностных установок студентов являются ответы на вопрос «Как вы считаете, можно ли сегодня достичь высокого положения в обществе благодаря честному, добросовестному труду?». Здесь проявляется как общая установка на трудовую деятельность, так и представление о допустимости различного рода отклонений от моральных норм. По данному вопросу мнения студентов распределились следующим образом (табл. 2).

Позитивные ответы интерпретируются как готовность к действию в рамках принятых в обществе моральных норм. Только примерно 40 % опрошенных проявляют такую готовность, 23,4 % дают отрицательный ответ и более 1/3 затрудняются с ответом. Это является одной из проблемных зон в воспитательном воздействии вуза на становление будущего специалиста.

Такого рода наблюдения выявляются при анализе ответов студентов на вопрос: «Если бы вам предложили выгодный контракт, который предполагает выезд за границу на постоянное место жительства, вы бы согласились?». Данный вопрос рассматривается как индикатор патриотических установок студентов: 41,7 % студентов выражают готовность переехать за границу на постоянное место жительства, если будет предложен выгодный контракт. Таким образом, почти половина тех, кто учится на средства из государственного бюджета, рассматривают об-

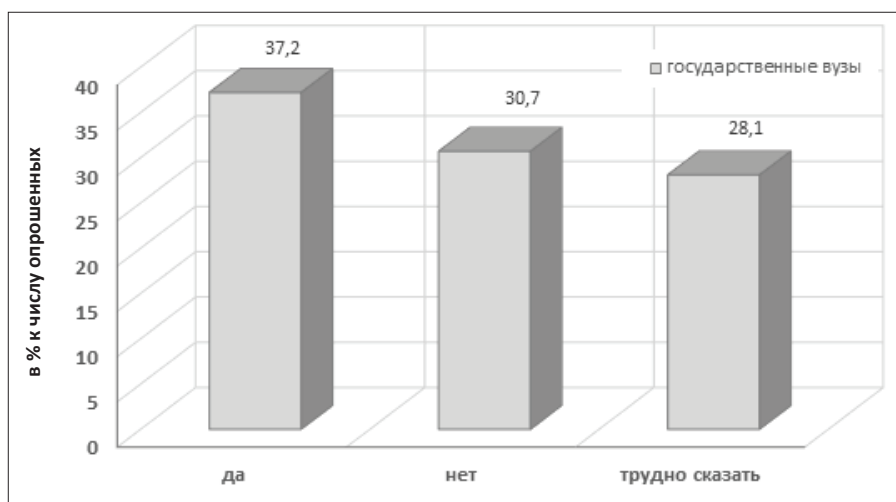

Рис. 1. Оценка студентами высшего образования как гарантии жизненного успеха

Ориентации студентов на честный, добросовестный труд (в % к числу опрошенных)

Как вы считаете, можно ли сегодня достичь высокого положения в обществе благодаря честному, добросовестному труду?	Государственные вузы
Да	42,6
Нет	23,4
Трудно сказать	34,0

разование как свой личный ресурс вне связи с интересами страны. Говоря об обстановке в политической сфере около 70 % студентов характеризуют ее как сложную и противоречивую. Это обусловлено непростой геополитической ситуацией для нашей страны.

В социальной сфере ситуация складывается относительно благополучно: доли позитивных и негативных оценок примерно равновесны (по 35 %). Вероятно, это обусловлено тем, что студенческая молодежь в силу возраста не в состоянии полностью оценить проблемы, возникающие, в частности, в сфере здравоохранения, социального обеспечения, дошкольного образования.

Тем не менее опрос показал, что более половины студентов (55 %) оптимистично смотрят в будущее своей страны, считая, что ее положение в ближайшее время улучшится. Настроение, с которым смотрит молодежь в свое будущее, в целом позитивное. Почти

75 % в той или иной степени оптимистично настроены относительно своих перспектив, более 60 % испытывают чувство уверенности в завтрашнем дне, а тревогу ощущают всего 28 %.

Таким образом, несмотря на экономический кризис, студентам московского мегаполиса свойственны оптимистичные настроения.

Заключение

В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что наиболее остро в московском мегаполисе стоят проблемы экономического характера, большая часть студентов оценивает ситуацию в нем как напряженную и нестабильную, в то же время ситуация в социальной сфере оценивается студентами как благополучная.

Литература

1. **Ананишнев В. М.** Социология образования: монография. Т. 2. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2008. 204 с.
2. **Геворгян Е. Н.** Социология в образовании: монография. М.: Перо, 2015. 497 с.
3. **Иванова О. А.** Социальное здоровье студентов вузов московского мегаполиса // «Сорокинские чтения»: X Международная научная конференция «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты» (17–18 февраля 2016 г.): сб. материалов. [Электронное издание]. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 795–797.
4. **Романова Е. С.** Потенциал вузовской науки в обеспечении гражданского и профессионального становления участников образовательного процесса // Системная психология и социология. 2010. № 2. С. 28–42.
5. **Рыжов Б. Н.** Самоактуализация или нравственность: опыт исследования мотивации студентов Папского Григорианского университета / Б. Н. Рыжов, Л. В. Сенкевич, С. Моргалло // Культурно-историческая психология. 2013. № 2. С. 10–17.

References

1. **Ananishnev V. M.** Sociology of Education: a monograph. Moscow: Engineer, 2008. Vol. 2. 204 p.
2. **Gevorgyan E. N.** Sociology in Education: a monograph. Moscow: Feather, 2015. 497 p.

3. **Ivanova O. A.** The Social Health of Students of the Moscow Metropolitan Universities // «Sorokin Reading»: X International Conference «Health of the Russian Society in the XXI Century: the Sociological, Psychological and Medical Aspects» (February 17–18, 2016): the collection of materials. [The electronic edition]. Moscow: Moscow University Press, 2016. P. 795–797.

4. **Romanova E. S.** The development of the science of higher education for the support of the civil and occupation formation of the participants of the educational progress // System Psychology and Sociology. 2010. № 2. P. 28–42.

5. **Ryzhov B. N.** Self-Actualization or Morality: Motivation of Students Research Experience of the Pontifical Gregorian University / B. N. Ryzhov, L. V. Sienkiewicz, S. Morgallo // Cultural-Historical Psychology. 2013. № 2. P. 10–17.

РУССКИЙ КОСМИЗМ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. Ф. Прякин,
РГГУ, Москва

В статье анализируются политические аспекты глобализации как процесс формирования глобальной целостности мирового сообщества. Обосновывается тезис о необходимости формирования единого общечеловеческого мировоззрения как идейной основы противостояния глобальным вызовам и угрозам. Анализируется вклад умонастроения русского космизма в формирование этической платформы будущего общечеловеческого мировоззрения.

Ключевые слова: миропорядок, политический процесс, глобализация, глобальные проблемы, мировое сообщество, мировоззрение, религия, наука, человек, трансгуманизм, русский космизм.

RUSSIAN COSMISM'S WORLD VIEW AS CONTRIBUTION TO THE DEMOCRATIC POLITICAL GLOBALIZATION

V. F. Pryakhin,
RSHU, Moscow

The article analyzes the political aspects of globalization as a process of formation of the global world community integrity. The author argues in favor of a new integral universal world view which is necessary to counter global challenges and threats accompanying the globalization process. The Russian cosmism concept is presented as the substantial contribution to the formation of the ethical platform of this universal world view.

Keywords: world order, political process, globalization, global problems, international community, world view, religion, science, human being, transhumanism, Russian cosmism.

Введение

Необходимость в повышении уровня глобального управления носит объективный характер и диктуется реальными угрозами, с которыми столкнулось международное сообщество на этапе четвертой промышленной революции. Распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, цивилизационный раскол, социальная дисгармония, нерегулируемая миграция, разрушение среды обитания, глобальное потепление, депопуляция в развитых и демографический взрыв в развивающихся странах — вот далеко не полный перечень глобальных проблем, угрожающих самому существованию человечества.

Решение этих проблем возможно только посредством координации усилий всего международного сообщества, формирования его всеобщей целостности. Но глобальные интеграционные процессы в современном мире могут привести к конкретным результатам только при опоре на поддержку широких масс населения, объединенных в гражданском

обществе. Такая опора может быть обеспечена на основе *универсального мировоззрения*, сплачивающего людей независимо от их социальной, расовой, национальной, конфессиональной или какой-либо другой принадлежности.

В настоящее время приходится констатировать не только отсутствие такого мировоззрения, но и существенный регресс в формировании общей духовной атмосферы в мире. Возникший *мировоззренческий вакуум* заполняется идеологией сверхпотребительства на Западе и фальсификацией традиционных моральных устоев на Востоке в угоду политическим авантюристам.

В итоге наблюдается движение цивилизации к «бифуркационному хаосу» [11: с. 37, 56] на фоне ускоряющегося научно-технического прогресса (НТП), который приводит не только к масштабному увеличению потребительских благ, но и к резкому возрастанию угрозы самоуничтожения.

В России, имеющей свой национальный опыт «предбифуркационного» развития в конце XIX – начале XX века, ранее, чем в других странах, были предприняты серьезные усилия

интеллектуальной элиты общества в поисках выхода из духовного кризиса. Некоторые из этих попыток актуальны и в наше время. На них мы и остановимся ниже.

Глобализация и глобальный кризис цивилизации

В современной науке достаточно широко признанным является мнение о том, что человечество вступило в эру кардинальных перемен. Эти перемены связаны с глобализацией и возникновением целого ряда глобальных проблем, угрожающих самому существованию земной цивилизации [1; 4; 10]. В наиболее общей форме они получили название *глобального кризиса* современной цивилизации.

Общепринятого обозначения причин глобального кризиса нет. Но одним из наиболее обоснованных толкований является их понимание как следствия значительного отставания в общественном осмыслении достижений научно-технического прогресса. Основоположник отечественного человековедения И. Т. Фролов считал, что это отставание нашло свое выражение в том, что сегодня принято называть «технократическими перекосами» [16].

Парадигма глобального кризиса находит выражение в теории технологических пределов роста, которую разделял И. С. Шкловский [18] и которая в XXI веке получила развитие в концепции качественного скачка, происходящего на период достижения точки сингулярности где-то около середины XXI века.

В наиболее общем виде ситуация с точкой сингулярности иллюстрируется теоремой Э. Мура, согласно которой информационная насыщенность (память) головного мозга всех людей к этому времени может быть размещена в объеме одного небольшого компьютера. На практике эта теоретическая абстракция выражается достижением физически возможных пределов в целесообразной деятельности человека во всех сферах жизни. В области совершенствования материальных средств ведения войн этот предел был достигнут значительно раньше. Уже в 60-е годы XX века стала очевидной возможность уничтожения всего живого на Земле посредством применения ядерного оружия.

Инстинкт выживания, естественно, стимулирует интеллектуальную элиту мирового сообщества к поискам выхода из создавшегося положения и путей развития нашей цивилизации за пределами точки сингулярности. Идейные поиски мыслителей при этом прежде всего обращаются в сторону концепций мирового единения и повышения уровня *глобального управления*.

Глобальное управление как предпосылка выживания цивилизации

Идея глобального управления миром как предпосылки освобождения человечества от ужасов войн является одним из самых древних чаяний мировой интеллектуальной элиты. В разные исторические эпохи и в разных странах в пользу управления миром из единого центра высказывались Аристотель, Платон, Дж. Локк, И. Кант, Ж.-Ж. Руссо, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, П. Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский, Г. Уэллс, А. Эйнштейн, М. Ганди, В. Вильсон, А. Печчеи, Г. Коль, А. Д. Сахаров, А. Этциони, Э. Ласло и многие другие выдающиеся мыслители, политические деятели и меценаты. Интересы России также непосредственно связаны с глобальными мировыми тенденциями, среди которых «объективное повышение роли многосторонней дипломатии, международных институтов и механизмов в мировой политике и экономике, вызванное усилением взаимозависимости государств, необходимостью повышения управляемости мирового развития» [7].

Вплоть до нашего времени видение конкретных путей реализации глобального управления часто ограничивается концепциями формирования *мирового правительства* на основе политического доминирования какого-либо одного национального государственного образования над другими. Таковыми были образования Александра Македонского, Арабский халифат VII–IX веков, Западная и Восточная Римские империи, Монгольская империя, попытка Наполеона объединить Европу при гегемонии молодой французской буржуазии и другие политические структуры, образование которых, как правило, было связано с применением силы. Соответственно

концепции единого мира того времени носили названия *Rex Romana*, *Rex Britannica*, си-ноцентризм, франкоцентризм, пангерманизм, панславизм, *Rex Americana* и др.

В наше время идея единого мира чаще всего формулируется культурологической концепцией *вестернизации* и политологической формулой верховенства США. В наиболее откровенной форме такое толкование истории было дано бывшим государственным секретарем США Г. Киссинджером, который, выступая в октябре 1999 года в Тринити Колледж (Ирландия), заявил: «Главный вызов состоит в том, что то, что обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов» [20].

В то же время получила развитие и концепция взаимосвязанного глобально-целостного международного сообщества на основе *устойчивого развития*. С самого начала разработки стратегии устойчивого развития отечественные ученые акцентировали внимание на том, что ее успех будет зависеть от того, в какой степени международному сообществу удастся утвердить приоритет глобальных принципов, императивов и целей по отношению к аналогичным локальным, национальным, региональным, групповым и кастовым интересам [3].

Наиболее мощным проводником такого подхода в конкретной практике международных отношений являются международные организации, и прежде всего ООН. Идея демократической глобализации получила наиболее полное общепризнанное выражение в официальном документе ООН «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ), принятом на Саммите тысячелетия в 2000 году. В этом документе указаны восемь международных целей, которые государства — члены ООН и более двадцати международных организаций договорились достичь к 2015 году:

- 1) ликвидация абсолютной бедности и голода;
- 2) обеспечение всеобщего начального образования;
- 3) содействие равноправию полов и расширению прав женщин;
- 4) сокращение детской смертности;
- 5) улучшение охраны материнского здоровья;

6) борьба с ВИЧ / СПИДом, малярией и прочими заболеваниями;

7) обеспечение экологической устойчивости;

8) формирование всемирного партнерства в целях развития.

В действительности, однако, ни одна из восьми целей, обозначенных в ЦРТ, к 2015 году не была достигнута. Более того, достижение многих из них осложнилось, возникли и новые вызовы (лихорадки Эбола, Зика и пр.).

Новое мировоззрение как идейная основа глобального управления

Неудача в реализации концепции устойчивого развития и формировании на ее основе глобально-целостного международного сообщества объясняется, прежде всего, отсутствием мощной социальной базы, на основе которой можно было бы реализовать эти концепции.

Все успешные мировые движения опирались на такую поддержку. Атлантическая хартия базировалась на политической воле масс противостоять гитлеровскому нашествию; Движение неприсоединения идеологически и политически основывалось на стремлении государств и народов выйти из-под диктата сверхдержав в эпоху биполярности; Движение за мир и разоружение во второй половине XX века объединило сотни миллионов людей под лозунгами выживания в ядерную эпоху; Мировое коммунистическое движение имело в качестве массовой базы хорошо организованные национальные секции, а на более раннем этапе своего развития всемирную партию «Коминтерн». Характерно, что один из видных идеологов политического ислама Сайид Кутб спустя полвека после выхода книги В. И. Ленина «Что делать?» почти дословно воспроизвел теоретические ее положения о необходимости «сознательного авангарда» для мобилизации масс на пути к «возрождению» [8].

Перед современным ученым возникают вопросы: почему же тогда в мире до сих пор нет мощного массового не только политического, но и просто общественного движения за выживание, за единый мир, основанного на общечеловеческой общности и универ-

сальных приоритетах? Почему образовавшийся идеологический вакуум заполняется, с одной стороны, религиозными лжеучениями, с другой — идеологией сверхпотребительства, которая, по оценке лауреата Нобелевской премии А. Гора, хуже гитлеровского нацизма?

Ответы на эти вопросы следует искать в специфике самого этапа человеческой истории на подходе к точке сингулярности. Специфика этого этапа, который получил общее название глобализации, заключается в том, что земная цивилизация как система [14] подошла к такому рубежу в своем развитии, когда возникла необходимость преобразования самого биологического вида *Homo sapiens* как такового. Нечто подобное предвидел один из главных представителей экзистенциализма К. Ясперс, когда называл качественный скачок в совершенствовании человека как биологического вида неперенным условием выживания человечества [21].

Объективно *Homo sapiens* за сорок тысяч лет со времени своего расселения на Земле был средством познания материи как самой себя в пределах своего обитания как некоего «срединного мира», или *мезокосма*. На этапе глобализации мезокосм оказался познанным, человек вторгся в макро- и микрокосмос, возможности познания которых естественными человеческими рецепторами без применения дополнительного искусственного инструментария крайне ограничены или вообще невозможны. Совершенствуя этот инструментарий, человек постепенно сливается с ним и в конечном итоге качественно увеличивает пространственные и временные пределы своего проникновения в окружающий мир.

Многие ученые предполагают, что в случае, если цивилизация не погибнет от уже существующих глобальных проблем, то человек достигнет такого уровня развития науки, когда он сможет регулировать процессы старения биологических организмов и свободно перемещаться во Вселенной.

Проблема заключается в том, что подавляющее большинство ныне живущих людей не видит в этом для себя никакого смысла. Научно-технический прогресс разрушил основы традиционных религиозных верований в бессмертие и воскрешение, ничего не предо-

ставив взамен. Не всем понятно, зачем человеку рукотворное бессмертие, если через четыре миллиарда лет наша галактика будет поглощена туманностью Андромеды и любые формы жизни на ней все равно прекратятся. Отсюда распространение идеологии сверхпотребительства, когда «общество все больше и больше погрязает в низкопробной похоти, следует своим распущенным и порочным капризам, все больше облипая грязью и глиной, полагая в то же время, что оно по ходу поиска наслаждений освобождается от кандалов и оков» [8].

Но сверхпотребительство не в силах заглушить в человеке естественный инстинкт веры в смысл своего существования. В отсутствие вековых нравственных ценностей получила распространение вера «в Нечто», так называемый *итсизм*¹, или, по определению исследователя данного явления А. В. Ткаченко, абстрактная вера во Что-то, существующее свыше [13]. В итсизме отразилось широкое признание неспособности церковных кругов отстоять свою твердую догматическую позицию в условиях ослабления традиционного христианства в странах Северного полушария.

Можно признать, что итсизм — это не что иное, как начало будущего мировоззрения или некой, по выражению Ф. М. Достоевского, «Вселенской Церкви» [2: с. 489], призванной объединить все человечество. Но для такого объединения Церковь должна вернуться к своим истокам, когда, как, например, в Древнем Египте, религия была едина с наукой, а священнослужители являлись одновременно и служителями культа, и учеными-астрономами, и лицедеями, внушавшими тысячам людей веру в смысл и продолжение своего существования после окончания земного жизненного пути. Обе эти формы общественного сознания (религия и наука) в течение столетий воспринимались отцами Церкви в их гармоничном взаимодействии. Различие между ними, по словам Августина Блаженного, заключалось в том, что «вера вопрошает, разум обнаруживает».

¹ **Итсизм** (голланд. *ietsisme* [its'ismə], от голланд. *iets* [its] — что-то, кое-что, что-нибудь) — форма религиозного либерализма, характеризующая веру людей, не признающих традиционные религии и считающих, что вместо Бога есть Что-то (или Кто-то), способное (или способный) влиять на человеческую жизнь.

Ускорение научно-технического прогресса в соответствии с потребностями растущего человечества привело к попыткам отказа от религиозной формы сознания, а с течением времени и к «технократическим перекосам» [16], обозначившим неспособность человека адекватно отражать окружающую действительность.

В современной науке предпринята попытка преодолеть эти «перекосы» и обозначить новые нравственно-этические нормы и идеалы. Возникло и распространяется, в особенности в США, философско-этическое направление *трансгуманизма*, в основу которого положен тезис о возможности и необходимости совершенствования *Homo sapiens* как биологического вида.

Овладев эмпирическим материалом информационно-технологической революции XX–XXI веков, трансгуманисты имеют представление о путях совершенствования искусственного интеллекта, современных компьютерных технологий и о возможностях воспроизведения элементов человеческой психики в электронных моделях.

Сильной стороной учения трансгуманистов является выход на практические проекты, реализация которых основывается на новейших достижениях в области вычислительной техники, генной инженерии, психологии и других отраслей знания. Это позволяет им, в частности, свободно толковать сакральное понятие бессмертия как задачу прикладной науки.

Первый этап решения проблем бессмертия человека русские трансгуманисты видят в создании «нейроуправляемого аватара» — гуманоидного робота с человекоподобным скелетом, набором технических мышц и сенсоров [12]. За рубежом также имеется ряд интересных проектов и практических разработок в области моделирования различных функций человеческого тела. Многие из них были представлены на Международном конгрессе «Глобальное будущее — 2045» (Москва, 17–20 февраля 2012 г.), организованном стратегическим общественным движением «Россия 2045».

Вместе с тем приходится признать, что «технологический оптимизм» трансгуманистов ведет их к стремлению реализовать част-

ные практические достижения без должной оценки возможных последствий для человечества.

Это дало основание члену Совета по биоэтике при Президенте США Ф. Фукуяме квалифицировать трансгуманизм как «самую опасную идею в мире». «Как биологический вид, — пишет Фукуяма, — человек всего-навсего довольно жалкая смесь вечных болезней, физических ограничений и короткой продолжительности жизни. Плюс свойственные человеку чувства зависти, постоянной тревоги, страха перед насилием... В свете всего этого трансгуманистические проекты представляются совершенно разумными. Почему бы нам и не выйти за пределы нашего нынешнего биологического вида, если это представляется технологически возможным? В кажущейся обоснованности трансгуманистических проектов, в особенности если рассматривать их в небольших дозах, и таится частично их опасность. Маловероятно, что общество в одночасье попадет под воздействие чар трансгуманистического мировоззрения. Но весьма возможно, что мы будем отщипывать кусочки от биотехнологических наживок, не осознавая их устрашающей этической цены» [19].

Обоснованные опасения Ф. Фукуямы повторяют, по сути, доводы отечественных глобалистов середины XX века (И. Т. Фролов, В. В. Загладин) в пользу осторожного обращения с достижениями научно-технической революции в гуманитарном аспекте. Содержание глобальной проблемы человека, составляющей, по их мнению, центральное звено всей системы глобальных проблем, они как раз и видели в необходимости сохранения человека как биологического вида *Homo sapiens*.

Впрочем, это не единственный случай, когда отечественная научная мысль обогнала изыскания западных исследователей. При ближайшем рассмотрении все направление трансгуманизма представляется повтором умонастроения русского космизма, представленного в трудах выдающихся отечественных ученых К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, Н. Ф. Федорова. При всей технологической продвинутости трансгуманизма он качественно уступает русскому космизму в системности и логике пост-

роения целеполагания перспектив развития человеческого общества в условиях ускорения НТП. Эти системность и логика делают умонастроение отечественных ученых неопределимым вкладом в формирование мировоззрения выживания человечества в XXI веке.

Русский космизм и идеология выживания XXI века

Во-первых, космисты своевременно распознали опасность непродуманного использования результатов НТП. «...Близкое знакомство с некоторыми вещами, — говорил К. Э. Циолковский в беседе с А. Л. Чижевским, — может быть пагубно для людей. Ну, представьте себе, что мы бы вдруг научились вещество полностью превращать в энергию, то есть воплотили бы преждевременно формулу Эйнштейна в действительность. Ну тогда — при человеческой морали — пиши пропало, не сносить людям головы. Земля превратилась бы в ад крошечный: уж люди показали бы свою голубиную умонастроенность — камня на камне бы не осталось, не то что людей. Человечество было бы уничтожено! Помните, мы как-то говорили с вами о конце света. Он близок, если не восторгает вас!» [17].

Во-вторых, ими была представлена для первой в истории международной конференции по разоружению, созданной также по инициативе России в 1898 году, программа конверсии военного производства «Как орудия разрушения обратить в спасение». В развернутом виде эта программа вошла в историю как проект «Общего дела» человечества, долженствовавшего побудить людей отказаться от войн и объединить их во имя достижения общей великой цели бессмертия и воскрешения [15].

В-третьих, русский космизм в отличие от трансгуманизма не вступает в противоречие с догматами традиционных религий. Как отметил видный представитель трансгуманизма, научный сотрудник Института развития экономики (IDE – JETRO) в Токио Х. Кордейро на встрече с московскими трансгуманистами 21 ноября 2015 года, *трансгуманизм отвергает религию*. Такая позиция ограничивает возможности воздействия трансгуманистов на широкие массы

не только глубоко верующих, но и итсистов, желающих верить.

В то же время русский космизм зародился и получил развитие в недрах религиозной философии как ответ на общественную потребность во «Вселенской Церкви» [2]. Все без исключения русские космисты были верующими людьми, хотя некоторые из них ставили под сомнение существование личностного Высшего Существа и слыли еретиками в глазах ортодоксальных клерикалов. Отдельные космисты исходили из того, что религия есть не что иное, как фольклорная концепция НТП.

Такое толкование — само по себе существенный вклад в историю мировоззрения человечества. Суть его объяснил К. Э. Циолковский в одной из бесед с А. Л. Чижевским, состоявшейся в 1932 году, в ходе которой основоположник теоретической космонавтики дал определение религиозной символике как «смутной догадке о будущем человечества»: «Мы должны признать за ней право на существование, ибо нельзя многие миллионы людей признать полоумными или просто глупцами! Над этими общепринятыми во всех религиях символами (душа, потусторонний мир, рай, ад. — *В. П.*) надо глубоко поработать, полнее расшифровать их с космической точки зрения» [17].

Таким образом, если трансгуманисты даже в высокотехнологичном XXI веке говорят как о прикладной задаче лишь об увеличении естественных пределов видовой продолжительности жизни, то космисты в XIX веке поставили вопрос о воскрешении, по выражению Ф. М. Достоевского, «преждеживших» как о задаче прикладной науки. Это различие делает космизм намного более привлекательным в качестве мировоззрения выживания, так как заинтересовывает в нем не только представителей молодого поколения, рассчитывающих стать бессмертными за пределами точки сингулярности, но и всех тех, кто хочет обрести новую плоть после смерти для себя и для своих близких «преждеживших».

В-четвертых, русский космизм — это возможные истоки будущего мировоззрения, призванного объединить все человечество на основе *синтеза науки и религии*.

На достигнутом в XXI веке этапе НТП сакральные идеалы всех религий (бессмертие и воскрешение) все более трактуются как за-

дачи прикладной науки — искусственное увеличение видовой продолжительности жизни и бионическое антропоидентичное моделирование.

С научной точки зрения решение этих задач теоретически представляется реальным, так как весь процесс познания есть процесс моделирования человека. Еще в середине XX века основатель научных школ по теории вероятности и теории функций А. Н. Колмогоров считал, что если «моделирование способа организации материальной системы не может заключаться ни в чем ином, как в создании из других материальных элементов новой системы, обладающей в существенных чертах той же организацией, как и система моделируемая», то «достаточно полная модель живого существа по справедливости должна называться живым существом, модель мыслящего существа — мыслящим существом» [5: с. 52]. Если же мы моделируем данное конкретное мыслящее существо, то модель может бесконечно близко приближаться к этому существу.

Все дело в том объеме информации, которое моделируемые субъекты оставляют о себе на Земле. На этом принципе построена работа по созданию «цифровых двойников» человека — Self-developed digital images (SDDI) [9]. Суть проекта заключается в том, что образ человека фиксируется посредством видеокамер, а затем оцифровывается соединенным с ними компьютером. Далее компьютер продолжает создавать модель человека, используя вмонтированное в него аудиовизуальное оборудование. При этом производится постоянная корректировка виртуального образа с целью максимально приблизить его к подлинной индивидуальности моделируемого индивида.

Однако в настоящее время нарушена гармония науки и религии. Наука, отвечая на возрастающие материальные потребности человека, в последние века развивалась быстро. Но костры инквизиции, трагические судьбы Дж. Бруно, Г. Галилео, Т. Кампанеллы обозначили углубляющееся противоречие между наукой и религией. Противоречие это было во многом искусственным и порожденным соперничеством Церкви и государства в борьбе за власть. Что же касается мировоззренческих основ обывательского мышления, то гармония рационального и эмоционального

никогда не прерывалась в рамках банальной, но действенной парадигмы «На Бога надейся, да сам не плошай!»

С началом глобализации эта незамысловатая и эффективная в течение столетий парадигма мышления потеряла свою действенность. Так, увидев в кино картину ядерного взрыва на Новой Земле 30 октября 1961 года, обыватель мог подумать, что надежда на антропоморфного канонического Бога тщетна. Человечество может быть уничтожено самими людьми без вмешательства дьявола, и спасти его должны и могут только сами люди, объединившиеся во имя выживания. Такова материалистическая идеология, постепенно овладевшая миром с начала 60-х годов XX века.

С другой стороны, стала набирать силу возникшая еще во времена зарождения протестантизма мысль о том, что сам человек является носителем Провидения. Тем более что и в Священном Писании на этот счет есть недвусмысленное указание: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20). Бесполезно и опасно, следовательно, ожидать спасения земной цивилизации извне, но в то же самое время противостояние глобальным проблемам, выживание человечества — достижимая цель разумной деятельности человека, освященная творцами цивилизации. А сам Homo sapiens в этой новой парадигме мышления как раз и является носителем того «Вселенского космического разума», который, возможно, существовал всегда и с религиозной точки зрения основал когда-то нашу планету и все мироздание.

Заключение

На Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2016 года первая половина XXI века была охарактеризована как время «четвертой промышленной революции». Тем самым сделана попытка подогнать эпоху глобализации под общий классический ранжир мировой истории: если были первая, вторая, третья промышленные революции, то человечество переживет и четвертую.

Такая трактовка уменьшает бдительность мировой политической элиты перед системой глобальных угроз, в своей совокупности ве-

душных к гибели цивилизации. «Подлинное объединение усилий международного сообщества требует формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие» [6].

Человечество должно перейти к устойчивому развитию с тем, чтобы совершить качественный скачок в эволюции материального носителя разума, каковым является Homo sapiens. Необходимое для такого скачка целеполагание, основанное на синтезе науки и религии, содержится в умонастроении русского космизма. При этом следует отметить, что

русский космизм не какое-то исключительное явление в истории мировой философской и политической мысли. Скорее, это отечественный пласт мирового культурно-исторического наследия. В разные исторические эпохи и в разных частях света в это наследие вносили схожие вклады Аристотель, Джаладдин Руми, И. В. Гете, М. Шелли, мирза Хусейн-Али-и-Нури, Дж. Дана, К. Ясперс, А. Эйнштейн, П. Тейяр де Шарден, Дж. Неру, Чень Юй и многие другие ученые, мыслители, литераторы, художники, политики, деятели культуры и священнослужители. Следуя указанным ими путем, человечество должно пересечь точку сингулярности и продолжить «путешествие разума во Вселенной» на новых материальных носителях.

Литература

1. **Генон Р.** Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995. 783 с.
3. **Ильин И. В.** Глобалистика в контексте политических процессов: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: МГУ, 2011. 50 с.
4. **Киссинджер Г.** Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
5. **Колмогоров А. Н.** Жизнь и мышление как особые формы существования материи // О сущности жизни. М.: Наука, 1964. С. 48–57.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F
7. Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. URL: <http://news.kremlin.ru/acts/785>
8. **Кутб Сайид.** Вехи на пути к Аллаху. URL.: http://portal21.ru/news/we_recommend.php??ELEMENT_ID=736
9. **Мартынов А.** Живой портрет, или жизнь после смерти // Деловая пресса. 2002. № 8 (131). URL.: <http://rus.triz-guide.com/1689.html>
10. Международные отношения ближайшего десятилетия и Россия: Прогностический проект ИМЭМО РАН, выполненный под руководством чл.-корр. РАН О. Н. Быкова. М., 1995.
11. **Пригожин И. Р., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
12. **Станкевич Л. А.** Разработка искусственной нервной системы гуманоидного робота (аватара). URL: <http://www.2045.ru/experts/28869.html>
13. **Ткаченко А. В.** Итсизм как основная форма религиозных представлений современной молодежи // Системная психология и социология. 2012. № 6. С. 112–120.
14. **Ткаченко А. В.** Циклическое развитие российского общества // Системная психология и социология. 2014. № 11. С. 89–105.
15. Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова / под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Верный, 1906. Т. 1.
16. **Фролов И. Т.** Философия глобальных проблем: материалы Вторых Фроловских чтений (2002 г.). URL.: http://www.frolov-it.ru/mem2.html#_ftn1
17. **Циолковский К. Э.** Грезы о Земле и небе. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 448 с.

18. **Шкловский И. С.** Вселенная. Жизнь. Разум. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 239 с.
19. **Fukuyama F.** Transhumanism // Foreign Policy. 2004. September 1. URL: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2004/09/01/transhumanism?print=yes&hidecomments=yes&page=full>
20. **Gindin S.** Social Justice and Globalization: Are they Compatible? // Monthly Review. 2002. Vol. 54, Issue 02. P. 11. URL: <https://monthlyreview.org/2002/06/01/social-justice-and-globalization-are-they-compatible/#fn1>
21. **Jaspers K.** Philosophie und Welt. München, 1958. 169 s.

References

1. **Guenon R.** La crise du monde moderne. M.: Eksmo, 2008. 784 p.
2. **Dostoevsky F. M.** The Writer's Diary // The Collected Works in 15 volumes. Vol. 14. SPb.: Science, 1995. 783 p.
3. **Pyin I. V.** Global Studies in the Context of Political Processes: Abstract of Dissertation for the Degree of Doctor of Political Sciences. M.: MSU, 2011. 50 p.
4. **Kissinger H. A.** World Order. M.: AST, 2015. 512 p.
5. **Kolmogorov A. N.** Life and Thought as a Special Form of Matter Existence // About the essence of life. M.: Science, 1964. P. 48–57.
6. The Concept of the Russian Federation 's Foreign Policy dated February 12, 2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
7. The Concept of the Russian Federation 's Foreign Policy dated July 15, 2008. URL: <http://news.kremlin.ru/acts/785>
8. **Qutb Syed.** Milestones on the Road to Allah. URL: http://portal21.ru/news/we_recommend.php??ELEMENT_ID=736
9. **Martynov A.** Live Portrait, or Life after Death // The Business Press. 2002. № 8 (131). URL: <http://rus.triz-guide.com/1689.html>
10. International Relations of the Next Decade and Russia: The Prognostic Project by the Institute of World Economy and International Relations of The Russian Academy of Sciences. M., 1995.
11. **Prigozhin I. R., Stengers I.** Order out of chaos. A New Dialogue between Man and Nature. M.: Progress, 1986. 432 p.
12. **Stankevich L. A.** The Development of a Man-made Nervous System of a Humanoid Robot (avatar). URL: <http://www.2045.ru/experts/28869.html>
13. **Tkachenko A. V.** Ietsism as an Underlying Form of Modern Youth's Religion // System Psychology and Sociology. 2012. № 6. P. 112–120.
14. **Tkachenko A. V.** Cyclic Development of Russian Society // System Psychology and Sociology. 2014. № 11. P. 89–105.
15. Philosophy of the Collective Cause: The Articles, Thoughts and Letters by Nikolay Fyodorov. Verny, 1906. Vol. 1.
16. **Frolov I. T.** Philosophy of Global Problems: The Matters of the Second Frolov Readings (2002). URL: http://www.frolov-it.ru/mem2.html#_ftn1
17. **Tsiolkovsky K. E.** The Daydreams of Earth and Sky. Tula: Priokskoe book publisher, 1986. 448 p.
18. **Shklovsky I. S.** Universe. World. Intellect. M.: The USSR Academy of Sciences, 1962. 239 p.
19. **Fukuyama F.** Transhumanism // Foreign Policy. 2004. September 1. URL: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2004/09/01/transhumanism?print=yes&hidecomments=yes&page=full>
20. **Gindin S.** Social Justice and Globalization: Are they Compatible? // Monthly Review. 2002. Vol. 54, Issue 02. P. 11. URL: <https://monthlyreview.org/2002/06/01/social-justice-and-globalization-are-they-compatible/#fn1>
21. **Jaspers K.** Philosophie und Welt. München, 1958. 169 s.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА
«СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ»**

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2016, № 1 (17)

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, заведующая кафедрой общей и практической психологии ИПССО МГПУ, заслуженный учитель Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, лауреат премии Президента Российской Федерации 1998 года в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 года в области образования, почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychology, Full professor; Director of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University», Head of the Department of General and Practical Psychology of IPSSR MCU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award in 1998, Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009. Honorary Professor of MCU, member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation.
E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

РЫЖОВ Борис Николаевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической, возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, лауреат премии Правительства Российской Федерации 2009 года в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

RYZHOV Boris Nikolayevich — Doctor of Psychology, Full professor. Head of the Department of Pedagogical, Developmental and Social Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University». Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
E-mail: rizhov51@mail.ru.

КУЛАГИНА Ирина Юрьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры возрастной психологии Московского городского психолого-педагогического университета.

KULAGINA Irina Yuryevna — PhD (Psychology), senior researcher, professor of the Department of Developmental Psychology of Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE).

КОНСТАНТИНОВА Наталья Ивановна — педагог-психолог средней общеобразовательной школы № 13 города Подольска.

KONSTANTINOVA Natalya Ivanovna — Educational psychologist of the Secondary School № 13 in Podolsk.

КОГАН Борис Михайлович — доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

KOGAN Boris Mikhailovich — Doctor of Biology, Full professor. Head of the Department of Clinical and Special Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: boriskogan@mail.ru

АХМЕДОВА Марина Магирамовна — клинический психолог психиатрической больницы № 22 города Москвы.

AKHMEDOVA Marina Magiramovna — Clinical psychologist at the Psychiatry Hospital № 22 in Moscow.

ВАЛЯВКО Светлана Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

VAIYAVKO Svetlana Mikhailovna — PhD (Psychology), Docent. Docent of the Department of Clinical and Special Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: valyavko@yandex.ru

ШУЛЕКИНА Юлия Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры логопедии Института специального образования и комплексной реабилитации МГПУ.

SHULEKINA Yulia Alexandrovna — PhD (Pedagogy), docent of the Department of Logopedia of the Institute of Special Education and Complex Rehabilitation of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: rameja@rambler.ru

СЕНКЕВИЧ Людмила Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности факультета психологии, социальной медицины и адапционно-реабилитационных технологий Российского государственного социального университета.

SENKEVICH Lyudmila Viktorovna — PhD (Psychology), Docent. Associate professor of the Department of Psychology of Labour and Official Activity of the Faculty of Psychology, Social Medicine and Adaptation-Rehabilitation Technologies of the Russian State Social University.

E-mail: lvsenkevich@mail.ru

БОНКАЛО Татьяна Ивановна — доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии труда и служебной деятельности РГСУ.

BONKALO Tatyana Ivanovna — Doctor of psychological Sciences, Docent. Head of the Department of Psychology of work and official activities of RSSU.

E-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

АНАНИКОВА Виктория Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития Московского педагогического государственного университета.

ANANIKOVA Viktoriya Viktorovna — PhD (Psychology), Docent, docent of the Department of Psychology of Development, Moscow State Pedagogical University.

E-mail: viktorija-ananikova@rambler.ru

ШЕЙНОВ Виктор Павлович — доктор социологических наук, профессор, академик Международной академии информационных технологий, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета.

SHEINOV Viktor Pavlovich — Doctor of Sociology, Full professor, Academician of the International Academy of Information Technologies, professor of Department of Psychology and Pedagogical Proficiency the Institute of Higher Education under the auspices of the Belarusian State University.

E-mail: sheinov1@mail.ru

ЛЬВОВА Светлана Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической, возрастной и социальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, заместитель директора Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ по воспитательной работе.

LVOVA Svetlana Vladimirovna — PhD (Psychology), Docent, docent of the Department of Pedagogical, Developmental and Social Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University». Deputy director for the educational work of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Professional Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: lvova.c@mail.ru

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

IVANOV Denis Vasilievich — Ph.D (Pedagogics). Docent of the Department of General Psychology and History Psychology, FGBOU VO «Novosibirsk State Pedagogical University».

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ТКАЧЕНКО Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

TKACHENKO Alexandr Vladimirovich — PhD (History), Docent, docent of the Department of Sociology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: professor.tkachenko@gmail.com

ТАТАРИНЦЕВ Евгений Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

TATARINTSEV Evgeny Alekseevich — PhD (Sociology), Docent, docent of the Department of Sociology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: tatarinzev@yandex.ru

НИКИПОРЕЦ-ТАКИГАВА Галина Юрьевна — PhD, кандидат филологических наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и международных отношений Российского государственного социального университета (Москва); профессор кафедры славистики Кембриджского университета (Кембридж, Великобритания).

NIKIPORETS-TAKIGAWA Galina Yuryevna — PhD, kandidat of sciences, Professor and Head of Department of Political Science and International Relations, Russian Social State University (Moscow), Lecturer of the Department of Slavonic Studies of the University of Cambridge (Cambridge, UK).

E-mail: nikiporetsgiu@rgsu.net; gn254@cam.ac.uk

АНАНИШНЕВ Владимир Максимович — доктор социологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, профессор кафедры социологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

ANANISHNEV Vladimir Maksimovich — Doctor of Sociology, Full professor. Academician of Russian Academy of Natural Sciences. Professor of the Department of Sociology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: ananishnev@yandex.ru

ИВАНОВА Оксана Александровна — соискатель кафедры социологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

IVANOVA Oksana Aleksandrovna — competitor of the Department of Sociology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the State Educational Self-Governing Institution of Higher Education of the City of Moscow «Moscow City University».

E-mail: oksanai1975@mail.ru

МАШКОВА Лариса Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова.

MASHKOVA Larisa Alexandrovna — PhD (philology), docent of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University.

ПРЯХИН Владимир Федорович — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

PRYAKHIN Vladimir Fedorovich — Doctor in political Sciences, PhD (History), professor of the Department of the World Politics and International Relations at the Russian State University for the Humanities.

E-mail: pryakhin2010@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Всероссийское периодическое издание научно-практический журнал

№ 1 (17) 2016

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

Подписано в печать: 25.04.2016 г. Формат 70 × 108 1/16.

Бумага офсетная.

Объем 7,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.